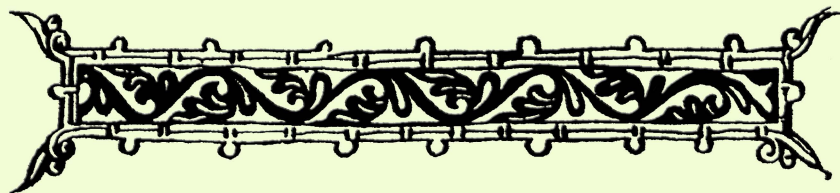

**Восточная Европа
в древности
и средневековье**

XXXII

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

**EASTERN EUROPE
IN ANTIQUITY
AND THE MIDDLE AGES**

Readings in Memory of V.T. Pashuto

Volume XXXII

**COMPARATIVE STUDIES
IN SOCIO-CULTURAL PRACTICES**

Moscow
2020

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Выпуск XXXII

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

Москва
2020

ББК 63.3

В 782

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Ю.А. Артамонов, д.и.н. Т.В. Гимон, д.и.н. Т.Н. Джаксон,
к.и.н. Т.М. Калинина, д.и.н. И.Г. Коновалова,
к.и.н. Е.В. Литовских, к.филол.н. В.И. Матузова,
д.и.н. А.В. Назаренко, к.и.н. И.М. Никольский,
д.и.н. А.В. Подосинов, к.и.н. Б.Е. Рашковский,
д.и.н. Л.В. Столярова, к.и.н. А.С. Щавелев

В 782

Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик / Отв. ред. Е.А. Мельникова. – М., 2020. – 264 с.: ил.

Выпуск содержит статьи, представленные в качестве докладов на XXXII Чтениях памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Статьи посвящены различным аспектам сравнительного изучения обществ Древности и Средневековья.

ISBN 978-5-94067-508-2
ISSN 2686-8792

© Институт всеобщей истории РАН, 2020 г.
© Авторы, 2020 г.
© Редакционная коллегия, 2020 г.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ НА ВНУТРЕННЕЙ ГРЯДЕ КРЫМСКИХ ГОР*

Внутренняя гряда Крымских с юга и юго-востока граничит с высокой Главной грядой, а с запада и северо-запада – с Внешней грядой. Протянувшаяся на 125 км от Меккензиевых гор в Севастополе до горы Агармыш у Старого Крыма Внутренняя гряда рассечена долинами рек Бельбек, Кача и Альма. Они пробили в гребнях гряды одноименные глубокие каньоны с отвесными склонами (Подгородецкий 1988. С. 19–21). В западной части гряды в результате эрозионных и тектонических процессов образовались совершенно изолированные, круто обрывающиеся во все стороны горы-останцы Каламита, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Инкерман, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Сюйрень и Бакла. По вырубленным на поверхности их плоских вершин и склонах пещерам эти горы называют «пещерными городами». Полемика о различных аспектах их истории продолжается более полутора веков.

Ф. Дюбуа де Монпере в повествовании о путешествии в 1831–1833 гг. в Крым обратил внимание на «пещерные города» со словом «кермен» в топонимах (Инкерман, Черкес-кермен, Тепе-Кермен, Керменчик). Правда, в этот список он включил и топонимы со словом «кале» (Мангуп-Кале, Качи-Кальон, Чуфут-Кале) и даже Мангуш. Путешественник отождествил эти «пещерные города» с описанными Прокопием Кесарийским «длинными стенами», возведенными по повелению Юстиниана I для защиты речных долин от проникновения из степи (Dubois de Montpéreux 1843. P. 225–226). А.А. Васильев утверждал, что данный рассказ Прокопия свидетельствует о создании своего рода *limes Tauricus* (Vasiliev 1936. P. 72–73).

По мнению М.А. Тихановой, известные на второй гряде Крымских гор укрепленные «пещерные города» Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Инкерман, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла идентичны «длинным стенам» Прокопия, закрывавшим горные проходы к Херсону (Тиханова

1953. С. 324). По словам Е.В. Веймарна, в приведенный список помимо крепостей включены пещерные монастыри Шулдан, Чилтера и Качи-Кальон (Веймарн 1958. С. 72–73). А.Л. Якобсон видел «длинные стены» в крепостях Сюйрень, Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Каламита и Чуфут-Кале (Якобсон 1964. С. 11).

По утверждению Е.В. Веймарна, «пещерные города» создали в V в. местные жители, потомки тавров и скифов, переселившиеся на Внутреннюю гряду. Он разделил «пещерные города» на две группы: небольшие крепости площадью 1–2 га (Каламита [Инкерман], Тешкли-бурун на плато Мангуп, Сюйрень, Тепе-Кермен и Бакла), развившиеся в феодальные замки, и «крупные города» площадью 10–15 га и более (Эски-Кермен, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале) (Веймарн 1958. С. 76). Д.Л. Талис разделил «пещерные города» на три группы. Он полагал, что византийцы в конце V в. создали крепости первой группы на плато Эски-Кермен и Мангуп, а в позднее Средневековье – крепость на плато Тепе-Кермен. Крепости второй группы возведены в VIII–IX вв. на плато Кыз-Кермен, а во второй половине XI – первой четверти XII в. на горе Сюйрень и плато Тепе-Кермен. Одну из крепостей третьей группы местные жители во второй половине V в. построили на плато Бакла, а другую, крепость Каламита, византийцы соорудили в раннее Средневековье (Талис 1974. С. 89–113).

В результате археологических раскопок и изучения письменных источников выяснилось, что Шулдан, Чилтера и Качи-Кальон являлись пещерными монастырями, а поселения и укрепления других «пещерных городов» созданы в разное время. Например, на плато Кыз-Кермен находилось поселение болгар, которым хазары в последней трети VIII в. разрешили селиться на Внутренней гряде после подавления в Готии антихазарского восстания (Айбабин 1999. С. 194, 209–212). Города не выявлены и на Сюйрени и Тепе-Кермен. На горе Сюйрень византийцы после создания фемы Климатов около середины IX в. построили крепость (Там же. С. 218, рис. 86), тогда как на плато Тепе-Кермен раскопаны укрепления и строительные остатки небольшого городища XII–XIV вв. (Айбабин 2003. С. 283–284).

Города на Внутренней гряде были созданы Византией в раннее Средневековье на территории области Дори, населенной союзниками аланами и готами. На плато Мангуп в первой трети VI в., вероятно, находился укрепленный *oppidum* или *civitas* Дори (Айбабин 2015. С. 311). В правление императора Маврикия (582–602) византийцы присоединили область Дори к своим владениям и подчинили дуке Херсона. Под его руководством построили новые крепости на плато Эски-Кермен и Бакла и, возможно, на плато Чуфут-Кале. Территорию Дори византийцы разделили на районы – архонтии – с резиденциями архонтов в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен и Бакла (Айбабин 1999. С. 111, 114, 117, 119; 2017. С. 38–45; Айбабин, Хайрединова 2017. С. 306). Перечисленные крепости к концу VII в. трансформировались в типичные для горных регионов Византии города-полисы.

Наиболее полно изучен градостроительный облик города на плато Эски-Кермен. Для него характерны многие присущие раннесредневековым малым византийским городам элементы: разбитая по Гипподамовой системе сетка кварталов правильной прямоугольной формы, главная проезжая улица, проложенная между главными воротами и центральной площадью с большой трехнефной базиликой. На скальной поверхности широкой (до 4,8 м) главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы состояли из нескольких усадеб. Кварталы ограничены узкими поперечными улицами шириной до 2 м, проложенными на поверхности скалы под прямым углом к широким продольным улицам (Айбабин, Хайрединова 2017. С. 160–167).

Города, основанные византийцами на горных плато, являлись административными и религиозными центрами, где обитали местные землевладельцы, развивались товарное производство и обмен для города и округи.

Примечание

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» № 18-09-00314.

Литература

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 277–306.
- Айбабин А.И.* О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 38–45.
- Айбабин А.И.* О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017.
- Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 71–79.
- Подгородецкий П.Д.* Крым. Природа. Симферополь, 1988.
- Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 89–113, 153–168.
- Тиханова М.А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319–333.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
- Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. P., 1843. Vol. 6.
- Vasiliev A.A.* The Goth in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

Н.А. Алексеенко

ВИЗАНТИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И ПРОВИНЦИЙ ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИЧЕСКИХ АРХИВОВ ИЗ ПРЕСЛАВА И КРЫМА

Сохранившиеся в легендах византийских моливдовулов сведения позволяют рассматривать последние наравне с письменными свидетельствами как исключительно важные и ценные источники. Именно благодаря данным сфрагистики у нас появляется возможность проникнуть в специфику взаимоотношений центра с периферией Римской империи во всем их многообразии и особенностях.

Исключительное значение в этом отношении имеют те многочисленные региональные комплексы (архивы) византийских печатей, которые отражают локальные практики взаимодействия местного бюрократического аппарата с имперским. Находки таких комплексов в Болгарии и Крыму отражают наиболее характерные особенности каждого и позволяют судить о развитии их связей как с политикой, экономикой или финансами, так и с военными или торговыми отношениями. Особый интерес вызывает компаративный анализ их сфрагистических данных, на основе которого четко прослеживаются их отличительные свойства, специфика и общие тенденции.

Наиболее полно представлен архив Великого Преслава (Йорданов 1993), состоящий из более чем 500 булл, которые прекрасно иллюстрируют работу бюрократической машины византийского государства и дают четкое представление о существовании общеимперской практики, связанной с осуществлением взаимодействия имперских и церковных властей с подданными и прихожанами в провинциях.

И. Йорданов назвал этот комплекс архивом стратиггов Преслава 971–1088 гг. (Там же. С. 16). Такая атрибуция предполагает преобладание печатей военных. Действительно, их здесь немало (ок. 260 экз.). И это не только византийские военачальники (доместики разных рангов, друнгарии, топотериты, таксиархи, комиты и др.), участники широкомасштабных военных действий на Балканах, но и военные администраторы провинций и их субординанты (дуки, катепаны, стратиги, клисуриархи, архонты).

Между тем, среди печатей преславского архива, кроме восьми императорских и одной – болгарского царя, присутствуют и моливдовулы представителей императорской канцелярии, разнообразных дворцовых служб и титулованных особ (более 100); печати центральных ведомств и управлений (30); буллы служителей клира (23), а также частные и анонимные печати (ок. 70). В то же время обращает на себя внимание, что среди корреспондентов канцелярии стратиггов Преслава практически отсутствуют должностные лица гражданской администрации.

Крымские комплексы рисуют нам несколько иную картину. К сожалению, моливдовулы судакского архива существенно менее информативны из-за плохой сохранности. В.С. Шанд-

ровская и Е.В. Степанова ввели в научный оборот лишь 50 булл, поддающихся уверенной атрибуции (Šandrovskaja 1993; 1995; Степанова 1997; Stepanova 1999; 2003). Тем не менее даже такое не слишком значительное число византийских булл дает представление о характере взаимоотношений этого крымского региона с центральной властью и другими провинциями империи. В отличие от болгарского комплекса, здесь практически отсутствуют военные чины византийской армии. В то же время к центральной администрации относятся печати главных логофетов (10 экз.), референдария, табулярия, хартуляриев и других чиновников. Провинциальная администрация представлена буллами таможенных чиновников – коммеркиариев (6), стратигов Сугдеи (3) и архонтов (11) и стратигов (6) Херсона.

Хронологические рамки существования архива Е.В. Степанова определяет с рубежа VI–VII вв. вплоть до конца XI столетия. По мнению исследовательницы, архив выполнял функции «не только хранилища таможенных документов, но и документов общегородского характера» (Степанова 2001. С. 106). В определенном смысле этот вывод подтверждается и изысканиями В.В. Булгаковой (2008. С. 296–330), которая ввела в оборот более 50 новых моливдовулов из акватории судакской гавани. Их ассортимент почти полностью соответствует архивному комплексу Сугдеи. Здесь также присутствуют печати главных логофетов (8), коммеркиариев (2), провинциальных администраторов (13), служителей клира (2) представителей знати (8), титулярных сановников и частных лиц (19).

Достаточно близок сугдейскому по времени бытования и ассортименту представленных в нем булл херсонский комплекс печатей (Алексеенко 2006). Ю.А. Самойленко насчитывает в нем около 2000 единиц (Самойленко 2015. С. 270). Однако объем обнаруженных артефактов сегодня всё еще значительно превышает количество опубликованных (издано лишь две–три сотни экземпляров). Мы можем констатировать, что, как и в случае с судакским комплексом, ассортимент представленных в Херсоне моливдовулов дает нам прекрасную иллюстрацию всевозможных связей города и, соответственно, всего юго-западного региона Таврики с окружающим их миром. Кроме множества булл собственных чиновников (архонтов, стратигов, коммер-

киариев, протевонтов и др. – более 150) в архиве достаточно широко представлены печати императоров (6), военных и администраторов фем (17), функционеров центральных и провинциальных ведомств (главные логофеты, коммеркиарии, диойкиты, епискептиты – 69), служителей клира (14), а также частные и анонимные буллы (около 60).

Безусловно, введение в оборот оставшейся части архива (к сожалению, в ней много моливдовулов неудовлетворительной сохранности) может существенно изменить соотношение булл в выделенных нами сейчас группах. Но даже из изданной части видно, что херсонский комплекс существенно отличается от преславского и близок по составу судакскому. К примеру, в отличие от преславского архива, где обнаружены лишь 2 печати главных логофетов, здесь таких булл 43.

В этой связи приведем еще одно собрание византийских печатей, которое очевидно не является собранием булл определенного архива, но весьма близко по составу крымским комплексам. Изданные В.Н. Чхаидзе византийские печати из Тамани (около 70 из них надежно атрибутированы) представляют пример очень близкий по набору адресантов крымским находкам (Чхаидзе 2015). И что примечательно, здесь, кроме печатей императоров (1), провинциальных администраторов (12), служителей церкви (10) и придворной знати (16), присутствует и значительное число печатей главных логофетов (22).

Нет сомнения, что комплекс находок византийских печатей из Херсона следует отнести к остаткам некоего архива документов, собиравшегося на протяжении нескольких столетий. Не исключено, что он мог носить смешанный характер и вместе могли храниться как судовая документация и торгово-таможенные документы, так и деловая административная переписка городских властей Херсона. Как нам представляется, об этом свидетельствует сам ассортимент печатей, принадлежащих к самым различным категориям чиновников; наличие императорских и церковных булл, значительного количества моливдовулов местных чиновников, которые нередко представлены несколькими идентичными экземплярами (порой до 10–20 шт.).

Таким образом, на наш взгляд, существует достаточно оснований полагать, что судакский и херсонский комплексы, в отли-

чие от преславского, определенно являются остатками неких городских архивов, фиксировавших поток корреспонденции во взаимоотношениях региона с окружающим миром.

В качестве дополнительной аналогии можно привести небольшой комплекс печатей (49 экз.), обнаруженных в районе древней Антиохи, из археологического музея провинции Хатай в Антакье (Турция), также представляющего региональное собрание (Cheynet 2003. Р. 419–456). В нем также можно видеть самые разнообразные печати: императоров (2), служащих дворцовых служб и титулярных сановников (5) центральных ведомств (1), военных (4), провинциальных администраторов (1), коммерциариев (1), диойкитов (1), судей (1) представителей клира (5), придворной знати (8) и частных лиц (20).

Сравнение комплексов византийских печатей из Болгарии и Крыма показывает, что преславский архив является скорее неким исключением из правил византийской бюрократической практики и отражает специфику этого балканского региона, где Византия долгое время была вынуждена вести перманентные военные действия. Этим, безусловно, и вызвано обилие в архиве Великого Преслава печатей византийских военачальников, наместников фем и других представителей военного ведомства. Крымские же комплексы, как впрочем, видимо, и большинство аналогичных из других районов империи, отражая локальные особенности, ориентированные на политическую, финансовую, фискальную, податную или иную политику Византии в отношении региона, демонстрируют общеимперскую тенденцию в развитии социокультурной практики взаимодействия центральных властей с провинциями посредством обширного бюрократического аппарата империи.

Литература

- Алексеевко Н.А.* «Херсонский архив печатей»: миф или реальность? // Херсонесский сборник. Севастополь, 2006. Вып. 15. С. 7–16.
- Булгакова В.А.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник III. Киев; Судак, 2008. С. 296–330.
- Йорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав. София, 1993.

- Самойленко Ю. Летопись на дне моря: история обнаружения и общая характеристика херсонского архива печатей // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2015. Вип. 6. С. 265–275.
- Степанова Е.В. Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып. 2. С. 171–177.
- Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015.
- Cheyne J.-Cl. Sceaux de la collection Khoury // Revue numismatique. P., 2003. Vol. 6, N 159. P. 419–456.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 2003. Vol. 8. P. 123–130.
- Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3. P. 85–98.
- Šandrovskaja V. Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegel auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4. P. 153–162.

Ю.А. Артамонов

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ПОСАЖЕНИЯ НА СТОЛ ДРЕВНЕРУССКИХ АРХИЕРЕЕВ

Восприятие кафедры как ритуального символа епископского служения формировалось в первые века распространения христианства под воздействием традиций властной практики Рима и отчасти раввинистического иудаизма. В результате этой сакрализации возникло особое священнодействие – посажение архиерея на трон (кафедру), которое стало частью обряда рукоположения. Первые письменные свидетельства его существования относятся к III–IV вв. Так, например, в литургико-каноническом памятнике «Апостольские постановления» (*Constitutiones apostolicae*) отмечается, что новопоставленного епископа наутро следует возвести «на принадлежащий ему престол», после чего «приветствовать целованием о Господе» (Апостольские постановления. Кн. VIII/5). Здесь обряды хиротонии и посажения на кафедру разнесены по времени, что говорит о росте значения последнего (Желтов 2010. С. 124).

В византийской церкви рукоположение и интронизация епископа первоначально совершались в кафедральном центре его будущего служения. Эту практику имел в виду Симеон Солунский (ум. 15 сентября 1429 г.), когда писал, что в былые времена «архиерея сажали на престол при собрании епископов», которые действовали в соответствии с указанием «архиепископа». Со временем, по причине «постигших церковь искушений, смятений и набегов варваров», хиротонии и посажения на кафедру стали совершаться «только в одной Великой Церкви», т.е. в соборе св. Софии в Константинополе (PG. Т. 155. Col. 428–429). Между тем, «интронизация на местах» не исчезла: по возвращении новопоставленного архиерея ожидало возведение на престол в главном храме епархии. Это священнодействие, по сути дела, дублировало «уже совершенную во время хиротонии церемонию восседания» (Неселовский 1906. С. 245–246; Желтов 2010. С. 127).

Согласно Симеону Солунскому, интронизация совершалась в церкви при участии духовенства и мирян. По прочтении молитвы и Трисвятого первый или второй из священников трижды усаживал рукоположенного святителя на кафедру, при этом каждый раз возглашая: «Аксиос» (от греч. ἄξιος – «достоин»). Затем следовало многолетствие властям и самому виновнику торжества. После отпуста молящиеся подходили к архиерею для поцелуя руки и получения благословения. Завершалась церемония трапезой и торжественным выездом новопосвященного епископа для благословения города и его жителей (PG. Т. 155. Col. 428–429).

Нужно полагать, что обряд интронизации был воспринят на Руси вскоре после официального принятия христианства. Здесь он получил название «настолование» или «посажение на стол»¹. Одним из первых о нем упоминает киевский митрополит Иларион (середина XI в.). В приписке к его сочинениям читаем: «Аз милостию человеколюбивааго Бога, мних и прозвистер Иларион, изволением Его от богочестивых епископ священ бых и настолован в велицем и богохранимем граде Кыеве, яко быти ми в немь митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си в лето 6559, владычествуещу благоверьному кагану Ярославу сыну Владимирю. Аминь» (ГИМ. Син. 591, последняя треть XV в.). О

настоловании епископов говорит проложное Сказание об освящении церкви святого Георгия в Киеве (26 ноября), построенной иждивением князя Ярослава Владимировича (1019–1054): «И с(вя)ти ю Ларионом митрополитом м(еся)ца ноября в 26 д(е)нь и створи в ней настолование новоставимым еп(и)с(ко)п(о)м» (Лосева 2009. С. 326–327).

Сажали на кафедру не только русских архиереев, но и святителей, прибывавших из Византии. Весьма показательно в этом смысле сообщение Лаврентьевской летописи под 6612 (1104) г. о приезде на Русь и возведении на архиерейский престол митрополита-грека Никифора. Первое событие датировано – 6 декабря, второе – 18 декабря: «...Том же лѣ^ф . приде митрополить Никифоръ в Русь . м^сца . дека^б . въ . ѿ . днѣ... того^ж . м^сца . въ . иѣ . Никифоръ митрополить на столѣ посажень» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447). Как видно, дата приезда иерарха не совпадает с датой интронизации, совершение которой требовало определенной подготовки. Под 6732 (1224) г. та же летопись сообщает: «Поставленъ бы^с митрополитомъ . в стѣи Софѣе Кыеве . блжнныи Кирилъ Гръчинъ . м^сца . генва^п . въ . ѿ . в праздни^к Богоявленья» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447). Поскольку Кирилл II был рукоположен в Никее патриархом Германом II, «поставлние» в стенах киевской Софии являлось не чем иным, как настолованием (Поппэ 1996. С. 464).

Летописные известия говорят о том, что местная интронизация была важным событием в жизни духовных центров Древней Руси: встречи новопоставленных иерархов сопровождалась многолюдными шествиями, в которых, как правило, принимали участие князья, боярство, духовенство и простые горожане. Архиерея встречали на некотором расстоянии от города с крестами, свечами и кадилами. С церковными песнопениями процессия вступала в город через главные ворота, а затем следовала в соборный храм, где совершались богослужение и обряд восседания. Полагаю, что для таких церемоний власти должны были определять особые дни. Из византийских источников, например, известно, что хиротонию предписывалось совершать по воскресеньям (PG. Т. 155. Col. 408). Другие дни недели назначались только в том случае, если они совпадали с большими церковными торжествами – двенадцатыми

или так называемыми великими праздниками. Можно ли думать, что выбор даты местной интронизации на Руси определялся тем же правилом?

Для ответа на этот вопрос были проанализированы все доступные свидетельства источников домонгольского периода о прибытии или посадении на древнерусские кафедры новопоставленных архиереев, которые имеют точные дневные датировки. Таких свидетельств оказалось сравнительно немного, всего 17. Между центрами епархий они распределились следующим образом: Новгород – 9, Киев – 3, Ростов – 3, Чернигов – 1, Переяславль – 1. О других кафедрах известия отсутствуют, что объясняется утратой памятников местной летописной традиции, которые преимущественно и фиксировали события такого рода.

1. Новгород

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Иоанн Попьян (1110–1130)	20 декабря 1110 г.	вторник
2.	Нифонт (1130–1156)	1 января 1131 г.	четверг
3.	Аркадий (1158–1164 ²)	13 сентября 1158 г. ³	суббота ⁴
4.	Илья (1165–1186)	11 мая 1165 г. ⁵	вторник
5.	Гавриил (1187–1193)	31 мая 1187 г. ⁶	воскресенье
6.	Мартирий (1193–1199)	16 января 1194 г.	воскресенье
7–8.	Митрофан (1201–1223, с перерывами) ⁷	14 сентября 1201 г.	Воздвижение Креста (пятница)
		17 марта 1219 г. ⁸	воскресенье
9.	Спиридон (1230–1249)	19 мая 1230 г. ⁹	воскресенье ¹⁰

2. Киев

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Никифор I (1104–1121)	18 декабря 1104 г.	воскресенье
2.	Никита (1122–1126)	15 октября 1122 г. ¹¹	воскресенье
3.	Кирилл I (1224–1233)	6 января 1225 г.	Богоявление (понедельник)

3. Ростов

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Иоанн (1190–1214)	25 февраля 1190 г.	воскресенье
2.	Пахомий (1214–1216)	28 января 1215 г.	среда
3.	Кирилл II (1231–1261)	18 мая 1231 г.	воскресенье

4. Чернигов

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Феоктист (1113–1123)	19 января 1113 г.	воскресенье

5. Переяславль

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Марк (1125–1134)	4 октября 1125 г.	воскресенье

Итак, в 12 случаях из 17 вступления архиереев на кафедры приходились на праздничные дни – воскресенье (10) и двенадцатые праздники (2). К последним относятся Воздвижение честного и животворящего Креста (14 сентября) и Богоявление Господне (6 января). Едва ли такая хронология может быть признака случайной. Скорее, речь должна идти о целенаправленном определении даты проведения церемонии посажения. Поэтому въезд новопоставленного епископа в город не был спонтанным, а подготавливался заранее. Думаю, что в ожидании местной интронизация святитель какое-то время мог находиться за пределами городских стен (ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441).

Наличие выявленной закономерности позволяет поставить под сомнение достоверность хронологических указаний, в которых посажение архиерея на своей кафедре приходится на будний день. Всего установлено пять таких случаев: четыре имеют отношение к Новгородской кафедре и один – к Ростовской. Думаю, что эти датировки нуждаются в дополнительной проверке и объяснении. Предварительный анализ, основные положения которого будут доложены на конференции, позволяет скорректировать время возведения на кафедру ростовского епископа

Пахомия и новгородского святителя Иоанна Попьяна следующим образом:

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата/день недели (в летописи)	Дата /день недели (фактически)
1.	Пахомий (1214–1216)	28 января 1215 г. среда	28 декабря 1214 г. воскресенье
2.	Иоанн Попьян (1108–1127)	20 декабря 1110 г. вторник	20 декабря 1108 г. воскресенье

Таким образом, местная интронизация на Руси распространялась и на епископов, поставлявшихся в Киеве, и на митрополитов, прибывавших из Греции. Как и хиротония, посажение на стол подготавливалось заранее и совершалось либо в воскресенье, либо в день большого церковного праздника. Выявленная закономерность позволяет определять достоверность указаний источников на время совершения местной интронизации.

Примечания

- ¹ Недавно было высказано мнение, что «настолование» и «посажение на стол» представляют собой разные практики. «Настолование» подразумевало собственно интронизацию, которая совершалась сразу или вскоре после рукоположения архиерея, а «посажение на стол» было своеобразным «актом передачи ему его резиденции» (Виноградов, Желтов 2019. С. 162). «...Выражение *сѣсти на столъ*, – отмечают авторы, – в отношении иерархов, как и в отношении князей, указывало не на богослужебный чин, а на акт утверждения иерарха в своей резиденции, что означало его официальное вступление в должность» (Там же. С. 161). Однако аргументация, которая приводится исследователями, не выглядит убедительной.
- ² Такая датировка кончины святителя следует из его Жития, в летописи – 1163 г. (Карпов 2016. С. 58–59).
- ³ Год новгородский летописец указывает точно. Об этом говорит дата рукоположения Аркадия – 10 августа; в 1165 г. она приходилась на воскресенье (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498).
- ⁴ 13 сентября – канун праздника Воздвижения честного и животворящего Креста Господня.
- ⁵ Хиротония Ильи состоялась «28 марта, на верьбницу», что соответствует 1165 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 219).

- ⁶ Рукоположение Гавриила имело место 29 марта, в 1187 г. это был воскресный день (ПСРЛ. Т. 3. С. 229).
- ⁷ Архиепископ Митрофан дважды вступал на Новгородскую кафедру: первый раз – в 14 сентября 1201 г., второй – 17 марта 1220 г.
- ⁸ Статья 6728 в Новгородской первой летописи является ультрамартовской (Бережков 1963. С. 251, 260).
- ⁹ Летописец отмечает, что, находясь в Киеве, Спиридон был поставлен митрополитом Кириллом I сначала «в попы в сыропустную неделю», а затем – «в архиепископство на збор по чистой неделе», т.е. в воскресенье 17 и 24 февраля 1230 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 219).
- ¹⁰ Летописец допускает ошибку, когда пишет, что Спиридон пришел в Киев 19 мая, «на память святых отец 300 и 18»; память Первого Вселенского собора отмечалась не 19, а 29 мая (ПСРЛ. Т. 3. С. 276).
- ¹¹ В летописи календарная дата отсутствует. О принятии митрополитом Никитой кафедры сообщает граффито в Софии Киевской (Высоцкий 1976. С. 38).

Литература

- Апостольские постановления [Электронный ресурс]. URL: www.azbyka.ru/otechnik/6/apostolskie-postanovlenija (дата обращения: 17.01.2020).
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Виноградов А.Ю., Желтов М., свящ.* Порядок вступления иерархов на кафедру в домонгольской Руси и вопросы хронологии первых митрополитов Киевских // Богословские труды. 2019. № 49. С. 155–169.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. По материалам граффити XI–XVII вв. Киев, 1976.
- Желтов М.* Интронизация // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 123–131.
- Карпов А.Ю.* Русская Церковь XI–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016.
- Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
- Неселовский А.З.* Чины хиротесий и хиротоний (Опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, 1906.
- Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.) // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 446–471.

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ СБЛИЖЕНИЯ РАЗНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. АРМЕНИЯ И ВИЗАНТИЯ

Мировые цивилизации (за редким исключением) не существовали в замкнутом пространстве, между ними постоянно возникали как военные конфликты, так и контакты – торговые, политические, конфессиональные и т.п. Возникали «зоны контакта» вдоль трансконтинентальных и трансрегиональных торговых путей, которые иногда превращались в контактные зоны. Главным условием возникновения контактных зон является историко-географическая близость, однако далеко не всегда между пространственно близкими цивилизациями может возникнуть контактная зона, в особенности при непреодолимой дистанцированности – ментальной, культурной, социально-экономической и конфессиональной – контактирующих сторон: так не появились русско-монгольская, арабо-византийская, арабо-армянская, турко-византийская и др. контактные зоны.

Синтезные контактные зоны, возникающие между цивилизациями, – это уникальный геополитический и историко-культурный феномен с четкими концептуальными и понятийными характеристиками.

Предложенная мною концепция характеристик армяно-византийской модели интерпространства включает: 1) общую территорию; 2) общую государственность; 3) взаимодействие этносов; 4) культурные взаимовлияния.

Процесс генезиса контактной зоны требует, как минимум, нескольких десятилетий (или столетий), т.е. временной фактор является конституирующим для возникновения контактной зоны как органичной структуры со своими законами.

Сопоставление основных цивилизационных параметров (политико-правовая доктрина власти, экономические, социальные, административные институты) позволяет сделать обоснованный вывод, что Византийская империя и Армения изначально принадлежали к разным цивилизационным типам (греко-римский и ирано-кавказский), что, по-видимому, ис-

ключало диалог между культурами, т.е. возможность создания общего интерпространства.

Начало процесса сближения разновекторных цивилизаций и, соответственно, возникновение интерпространства между ними почти всегда связано с внешними катаклизмами. И это не просто пограничные стычки или локальные войны, но экзистенциальные угрозы – идентичности этноса и существованию государственности. Именно такой угрозой для Армении стал Сасанидский переворот в Парфянском царстве в III в., приведший к устранению парфянских Аршакидов и к попыткам нового Ирана покорить Армению и насадить в ней зороастризм.

Процесс согласия или отказа одной цивилизации от заимствований из другой, даже близкой, происходит медленно, но благодаря ему цивилизация меняется, частично отдаляясь от своего прошлого.

В процесс цивилизационного поворота Армении от Ирана к Византии, который занял более трех столетий, вошли как главные составляющие: 1) христианизация Армении; 2) создание письменности; 3) деятельность эллинофильской школы; 4) появление национальной историографии. Фундаментальный закон взаимоотношений между цивилизациями – невозможность выборочного заимствования того или иного элемента иной культуры без того, чтобы не оказаться в зависимости от этой культуры (Тойнби 2006. С. 142).

Существовало два основных этапа сближения византийской и армянской цивилизаций: незавершенная модель VI–VII вв. – армянское полуавтономное политическое образование, вассал империи, – и синтезная контактная зона X–XI вв., когда большая часть Армении вошла в состав восточных провинций Византии.

В доарабской Армении начинает возникать модель армяно-византийской контактной зоны: появляются синтезные феномены в области конфессии и культуры (в особенности в лингвистике, науке, живописи, архитектуре). На этом этапе армяно-византийских контактов не зафиксированы сближения экономических укладов, социальных и административных систем контактирующих сторон. Первый этап контактной зоны остался незавершенным, но не забытым. Историография «серебряного века» (XI в.) возродила светлый образ Византийской империи,

пришедший из «века золотого», – образ союзного христианского государства.

Арабское завоевание армянских земель, а также государственно-политический и конфессиональный разрыв с Византией в начале VIII в. как будто уничтожили условия для существования армяно-византийской контактной зоны. Однако успешность армяно-византийской реконкисты, значительно потеснившей арабов в Малой Азии (конец IX – X в.), привела к возрождению этой общественной модели.

И если на первом этапе сближения восприятие элементов византийской цивилизации охватывало, в основном, культурные и конфессиональные компоненты, то в середине X в. армянские интеллектуалы активно воспринимают византийские идеологемы, а в византийскую общественную мысль входит ряд армянских идеологем. Магистральные социокультурные процессы в контактной зоне X–XI вв. определялись синтезом армянских и византийских общественных, политических и хозяйственных институтов.

Типологическое выделение особой территории на византийской восточной границе и разработка методики ее изучения плодотворна не только для исследования истории этого региона, но и для изучения процессов, происходящих на других пограничных территориях Византийской империи. А это, в свою очередь, может объяснить загадку тысячелетнего существования Византии, окруженной бахромой лимитрофов на Востоке и Западе, которые строились в соответствии со спецификой каждого региона и, то отступая от границ империи, то входя в ее состав, обеспечивали жизнеспособность Византии. Исследование глубинных процессов взаимодействия метрополий и пограничных территорий – одна из значимых цивилизационных проблем.

Социально-экономические, административные и ментальные процессы интерпространства оказывали серьезное влияние на метрополии обеих сторон.

В Армении исчезают царства и княжества, и, хотя не появляются византийских фем, возникают новые административные единицы (хоры). Институт экскуссии-иммунитета, перенесенный в Армению из империи, не претерпел значительных модификаций, полностью вписываясь в отношения господства и под-

чинения, сходные с византийскими, а налоговая политика Византии на востоке оформлялась в категориях армянской и византийской хозяйственной жизни. Завладевая землями Армении, империя не вносила сколько-нибудь существенных изменений в местные социально-экономические реалии, более того, воспринимала их.

При продвижении Византии на восток создавались предпосылки для разложения феодального строя. Уклад, привнесенный в малоазийские лимитрофы Византии армянскими владельцами, их этериями и частью османского населения, несомненно, придал черты высокоразвитого и традиционно устоявшегося феодального общества социально-административной жизни восточных провинций империи. В XI в., вопреки традиционному курсу Византии, происходит вовлечение крестьян в зависимость от частных лиц и государства, и этот процесс, характерный для восточных провинций, распространился затем на другие регионы империи.

В эпоху Алексея I Комнина (1081–1118) произошло интегрирование династической идеи в систему верховной власти Византии. Армянская знать, влиятельная в этот период в империи и в начале царствования Алексея I входившая в «Комниновский клан», способствовала утверждению роли «семьи» в управлении империей, изначально не предусмотренной византийской политической системой.

Изучение сближения цивилизаций на обширном пространстве армяно-византийской синтезной контактной зоны позволяет считать фундаментом таких сближений длительное мирное сосуществование (несколько столетий) и активное взаимодействие культур, стимулирующее процветание контактирующих сторон, а причиной их крушения обычно является внешнее (в данном случае турецкое) вторжение.

Литература

- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Повествование о делах армянских, VII век: Источник и время. М., 2004.

- Арутюнова-Фиданян В.А.* Христианизация на цивилизационном пути Армении // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского ун-та. Сер. III. 2016. № 4 (49). С. 9–23.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2014.
- Дагрон Ж.* Император и священник. СПб., 2010.
- Каждан А.П.* Деревня и город в Византии. IX–X вв. М., 1960.
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византийской империи. XI–XII вв. М., 1974.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи. XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Тойнби А.* Вызовы и ответы. М., 2006.
- Хантингтон С.* Как гибнут цивилизации. М., 2016.

О.В. Аулов

ИСПАНЦЫ И ФРАНЦУЗЫ В КАСТИЛЬСКОЙ И ЛЕОНСКОЙ ХРОНИСТИКЕ XIII в. (НА ПРИМЕРЕ ОПИСАНИЙ БИТВЫ ПРИ ЛАС-НАВАС-ДЕ-ТОЛОСА)

Доклад посвящен компаративному исследованию образов испанцев (кастильцев, леонцев, каталонцев, арагонцев, португальцев) и французов, представленных в кастильской хронистике XIII в. Это столетие значимо, с одной стороны, как время наивысшего развития латинской хронистики в Кастилии и Леоне, отличающейся как разнообразием жанров, так и резко возросшим (по сравнению с предшествующим периодом) количеством и качеством памятников, а с другой – как эпоха возникновения историописания на разговорном (старокастильском языке). Если первое из отмеченных явлений (помимо соответствия трендам, характерным для всего Латинского Запада того же столетия) было связано с ростом политического влияния единого королевства на Пиренейском полуострове (Кастилия и Леон окончательно объединились при короле Фернандо III [1217–1252] в 1230 г.), упроченного в ходе «быстрой реконкисты» первой половины – середины XIII в., то второе (как в свое время показала Г. Шпигель на примере Франции того же периода. – Spiegel 1995) объяснялось качественными изменениями в отно-

шениях между короной и светской знатью, ставшей основной аудиторией историографии, написанной на разговорном языке.

В условиях обострения соперничества между христианскими королевствами полуострова (к числу которых относились также Португалия, Наварра и Арагонская Корона – уния Каталонии и Арагона, в 1238 г. дополненная вновь завоеванной областью Валенсии) Кастилия и Леон предъявили претензии на доминирование не только на уровне реальной политики, но и в сфере пропаганды. В главных исторических нарративах периода – латинской хронике «Об испанских делах» (ок. 1247 г.) Родриго Хименеса де Рада (ок. 1170–1247) (Rod. Hist.; Crespo López 2015) и старокастильской «Истории Испании» (EE), составленной под руководством короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и его сына и наследника Санчо IV (1284–1295) (Alfonso X el Sabio 2000) и сохранившейся в нескольких редакциях (1270–1274 – Изначальная редакция, 1282–1284 – Критическая редакция, ок. 1289 – Пространная редакция или хроника) (Фернандес-Ордоньес Эрнандес 2019), – впервые в истории пиренейского историописания был выдвинут образ единой Испании, понимаемой как пространство политической гегемонии Кастилии (Gómez Redondo 1998. P. 645–686).

Однако конструируемый в этих памятниках образ единого испанского прошлого еще не стал абсолютно доминирующим: он находился лишь в стадии формирования. Параллельно историописание XIII в. воспроизводило и локальный взгляд на историю, отраженный, среди прочего, как в местных епархиальных и монастырских латинских анналах – Бургосских (1212 г.) (Chron. Burg.) (сохранились в церковном календаре Бургосского собора), Компостельских (начало XIII в.) (епархиальная летопись, которая велась в Сантьяго-де-Компостела) (Ann. Compost.), Коибрских (ок. 1236 г.) (Chron. Conimbr.) (составлены в монастыре св. Креста в Коимбре) (Sánchez Alonso 1947. P. 141–148), так и более масштабных памятниках латинской историографии, какими являлись прокастильская по содержанию анонимная «Латинская хроника королей Кастилии» (ныне атрибутируемая епископу Хуану де Сория, ум. в 1246 г.) (Cron. lat.) и пролеонская

«Всемирная хроника» Луки Гуйского (ум. в 1249) (Luc. Chron.; Jeréz Cabrego 2006). В историописании на разговорном языке, ставшем прямым (но не автоматическим) продолжением латинской историографии, паниспанский подход, свойственный «Истории Испании», также сочетался с локальным, отраженным в епархиальных «Первых толедских анналах» (составлены после 1219 г.) (Ann. Tolet. I) и городской «Хронике заселения Авилы» (ранее 1256 г.; сохранилась в кодексе XVI в., содержащем разные материалы по истории Авилы) (Chron. pobl. Avila).

Сосуществование и конкуренция разных подходов к восприятию прошлого полуострова и его отдельных частей, по сути своей, являлись как отражением, так и средством воспроизведения противостоявших друг другу коллективных идентичностей – кастильской, леонской и общеиспанской (находившейся лишь в начальной стадии формирования). В этих условиях границы между созданными хронистами образами «своих» и «чужих» оказывались чрезвычайно подвижными и включали многочисленные промежуточные категории – от «почти своих» (леонцы для кастильцев и кастильцы для леонцев) до «как бы своих» (португальцы, наварры, каталонцы и арагонцы) и «едва своих» («франки», выходцы из-за Пиренеев вообще) в противовес однозначно «чужим» – «маврам», мусульманам вообще (анализ образов последних не проводится, поскольку стереотипы отображения мусульман в европейской хронистике исследуемого периода изучены достаточно полно, в том числе – в отечественной науке; см.: Лучицкая 2001).

Особенности проявления этих закономерностей исследованы на примере описаний событий, связанных со знаменитой битвой при Лас-Навас-де-Толоса (1212 г.), следствием которой стал разгром войск берберов-альмохадов, высадившихся на Пиренейском полуострове во главе со своим халифом Мухаммадом ан-Насиром (1199–1213), объединенной христианской армией во главе с королем Кастилии Альфонсо VIII (1158–1214) и последующее массированное наступление христиан на земли мусульманской Испании (Historia militar 2010. P. 205–208). Из всех изученных свидетельств (лишь малая часть которых к настоящему времени исследована и переведена на русский язык. см.:

Ауров 2016) наиболее полным является описание, представленное в восьмой книге хроники Р. Хименеса де Рада, архиепископа Толедского и примаса Испаний, принимавшего непосредственное участие в подготовке крестового похода против альмохадов (1211 г.), а также в самой битве. В докладе будет проведен сравнительный анализ этих и иных свидетельств с учетом источников и целей составления соответствующих памятников, приведены оценки участия кастильцев, португальцев, наварцев, арагонцев и каталонцев в походе и знаменитой битве (и не-участия в ней леонцев, король которых Альфонсо IX [1188–1230] выступил против верховенства правителя Кастилии Альфонсо VIII и отказался выступить под его командованием). Прослежены также основные изменения содержательного характера, обусловленные использованием латинской хронистики в качестве источника старокастильской «Истории Испании», созданной в иных условиях, адресованной иной аудитории и предназначенной для достижения иных политических целей.

Источники и литература

- Ауров О.В. Из «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники», 1272). Битва при Лас-Навас-де-Голоса // *Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований*. 2016. Т. 2, № 2. С. 82–107 (<<http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/53>>).
- Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001.
- Фернандес-Ордоњес Эрнандес И. «История Испании»: история текста и рукописная традиция // *Альфонсо X Мудрый и сотрудники*. История Испании. СПб., 2019. Т. 1. С. 177–248.
- Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Dir. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000.
- Annales Compostellani // *España Sagrada*. Madrid, 1757. Т. 23. P. 317–324.
- Anales Toledanos I // *Ibid.* P. 358–362.
- Crespo López M. Rodrigo Jiménez de Rada. Vida, obra y bibliografía. Madrid, 2015 // < http://www.larramendi.es/i18n/catalogo_imagenes/grupo.do?path=1023075>
- Crónica de la población de Ávila / Ed. por A. Hernandez Segura. Valencia, 1966. (Textos medievales; 20).
- Crónica latina de los reyes de Castilla / Ed. L. Charlo Brea. Cádiz, 1984.

- Chronicon Burgense // España Sagrada. Madrid, 1757. Т. 23. P. 305–310.
Chronicon Conimbricense // Ibid. P. 329–342.
(Estoria de Espanna) Primera Crónica General de España / Ed. por R. Menedez Pidal con un estudio acutalizador de D. Catalán. 2 vols. Madrid, 1977. (Fuentes cronísticas de la historia de España; I).
Gómez Redondo F. Historia de la prosa medieval castellana. Madrid, 1998. Vol. 1: La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano.
Historia militar de España. Madrid, 2010. Т. 2: Edad Media / Coord. por M.A. Ladero Quesada.
Lucae Tudensis Chronicon Mundi / Ed. E. Falque // Lucae Tudensis Opera Omnia. Turnhout, 2003. Т. 1. (Corpus Christianorum. Continuatio Medievalis; 74).
Roderici Ximenii de Rada Opera omnia. Turnhout, 1987. Pars 1: Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Cura et studio J.F. Valverde. (Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis; 72a).
Sánchez Alonso B. Historia de la Historiografía española. Madrid, 1947. Vol. 1.
Spiegel G.M. Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-Century France. Berkley, 1995.

Е.В. Булычева

**ДОХОДЫ ОТ АРЕНДЫ СВЯЩЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ
В АТТИКЕ И ФЕСПИЯХ В КОНЦЕ IV – III в. до н.э.
(ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ)**

Период IV в. до н.э. традиционно принято связывать с кризисом афинского полиса. В значительной мере дискуссии на эту тему касаются ее экономического аспекта.

Чтобы представить комплексное исследование на этот счет, необходимо подробно рассмотреть различные явления, происходившие в экономике афинского полиса, а также сравнить их с тем, что имело место в других областях греческого мира. Одним из таких явлений была сдача в аренду священных земель на территории полиса (Булычева 2018). Один из важных вопросов связан с получением доходов от аренды священных земель и способами их распределения.

Наша цель состоит в том, чтобы представить виды и количественные показатели доходов, полученных в процессе аренды

священных земель, а также способы их использования в полисе. При этом очень важно сравнить процессы, происходившие в Аттике (области Афин) и в других областях Греции. Для сравнения будет привлекаться эпиграфический материал из Феспий (юг Беотии).

Сравнение с Феспиями обусловлено прежде всего тем, что именно там находились весьма крупные и известные святилища, с территории которых до нашего времени сохранился весьма подробный эпиграфический материал, посвященный сдаче в аренду земельных участков, относящийся, так же как и аттический, к концу IV – III в. до н.э. Кроме того, как показывает анализ эпиграфического материала, условия договоров из Аттики и Феспий весьма похожи. Они содержат условия аренды (предписания арендатору о выполнении работ, сроки аренды, количество арендной платы, которую необходимо внести). К сравнению условий арендных сделок в этих полисах обращался Р. Осборн, который отметил, что они весьма схожи, что дает возможность говорить о существовании каких-то общих правил аренды священных земель, существующих в греческих полисах (Osborne 1991. P. 301–304).

Для исследования вопроса о доходах от аренды священных земель будут использованы договоры, которые содержатся в сборниках эпиграфического материала: «Inscriptiones Graecae», «Greek historical inscriptions», а также в сборнике «Epigraphica», изданном под редакцией Х. Плекета. Примечательно, что практически все договоры о сдаче в аренду священных земель, как в Аттике, так и в Феспиях, имеют одинаковую структуру. В начале договора говорится об определенных условиях аренды, включающих в себя сроки аренды, предписания о выполнении необходимых хозяйственных работ на теменосе, количестве арендной плате и порядке ее внесения (Osborne 1991. P. 303).

В качестве арендодателей в договорах об аренде священных земель в Аттике и Феспиях, как правило, выступают религиозные сообщества или административно-территориальные подразделения, имеющие право на распоряжение храмовым теменосом (Булычева 2018. С. 57–59). Среди арендаторов священных земель указаны частные лица, среди которых встречается немало знаменитых граждан, что, возможно, было связано с литур-

гическим характером их участия в сделке (Там же. С. 100–105). Одним из основных требований к арендаторам было внесение в срок арендной платы, которая являлась основным доходом для арендодателей. В порядке внесения арендной платы можно проследить определенную закономерность.

Как правило, священный участок сдавали в аренду на срок от 5 до 40 лет, правда, в некоторых случаях в Аттике была предусмотрена бессрочная аренда (IG. II². 2501, 16–18). При этом в договорах из Аттики и Феспий речь идет о внесении арендной платы, как правило, ежегодно и обязательно указывается месяц, в который необходимо ее предоставить.

Так, в договоре из Аттики о сдаче в аренду оргеонами теменоса героя Эгрета говорится о необходимости внесения арендной платы в первых числах месяцев боэдромиона (IG. II². 2499, 21). В договоре из Пирея о сдаче в аренду священных пастбищ предписано уплатить арендную плату в начале месяцев гекатомбеона (IG. II². 2498, 12–13). В Феспиях арендная плата за теменосы Геракла также вносится ежегодно в начале месяца фаргелиона (IG. VII. 1739, 14).

При этом сумма арендной платы варьируется от самых малых до весьма крупных сумм. Так, в договоре из Пирея о сдаче в аренду священных пастбищ арендная плата составляет 10 драхм ежегодно (IG. II². 2498, 3–4), а в арендном договоре оргеонов Эгрета плата назначается в 200 драхм ежегодно (IG. II². 2499, 2–3). В договорах из Феспий суммы арендной платы варьируются еще больше (например, в документе о сдаче в аренду теменосов Геракла – от 9 до 5000 драхм: IG. VII. 1739, 20–21).

К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений, позволяющих исчерпывающе объяснить, почему существовала такая разница в оплате. На этот счет можно сделать лишь некоторые предположения. Возможно, на сумму арендной платы влияли какие-то местные факторы, такие как уровень плодородия почвы, наличие водного источника на участке, а также социальный состав участников сделки (Бульчева 2018. С. 72–73).

В случае просрочки арендной платы на арендаторов налагались определенные санкции. Как правило, в договорах из Аттики говорится, что, если арендаторы не внесли своевременно арендную плату, либо не выполнили других условий соглаше-

ния, арендодатели имеют право отказать арендатору в праве аренды и передать теменос в аренду другому арендатору. Так, в договоре о сдаче в аренду земельного участка героя Эгрета из Аттики сказано, что в случае невнесения арендной платы или невыполнения других условий соглашения арендодатели имеют право передать участок в новую аренду (IG. II². 2499, 28–29), а также потребовать от арендатора выплату штрафа (Ibid. 2492, 40–45).

В договорах из Феспий также говорится о том, что в случае несвоевременного внесения платы за аренду арендатор должен уплачивать штраф в размере двух оболов ежегодно сверх установленной арендной платы (Pleket 1964, № 45, line 16). Кроме того, выплата арендной платы при аренде священных земель гарантировалась со стороны арендаторов поручителями. М. Уолбэнк отмечает, что практически ни одна сделка по аренде храмовых земель Афины, Зевса, Посейдона и других богов в Аттике не проходила без участия таких лиц (Walbank 1983. P. 190–194).

В договорах о сдаче в аренду священных земель в Феспиях тоже говорится, что наличие гарантов необходимо до тех пор, пока арендатор не внесет в срок всю арендную плату (IG. VII. 1739, 9–12). Отмечается, что присутствие поручителя необходимо при внесении ежегодной оплаты (IG. VII. 1739, 9–12). Кроме арендной платы, выраженной в денежной форме, в договорах содержатся предписания о внесении платы в виде продукции, которая должна была быть выращена на территории теменоса в процессе аренды. В первую очередь, речь, безусловно, идет об урожае.

Во многих договорах из Аттики (IG. II². 2492, 14–18; 2494. 11–16) и в надписях из Феспий о сдаче в аренду сада Муз (IG. VII. 1739, 16, 22) арендаторам садов предписано по окончании аренды представить такое же количество плодовых деревьев, какое было зафиксировано на участке ранее, а также отдать половину урожая арендодателю. Кроме того, в ряде случаев арендатору предписано передать в качестве дохода от аренды скот, выращенный на арендованном теменосе. В договоре из Аттики об аренде земли Аполлона Ликейского речь идет о ежегодной передаче арендатором двух лучших быков из при-

плода текущего года (IG. П². 2494, 28–30). В договоре о сдаче в аренду теменосов сообществом Саламиниев подробно говорится о передаче животных, выращенных в период аренды (Булычева 2018 С. 81–83). В постановлении из Феспий о сдаче в аренду теменоса Муз также сказано о том, что арендатор должен передавать ежегодно 5000 драхм и быков (IG. VII. 1739, 21–22). При этом возникает вопрос о том, как использовались средства, полученные от сдачи в аренду священных земель. Как правило, в арендных договорах речь идет о том, что средства, полученные от аренды, должны быть потрачены на нужды святилища, а также на жертвоприношения и праздничные церемонии, устраиваемые при храме или на территории всего полиса (Булычева 2018. С. 79–85).

На основе сказанного можно сделать следующие выводы. В отношении аренды священных земель на территории Древней Греции, по-видимому, существовали какие-то общепринятые правила, действовавшие на территории разных полисов (Лопухова 1983. С. 140–141). Сдача священных земель в аренду позволяла уберечь их от каких-либо проблем, обеспечить сохранность и процветание, особенно в условиях возможного кризиса. Изучение эпиграфического материала позволяет сравнить подобные экономические явления в разных областях греческого мира.

Источники и литература

- Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V – IV вв. до н.э. Распоряжение общественной землей в полисе. М., 2018.
- Лопухова О.Б.* Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // ВДИ. 1983. № 1. С. 139–180.
- Inscriptiones Graecae.* В., 1924. Vol. 2–3.
- Osborne R.* Social and economic implications of the land and property in classical and hellenistic Greece // *Chiron.* 1988. Vol. 18. P. 279–323.
- Pleket H.W.* *Epigraphica.* Vol. 1: Texts on Economic History of the Greek World. Leiden, 1964.
- Walbank M.B.* Leases of sacred properties in Attica // *Hesperia.* 1983. Vol. 52. P. 161–201.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ВОЛХВЫ И ВОЛХОВАНИЕ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Вопрос о том, кем являются древнерусские волхвы, остается в современной историографии весьма спорным. Различные точки зрения на этот счет можно свести к двум. Либо волхвы – это «языческие» жрецы, либо волхвами признаются сторонники какой-то дуалистической ереси, близкой к богомилам. Вторая точка зрения основывается на статье «Повести временных лет» (ПВЛ) за 1071 г., где рассказывается о прениях Яня Вышатича с волхвами, которые рассказывают о дуалистическом строении мира (Бог и дьявол вместе творят мир. – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175–178).

Больше никаких данных о том, что волхвы считали мир дуалистически устроенным, у нас нет. Более того, миф о творении, рассказанный волхвами Яню Вышатичу, больше напоминает записанный в мордовском селении Пензенской губернии миф о Чам Пасе, после бани обтиравшемся полотенцем, которое украд шайтан (Кузнецова 1997). Это сходство может иметь несколько различных объяснений (вплоть до влияния летописного текста на финно-угорский фольклор), но связывать единственное свидетельство летописи с приверженностью всех волхвов богомильской ереси, как представляется, не очень продуктивно.

Первая точка зрения, сводящаяся к тому, что волхвы представляют собой «языческих» жрецов, в тех регионах, где в XI–XII вв. остались поклонники дохристианских культов, безусловно, интереснее идеи об адептах богомильской ереси. Однако и здесь не всё так просто. В недавней работе П.В. Лукин сравнил летописный сюжет о появлении волхва в Новгороде, который спровоцировал мятеж в городе, со свидетельством о христианской миссии Оттона Бамбергского к поморским славянам в Щецин. В Щецине людей на борьбу против миссионеров пытался вдохновить жрец. По мнению исследователя, это сравнение дает возможность видеть в новгородском волхве «языческого» жреца (Лукин 2018. С. 131–148). Уподобление, на наш взгляд, не совсем корректно.

Во-первых, ничего не сказано о приверженности новгородского волхва какой-либо «языческой» религии.

Во-вторых, в древнерусской письменности нет никаких иных свидетельств, связывающих волхвов с дохристианскими культурами. Исключение составляет летописный сюжет под 1071 г., где рассказывается следующее: «В сиа же времена прииде волхвъ, прѣльщенъ бѣсомъ; пришед бо Киеву, глаголаше, яко явилося ми 5 богъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на 5 лѣто потещи Днѣпру въспяи, а землямъ преступати на иная мѣста, яко стати Грѣчьской земли на Руской земли, а Руской земли на Грѣчьской землѣ, и прочимъ землямъ измѣнятися» (ПСРЛ. Т. 3. С. 191–192). То, что волхв упоминает пятерых богов, никак не делает его жрецом. В.Я. Петрухин считает, что они никак не связаны с язычеством, а имеют отношения к пяти планетам, «на астрологическое расположение которых и ссылался волхв» (Петрухин 2000. С. 315–317). Также очень важно отметить, что во всех сюжетах ПВЛ, отражающих события до принятия христианства, нет никаких свидетельств о волхвах как жрецах языческой религии. Никаких волхвов мы не встретим ни в сюжете о попытке жертвоприношения варяга-христианина (983 г.), ни в установлении языческого пантеона в Киеве (980 г.).

В-третьих, новгородский волхв, как и в некоторых других упоминаниях, провозглашает, что готов совершить чудо – в данном случае, перейти Волхов по воде. В предваряющем рассказ о новгородском волхве замечании летописец вспоминает евангельский сюжет о волхве Кунопе: «Нь и Конопъ творяше мечтаниемъ бѣсовьскимъ, яко и по водамъ ходити, и ина мечтания творяше, бѣсомъ льстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 196). Куноп, как известно, утонул в море. Новгородский волхв был убит князем Глебом.

Говорил ли новгородский волхв эти слова на самом деле, или в его уста их вложил летописец, ясно одно – волхв сам, или по мнению летописца, уподоблял себя Иисусу Христу (как замечает летописец «хуля веру христианскую»), что не имеет никакого отношения к дохристианской религии. Почему «языческий» жрец должен был совершить христианское чудо, остается загадкой – или нам придется считать, что уже ко второй половине XI в. «языческие» жрецы освоили дискурсивные стратегии го-

нителей ранних христиан. Конечно, полностью исключить такой вариант нельзя, но являются ли они жрецами, или мы имеем дело с людьми, которые, имея высокий статус в глазах народа, убежденного в обладании ими какой-то магической силой, могут увлечь людей за собой на мятеж против епископа или князя.

То, что волхвы могли быть очень знаменитыми и даже доблестными воинами, мы узнаем из Галицко-Волынской летописи: «Скомондь бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочить. Борзь же бѣ яко и звѣрь, пѣшь бо ходя, повоева землю Пиньскую» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 799–800).

О том, что волхвы рассматривались как люди, способные творить чудеса, мы узнаем из переводных литературных сочинений (хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы и др.), но не только. В «Памяти и похвале» Иакова Мниха читаем: «Много бо и вльсви чюдесь створиша бѣсовьскымъ мечтаниемъ, и бяху святѣи апостоли и бяху лжии апостоли» (Память 1897. С. 6). В «Чуде о святом Николае», в тот момент, когда святой спасает священника, возведенного на эшафот, трижды вынимая из рук палача меч, разозленный палач спрашивает священника, не волхв ли он.

Из этих приведенных скудных данных ясно только то, что волхвы могли «совершать» чудеса и в глазах жителей русских городов имели высокий статус. Однако главное умение волхвов, о котором нам всегда с некоторым ехидством повествует летописец – это предсказание будущего. Если волхвы говорят про свое будущее, то они, как правило, ошибаются. И новгородский волхв, который предрек, что будет совершать чудеса, после чего был убит князем Глебом, и волхвы, умерщвленные с согласия Яня Вышати-ча, говорившие «намъ пред Святославомъ стати» (ПСРЛ. Т. 3. С. 194), оказались неправы. Если же они пророчествуют кому-то, то предсказанное свершается, либо к этому относятся серьезно: волхв предсказывает смерть князю Олегу от коня, и тот погибает, венгерский принц в 1226 г. посылает свое войско на Галич, но сам в поход не идет: «и посла вои свои к Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати к Галичю. Повѣдахуть бо ему волхвы Угорьскыя, яко узрѣвшу Галичъ, не быти ему живу. Он же тоя ради вины не смѣя ити в Галичъ, яко вѣряшетъ волхвомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 748).

Однако, кроме летописных свидетельств, где перед нами предстают исторические акторы, другие древнерусские источники со-

общают нам о волхвах дополнительную информацию. Как мы уже писали выше, и во внелетописных источниках сообщается о способности волхвов «совершать» чудеса. Кроме этого волхвы умеют лечить. В слове о Спиридоне и Алимпии Киево-Печерского патерика говорится: «И нѣкто от Киева богатыхъ прокаженъ сии. И много от влѣхвовъ и от врачевъ врачюемъ бываше, и от иновѣрныхъ человѣкъ искаше помощи, и не получи, но и грѣшее себѣ приобрѣте» (БЛДР. Т. 4. С. 460). В «Вопрошании» Кирика сказано: «А еже дѣтии дѣля жены творять, что любо, а еже възболлять, или къ вълхвамъ несуть, а не къ попови на молитву, то б недѣль, или 4, оже будутъ молоди» (РИБ. Т. 6. С. 60).

Кроме лечения, люди явно обращались к волхвам и за другой помощью, которая напрямую связана с проявлением чудесного. В ответах киевского митрополита Иоанна есть свидетельство: «Иже волхвованья и чародѣянья творяще, аще мужю и женѣ, словесы и наказаньемъ показати и обратити от злыхъ. Якоже от зла не преложаться, яро казнити на възбраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе» (Там же. С. 4). Похожее наставление читаем в пространной редакции Устава Ярослава: «Аще жена будетъ чародѣица, наузница, или вълхва, или зелеиница, муж, доличив, казнит ю, а не лишится» (Шапов 1976. С. 89). Как представляется, оба примера вряд ли можно трактовать как запрет именно на лечение у волхвов. В данном случае речь идет о каких-то магических практиках, волхвы попадают в один ряд с чародеями и чародейем. В Начальной летописи сказано: «тако сии роди много волхують жены чародѣиствомъ и отравою и инѣми бѣсовскими козньми» (ПСРЛ. Т. 3. С. 195). Таким образом, под волхованием понимается широкий спектр магических услуг, а не только лечение. Сюда, вероятно, входит и гадание, и предсказания, и заговоры от болезней, и приготовление различных лекарственных снадобий. Безусловно, эти частные магические практики рассматривались как проявление «чудесного» и, в свою очередь, осуждались церковью, которая интерпретировала эти чудеса как связь с бесовской силой.

Несмотря на скудные свидетельства ранних древнерусских письменных памятников о волхвах и волховании, можно сделать несколько выводов. Волхвами называли людей, которые могли предсказывать будущее и совершать чудеса, но не являлись ни

святыми, ни священниками. Мы видим также, что волхвами называли людей, которые совершали различные магические ритуалы, а также лечили людей, что тоже осуждалось церковью, т.к. не было ею санкционировано. Среди волхвов были весьма статусные представители. О них упоминают летописные источники. Но наряду с ними также существовали различные народные целители и чародеи, занимавшиеся магическими практиками, к которым обращались люди по мере надобности. Они именовались волхвами, на наш взгляд, в силу того, что тоже вершили чудеса, были связаны с «чудесным». Рассматривать же волхвов как представителей «языческой» дохристианской религии весьма сложно: на это нет никаких указаний в источниках.

Источники и литература

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1997.

Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2018.

Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 года // Зап. Акад. наук. Сер. VIII по Ист.-филол. отд. СПб., 1897. Т. 1, № 6.

Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1.

Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Ю.Е. Вершинина

КОНЦЕПТ *FAMILIA* В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Казус, связанный с несоответствием исходного значения латинского термина *familia* и образованных на его основе во многих современных европейских языках слов, обозначающих нуклеарную семью, широко известен в социальных и гуманитарных науках. Действительно, латинская *familia*, в основе которой лежало подчинение ее членов *pater familias*, имеет мало общего с представлениями о современной европейской семье. Одним из интересных аспектов изучения этого казуса является использование слова *familia* в трудах раннесредневековых авторов для описания социальных групп, существовавших в обществах, не

знавших коллективов, аналогичных римской *familia*. Уникальную возможность рассмотреть изменения в восприятии этого термина в рамках одного сообщества дает нам сравнение того, как он использовался в «Церковной истории народа англвов» Беды Достопочтенного, написанной в VIII в., и в ее переводе на древнеанглийский язык (конец IX – начало X в.).

В «Церковной истории» Беды Достопочтенного термин *familia* встречается 26 раз. При этом Беда, в отличие, например, от Григория Турского, использует это слово в двух значениях – для указания на социальную группу (9 раз) и как меру площади (17). Все упоминания слова в качестве меры площади встречаются во фрагментах, написанных Бедой собственноручно; что касается использования слова в первом значении, то в трех случаях мы имеем дело со вставками в «Историю» текстов писем других людей. При переводе «Церковной истории» на древнеанглийский язык была пропущена глава, содержащая письмо аббата монастыря св. Павла в Ярроу (Jarrow) Кеолфрита королю пиктов Нейтону, в которой встречались два упоминания *familia* в значении социальной группы. Также в переводе отсутствует часть текста с описанием острова Мэн и рассказом об основании св. Вилфридом монастыря Инрип, где *familia* упоминалась в качестве меры площади. Других «потерь» термина при переводе не произошло.

Нетрудно заметить, что в значении меры площади *familia* используется в два раза чаще, чем в значении социальной группы. Последнее встречается только в «Церковной истории». У Беды *familia* выступает в качестве аналога англо-саксонской меры площади гайды (*hid* или *hiwisc*). Точные размеры гайды не были стабильны, но, по мнению большинства исследователей, она представляла собой земельный участок, достаточный для содержания одного крестьянского домохозяйства (Stenton 1971. P. 279). В число домочадцев кэрла – хозяина гайды – входили члены его семьи, рабы и лэты (полусвободные) (Глебов 2007. С. 124). Таким образом, этот коллектив мог напомнить Бедо римскую *familia*, за исключением того, что домочадцы кэрла проживали совместно, что было необязательным в случае античной *familia*. В качестве меры площади в большинстве случаев *familia* в древнеанглийском переводе «Церковной истории» передается как *hid* или *hiwisc*. Однако, если речь заходила о площади более 1200 *familiae*, вместо *hid* пе-

реводчик использовал термины *folc* (Bede 1890. P. 240) и *lond* (Ibid. P. 300) / *land* (Bede 1722. P. 582).

Familia как социальная группа упоминается Бедой у мирян и среди духовенства, в отличие, например, от Григория Турского, который говорит о *familia* только среди мирян. Беда говорит о *familiae* двух епископов – св. Августина Кентерберийского и Эты Хагустальдунского (Хэксхэмского). В случае с Этой, излечившим немного юношу (Bede 2015. P. 714), епископ предлагает последнему войти в его *familia*, однако юноша отказывается, предпочтя вернуться домой (*domum*). Здесь обращает на себя внимание использование понятий *familia* и *domus* как равнозначных. Установить состав *familia* епископа на основании этого сюжета достаточно сложно: епископ был с несколькими спутниками (*cum paucis*), среди которых, вероятно, присутствовали его клирики, а поскольку он предложил бедняку-мирянину стать частью его *familia*, то, возможно, в нее входили и слуги-миряне. В древнеанглийской версии «Церковной истории» слово *familia* в данном случае было передано как *geferscipe*. Этот термин встречается в переводе «Церковной истории» и в других текстах, чаще всего указывая на священников как часть клира епископов (Bede 1890. P. 248, 272, 398, 466). Им также обозначается окружение аббатов (Ibid. P. 254) и королевских особ (Ibid. P. 264). В последнем случае из числа членов *geferscipe* выделялись челядь (*huses*) и знать (*aldormones*).

Подобное восприятие противоречит представлениям о епископской *familia* папы Григория I: судя по его ответам на вопросы св. Августина Кентерберийского, епископский клир, с точки зрения папы, не входил в ее состав (Bede 2015. P. 573). Не случайно, по всей видимости, переводчик не только не прибегает в этом отрывке к термину *geferscipe* для передачи слова *familia*, используя вместо него слово *heorod* (Bede 1890. P. 64) / *hired* (Bede 1722. P. 489), а клириков обозначает как *Godes þeowum* (Bede 1890. P. 64). Таким образом, можно предположить трансформацию восприятия *familia* духовного лица: из группы слуг-мирян (лично свободных или зависимых) у Григория I в коллектив клириков и слуг-мирян, а затем в группу клириков (Stenton 1971. P. 149). Общим для ее членов оставалось лишь подчинение главе этого коллектива.

Что касается светских *familiae*, то Беда Достопочтенный упоминает их в связи с различными слоями общества, хотя в основном речь идет о королях и знати (которые в целом чаще, чем представители непривилегированных групп, упоминаются в его произведениях). Анализ сюжетов с *familia* позволяет заключить, что в основе этой социальной группы, с точки зрения Беды, лежали совместное проживание ее членов, определенная эмоциональная привязанность, подчинение членов ее главе и, возможно, родственные связи либо же узы верности, связывавшие вождя и его дружину. В состав этого коллектива входили жена и дети, а также другие родственники, оказавшиеся на попечении ее главы, например племянница. Вероятно, чем выше было социальное и имущественное положение главы *familia*, тем больше членов в нее входило. Таким образом, некоторые из этих коллективов могли превосходить по числу членов «стандартную» семью кэрла, на содержание которой было достаточно одной гайды/*familia* земли. Однако, вероятно, из нее исключались зависимые и полусвободные слуги и рабы, которые были членами римской *familia*. То, что членов этого коллектива связывали достаточно близкие и стабильные отношения, подтверждается сюжетами, в которых упоминается это слово. В двух случаях оно используется для характеристики социального положения человека, принадлежащего к ней (Bede 2015. P. 556; Venerable Bede 1843. P. 101). В остальных речь идет о крещении либо знакомстве с основами христианства (Bede 2015. P. 605, 649), или о болезни / смерти ее главы / члена (Ibid. P. 633, 724; Venerable Bede 1843. P. 122).

Для передачи концепта *familia* в древнеанглийском переводе «Церковной истории» были использованы термины *hired / hyred* (Bede 1890. P. 36, 124), *hiwan* (Ibid. P. 230) и *hioscipes* (Ibid. P. 422) / *heowscipe* (Ibid. P. 332) / *hiwscipes* (Bede 1722. P. 539, 627). По всей видимости, коллективы, обозначенные Бедой как *familia*, с точки зрения переводчика, относились к разным типам. Так, судя по тексту древнеанглийского перевода «Церковной истории», *hired* представлял собой группу родственников, которые, вероятно, могли не проживать совместно, но, возможно, подчинялись главе коллектива. В отношении *heowscipe* переводчик поясняет, что *familia* в качестве меры площади представляла собой количество земли, достаточное для одной *he-*

owscipe. Поэтому, вероятно, этим словом обозначалась семья, состоящая из мужчины (*hioscipes / hiwscipes fæder*. – Bede 1890. P. 422; 1722. P. 627), его жены и детей, – любой другой ее состав сильно зависел бы от индивидуальных обстоятельств конкретного человека и не подходил бы для унифицированного измерения. Именно слово *heowscipe* Э. Уикли считал эквивалентом латинского термина *familia* (Weekley 1921. P. 547). *Hiwan* представлял собой коллектив проживавших вместе родственников, куда входили и более дальние, чем жена и дети, родичи (например, племянница), подчиняющихся его главе – *higna* (*higina / hina*) *aldres(ealdres)*. Словом *hiwan* переводчик также называет группу, епископом которой по желанию короля Альфрида должен был стать св. Уилфрид, обозначенную Бедой как *suis* (Bede 2015. P. 661). Этот же термин обозначает в переводе на древнеанглийский язык насельников монастырей Бардни и Или (Bede 1890. P. 182, 318).

Вышесказанное позволяет предположить, что термином *familia* Беда описывал три различных типа коллективов, существовавших в англо-саксонском обществе. Состав этих групп, основания для объединения и отношения между членами этих групп были различными. Общим было, вероятно, подчинение единому главе, что и позволило Бедой обозначать их общим термином *familia*. В то же время большое значение в этих группах могло играть родство, одинаковое социальное положение, а в некоторых случаях и совместное проживание членов, а также эмоциональная привязанность между ними. Не совсем ясно, включались ли полусвободные и рабы в число членов этих коллективов. Тем не менее очевидно, что уже в период раннего Средневековья в англо-саксонском обществе существовали коллективы, обладавшие основными чертами нуклеарной семьи (совместное проживание, родство членов не далее третьего колена, эмоциональная привязанность), которые описываются латинским термином *familia*.

Литература

Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007.

Bede 1722 – The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History of the English People / Ed. by J. Smith. Cantabrigiae, 1722.

- Bede 1890 – The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History of the English People / Ed. by T. Miller. L., 1890. Vol. 1–2.
- Bede. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede.* Delphi Classics, 2015. P. 547–761.
- Stenton F.* Anglo-Saxon England. N.Y., 1971.
- Venerable Bede. De vita et miraculis sancti Cuthberti, episcopi lindisfarnensis // The Complete Works of Venerable Bede / Ed. by J.A. Giles.* L., 1843. Vol. 4. P. 97–137.
- Weekley E.* An etymological dictionary of modern English. L., 1921.

Ю.Я. Вун

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРАКТИКОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

Локальные особенности актовых материалов всегда являлись точкой притяжения для византинистов. В подобного рода исследованиях важнейшим фактором достоверного раскрытия поставленной проблемы служит изучение именно региональной специфики документа. Богатый компаративный материал для собственно византийских актов дают жалованные грамоты сербских и болгарских правителей и другие грамоты южнославянского происхождения. Эти документы, начиная с XI в., несомненно, следуют основным принципам византийского делопроизводства.

Одной из наиболее важных разновидностей византийских документов являются описи. Их по содержанию разделяют на два вида документов: *периорисмы* (поземельные описи) и так называемые *практики* (описи зависимых крестьян-париков, их имуществ и наложенных на них податей). Считается, что практики пришли на смену ранее составлявшимся налоговым кадастрам, где суммарно фиксировались взимаемые с населения налоги. Согласно концепции Н. Икономидиса, введение практиков и их широкое распространение в Византии XI–XV вв. объясняется податным статусом сельских общин. Придерживаясь воззрений о фискальной природе общинного института, ученый

утверждает, что переход земледельцев в зависимое состояние и передача взимаемых с них платежей крупным земельным собственникам сопровождались изменением податной системы. Воочию наблюдаемым результатом ее трансформации стала замена обезличенного и «объективного», как говорит историк, налогового кадастра практиками – индивидуализированными документами, лучше приспособленными к «привилегированной податной системе». Иначе говоря, появление практиков обусловлено подчинением сельских общин крупным земельным собственникам. Древнейшим из практиков обычно называют практик Андроника Дуки 1073 г., который соединил вместе земельную опись и описание крестьянских хозяйств. Впрочем, в середине XI в. Исаак Комнин, устанавливая в зависимости от размеров сельских селений размеры каноникона, который вносили при рукоположении священников, находит обоснование своему решению «в сигиллиях старых практиков», что повторяет также схолия к Номоканону константинопольского патриарха Фотия (I, 34), где воспроизведена указанная новелла Исаака Комнина.

Наряду с поземельными описями материалы практиков крайне важны для реконструкции как общинных, так и поместных отношений селян (к примеру, практик 1264 г. Кефаллиникской епископии). Практики довольно часто входили в состав разного рода императорских актов, в особенности жалованных грамот, и других документов. Наиболее разработанную форму византийские практики обретают к рубежу XIII–XIV вв. В них включались перечни членов крестьянских семей и облагаемых имуществ – земельных участков, домашних животных, в том числе тягловых упряжек, иногда – сельскохозяйственного инвентаря, мельниц, других хозяйственных построек. Равным образом практики описывают суммарные налоговые изъятия и льготы, а также поборы, взискиваемые с жителей сельских селений или их отдельных частей, которые были пожалованы представителям господствующего класса. И это – типическое наполнение содержания практиков. Подобная типизация, как свидетельствуют практики афонских монастырей, возникала на протяжении предшествующих столетий, поскольку рассматриваются источники до XIII в., на основе региональных и местных особенностей делопроизводства Византии. Скажем, практически ни один поздневизантийский практик не

содержит сведений, позволяющих установить возраст детей, которые вписаны в катастрих отдельных семей на правах их членов. Тем не менее практик севастов Николая Кампаны и Димитрия Спартины, которые в 1262 г. перечисляют лиц, проживавших во владениях Ивирского монастыря в селениях Халкидики, демонстрирует некоторые очевидные отличия в процедуре регистрации семейного положения крестьян. Здесь наряду с вдовами отмечены вдовцы, холостяк и бездетность, а также факты совершеннолетия сыновей. Самой бросающейся в глаза особенностью этого практика являются упоминания грудных младенцев.

Податная документация в азиатской части Византии длительное время несла на себе печать архаики. Допустим, большая часть материалов «практика», как назван документ, владений Патмосского монастыря на о. Лерос конца XI в., представлена поземельными описями. Напротив, практик Лемвиотисского монастыря в 1235 г. отдельно от земельных описей называет поименно париков-присельников селения Вари-Мила вместе с их женами и несовершеннолетними детьми. Особенно поразителен фрагмент налогового реестра конца XIII в. в составе кодекса Вазелонского монастыря. Здесь перечисляются подати налогоплательщиков по спискам их владений в селах округа Мацука. Специфика налогового реестра отличает его от обычных поздневизантийских практиков. Обложению подлежат земельные участки по месту их расположения. Ни общественный, ни профессиональный статус землевладельца во внимание не принят, данные об имуществе не приведены, а указываются денежные суммы, взимаемые с налогоплательщиков за их земельные наделы. Сведения о налогах сгруппированы по стасям (податным единицам). Помимо поземельного, каждая стась уплачивала совокупный налог, который указан в реестре рядом с названием сташи. Можно предположить, что в основе совокупного налога лежало обложение неземельных имуществ. Главное – тем самым подтверждается фискально-податная функция сташи.

Очевидно, можно было бы вернуться к особенностям целого ряда практиков афонских монастырей XII–XIII вв. Анализируя их, собственно говоря, оправданно иметь в виду Хиландарский практик, условно датируемый 1300 г. Содержание утраченного византийского оригинала с достаточной степенью достоверности пред-

ставляет его сербский перевод середины XIV в. Эта копия во многих отношениях полностью адекватна византийскому прототипу, что дает возможность судить о пропавшем документе и, проводя сопоставления между греческим и славянским делопроизводством, делать выводы о важнейших особенностях отображения реальных условий существования крестьянства. Неколебимым критерием достоверности славянского перевода, бесспорно, служат многочисленные и разнообразные терминологические рецепции. Их, без учета имен собственных, насчитывается порядка 25 лексических единиц. Это общеупотребимые заимствования: «цесарь», «хрисовул» и др. Большая часть рецепций относится к податным отношениям и сопутствующим им порядкам. Таковы и термин «практик», названия денежной единицы, налогов и податей, обозначение крестьянского хозяйства, «прония» и т.д.

А.Ю. Виноградов

ОСВЯЩЕНИЯ ХРАМОВ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ВИЗАНТИИ И РУСИ (СЕРЕДИНА IX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

Освящение храма играло важную роль в жизни средневекового общества. С одной стороны, это была инаугурация одного из главных элементов визуальной репрезентации ктиторов. С другой – связанное с освящением празднество получало оформление в качестве ежегодной литургической памяти. Потому не удивительно, что освящения церковью старались увековечить и в письменной традиции средневековых обществ. Рассмотрим этот процесс в сравнении синхронных восточно-христианских культур: средневизантийской и домонгольской русской.

Терминология. Византийцы пользовались для обозначения освящения церкви сразу несколькими терминами (и однокоренными им глаголами) – ἐγκαίνια (употреблялся и для обозначения ежегодной памяти освящения), ἐνθρονισμός, καθιέρωσις, ἀνιέρωσις, ἀφιέρωσις. Несколько сложнее дело обстоит с глаголом ἀνακαίνισω: обозначая восстановление храма (подразумевающее, конечно, новое освящение), в надписях, в сочетании с точной датой, он может указывать и на дату освящения.

В русской традиции мы наблюдаем несколько иное распределение терминов. При описании процесса освящения церкви используются слова *священие* и *святити*. А вот ежегодная память освящения обозначается и как *священие*, и как *обновление* (калька с греч. ἐγκαίνια), но только для заимствованных памятней.

Историография. В византийском историописании освящения храмов были представлены очень скупо, описываются лишь прецеденты в Константинополе. По сути, все их упоминания относятся к концу правления Василия I и к царствованию Льва VI (от 880 до 912 г.). Хотя они встречаются у многих историков X–XI вв., но все без исключения восходят к «Хронике» Симеона Логофета, которая, в свою очередь, опиралась, вероятно, на какой-то более ранний константинопольский источник. При этом только освящение церкви Неа, главной постройки Василия I, упоминается как самостоятельное событие, тогда как остальные приводятся либо в связи с необычными явлениями или другими важными событиями (освящение монастыря Константина Липса в страшную бурю; известие о нападении арабов на столицу во время освящения обители Христофора), либо как дополнение к другим рассказам (освящение кафоликона в конце рассказа о строительстве монастыря в Топях и перенесении туда мощей; освящение обители в Носиях, построенной для паракимомена Константина). Все эти упоминания сопровождаются указанием на дополнительные обстоятельства (участие императора и патриарха, процессии), но не содержат подробных описаний (кроме добавки у Псевдо-Симеона и Иоанна Скилицы об истории основания монастыря в Носиях). Такую хронологическую неравномерность можно объяснить переходом от анналистических хроник (например, Симеона Логофета) к жанру истории, так что старые упоминания освящений рубежа IX–X вв. еще встречаются в этих историях (например, Продолжателя Феофана), но новые ни в них, ни в историях последующего периода (например, Михаила Пселла, часто упоминающего факты строительства храмов) уже не отражаются.

Напротив, на Руси, в силу летописного характера ее историографической традиции, сохранившейся с рубежа XI–XII вв., освящения каменных церквей, как важнейшие события в жизни княжеств и городов, упоминаются часто и довольно равномерно.

Для их описания существуют две базовые формулы. Формула *священа бысть* (без уточнения кем именно) характерна для Начального свода/«Повести временных лет» (ПВЛ) (3 раза), Киевской летописи (КЛ) (4) и особенно Суздальской летописи (СЛ) (16), где 3 раза (с 1219 г.) указывается епископ-консекрант (также здесь встречается уточнение, кто создал освящаемую церковь). Напротив, формула *святи* характерна для Новгородской I летописи (Н1) (16 раз; трижды в варианте *святишиа*), причем применяется только к епископам, а в КЛ (2) и СЛ (2; однажды ретроспективно) летописях применяется к князьям (в последней однажды и к епископам). В ПВЛ по разу встречаются обе формулы. Иногда (с 1136 г.) к обеим формулам добавляется *великим священием*: в КЛ (3), СЛ (5), Н1 (3).

География известий об освящениях показывает кругозор летописца: южнорусские своды конца XI – начала XII в. фиксируют освящения храмов в Киеве и Переяславле (и, возможно, Новгороде, если известие Н1мл. под 1055 г. восходит к киевскому источнику), КЛ – в Киеве, Белгороде и Чернигове, СЛ – в Вышгороде, Владимире, Ростове, Ярославле, Суздале и Кидекше, Н1 – исключительно в Новгороде. Дополнительные детали освящения (кроме имени епископа) изредка дает СЛ, а подробный рассказ есть только в ПВЛ под 6623 (1115) г., да и то в контексте описания перенесения мощей св. Бориса и Глеба. Н1, сообщающая об освящениях храмов реже (13 раз), чем об их закладке (25) и завершении (18), никогда не делает этого в отношении деревянных храмов, очевидно потому, что у каменных церквей завершение строительства и освящение могли быть разнесены во времени из-за росписи или других отделочных работ, хотя и в пределах того же года.

Агиография. Значительней роль освящений в средневизантийской агиографии, особенно в житиях основателей монастырей, в т.ч. иерархов (жития патриарха Игнатия, гл. 7, и Евфимия Нового, гл. 5–60). Описания освящений содержат зачастую много деталей торжества (например, освящение Псаммафийской обители в житии Евфимия Нового, гл. 5–6), а также элементов чудесного (например, в житиях Иоанникия авторства Саввы,

гл. 49, и Никона Метаноите, гл. 38). Иногда святой заботится об освящении других храмов (как Никон Метаноите, гл. 21).

Напротив, древнерусские жития, даже основателей монастырей, упоминая о строительстве храмов, молчат об их освящении. Редкое исключение – Киево-Печерский патерик, где целая глава (6) посвящена освящению Успенского собора, которое также сопровождают чудеса (первое из которых похоже на чудо из Жития св. Никона Метаноите).

Литература. В средневизантийской нелитургической литературе освящения храмов специально отразились в двух жанрах. Первый – это гомилии на освящение церковью Константинополя: патриарх Фотий произносил их на освящение Фаросского храма (гомилия 10) и мозаики в св. Софии (17), патриарх Евфимий Новый – раки с Поясом Богородицы в Халкопратийской базилике, а император Лев VI – храмов св. Димитрия во дворце (19), св. Фомы (32), в монастырях Кавлейском (31) и Стилиана Зауцы, своего тестя (37). Тематически с этим жанром смыкаются гомилии на память освящения храма: Михаила Солунского – св. Софии Константинопольской, Неофита Затворника (Кипр) – Воскресения в Иерусалиме «и всякого освящаемого храма». Второй жанр – эпиграммы на освящение храма, например Мануила Фила (Поэмы 283; храм св. Георгия) и Христофора Митиленского (Разные стихи 12; храм зигостата Евстафия). В храме Богородицы монастыря Константина Липса (907 г.) такая эпиграмма была воспроизведена на наружном мраморном карнизе металлическими буквами.

Очень важную роль памяти освящений церковью играют в «Синаксаре Константинопольской Церкви» (упомянуто 44, причем все, кроме двух – Воскресения в Иерусалиме и кафоликона Вафириака – столичные) и родственном ему «Типиконе Великой Церкви» (47). Однако все они упоминаются без подробностей освящения (кроме св. Илии), и только для 12 памятней в Типиконе дается краткое описание службы, в том числе для памяти освящения Неа, с процессией патриарха и императора (известна также по Синаксарю и по трактату «О церемониях»).

На фасаде Десятинной церкви в Киеве была греческая надпись конца X в., возможно, стихотворная, однако уже при ремонте XII в.

ее части были вмурованы без порядка. Памятей освящений домонгольских церквей в русских богослужебных книгах всего три, однако в Прологах присутствуют пространные сказания о них, чего неизвестно в Византии. Все эти освящения (Десятинной церкви, св. Софии и св. Георгия в Киеве) и, вероятно, их описания относятся к 1030–1050-м годам и могут быть связаны в том числе с митрополитом Иларионом, после чего русский месяцеслов в этом отношении почти «закрывается» (упоминается только освящение церкви св. Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске в 1191 г.).

Акты. Освящения храмов отразились и в средневизантийских документах. Так, император Константин IX Мономах в 1048 г. издает хрисовул касательно освящения своего ктиторского монастыря Неа Мони на о. Хиос (из речи Михаила Пселла, 1, 734–735, следует, что тот был, возможно, переосвящен в 1057 г.). Монахи монастыря Кутлумуш на Афоне сфальсифицировали хрисовул императора Романа I Лакапина от 924 г. с указанием о его освящении патриархом Феофилактом. Освящение монастыря, вместе со ставропигией, упоминается и в типиконе обители Махера на Кипре. Там же Неофит Затворник в своем завещании упоминает об освящении его трудами пещерного храма Св. Креста.

На Руси из актоподобных источников об освящении церквей можно упомянуть только уникальный антиминс 1147 г. с записью об освящении храма св. Георгия в Суздале Нифонтом Новгородским, хотя таких антиминсов (откуда могли браться и летописные известия об освящении) было, возможно, больше, как и в Византии XII в. (Феодор Вальсамон. Толкование на Трул. 31).

Эпиграфика. Актовый характер имели отчасти и строительные надписи средневизантийских храмов, указывавшие в том числе на законность процедуры их освящения. Поэтому в них почти всегда перечисляются имена ктиторов и консекрантов, а также точная дата. География таких надписей очень широка: например, Ордузу в Армении II (961 г.), св. Георгий в Эфесе (1019 г.), св. Николай в Мирах Ликийских (1043 г.), Вафи на Самосе (1066 г.), Челеби-Йолу во Фракии (1077 г.), Скопелос в Фессалии (1078–1081 г.), Икария (1104 г.). Подобные греческие надписи встречаются даже за пределами Византийской империи: Сенты в Алании (965 г.),

св. Феодор в абхазской Анакопии (X в.), св. Петр и Павел в сицилийской Таормине (1172 г.). Они могут быть как лапидарными, так и выполненными краской на стене церкви.

На Руси же известна только одна надпись об освящении церкви – граффито из Софии Киевской, фиксирующее ее переосвящение в 1052 г. митрополитом Ефремом после служения там Илариона Русина. Показательно, что даже у сохранившихся фресковых фигур ктиторов (в Спасо-Евфросиньевском монастыре в Полоцке, в Спасе Нередице близ Новгорода) подобных надписей нет.

Выводы. Как показывает сравнение историографических традиций, освящения храмов как феномен общественной жизни были для новокрещенной Руси важнее, чем для Византии с ее сотнями ранних и более крупных церквей. Однако литературное их оформление на Руси было намного более скудным, в том числе и в сфере богослужения, вплоть до отсутствия целых жанров (эпиграмма на освящение, строительная надпись). Впрочем, часть таких лакун может объясняться плохой сохранностью текстов (например, отсутствие слов на освящение храмов, которые несомненно произносились).

Т.В. Гимон

РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕННЫХ ПРАКТИК В ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ ПОСЛЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ: АНГЛО-САКСОНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА И РУСЬ

И в англо-саксонских королевствах, и на Руси письменная культура стала активно развиваться после – и, по-видимому, во многом вследствие – принятия христианства. Использование письма в предшествующий период зафиксировано (см., например: Франклин 2010. С. 141–143, 151–152; Hines 2019. P. 29–32, 58–59), однако данные фрагментарны и явно не свидетельствуют о его широком распространении. Наоборот, появление книгописания, школ и слоя грамотных клириков после христианизации не вызывает сомнений. Вряд ли можно сомневаться и в том, что развитие иных, кроме культовых, функций письма стало возможным как раз благодаря появлению этого слоя грамотных (см. применительно к Руси: Gippius 2012).

В настоящей работе я хотел бы сравнить начальную историю распространения внеконфессиональных письменных практик в Англии и на Руси (обоснование целесообразности компаративного исследования письменных практик см.: Каштанов 2001). За скобками останутся собственно религиозные тексты (богослужебные книги, агиография, каноническое право и т.д. – хотя и здесь, разумеется, возможно компаративное исследование). Ввиду специфики проблематики, я не касаюсь здесь также надписей на ремесленных изделиях, монетах и печатях (что касается первых двух, предварительно можно говорить о любопытных параллелях; печати же для Англии – сравнительно позднее явление).

В качестве условной отправной точки для всех государств будет рассматриваться момент принятия ими христианства (для Кента – 597 г., для Нортумбрии – 627 г., для Уэссекса – ок. 640 г., для Мерсии – 655 г., для Руси – 987 или 988 г.). Понятно, что крещение как таковое не может рассматриваться как показатель определенного уровня развития государства и общества. Однако христианизация имеет принципиальное значение для развития письменности. Поэтому систематическое сопоставление письменных практик в первый период после крещения как раз и способно продемонстрировать и общее, и различное, показать роль таких факторов как собственно знакомство с письмом как технологией, появление слоя грамотных людей, влияние церкви, запросы правителей и их окружения, наконец, развитие общества и экономики. Я начну с краткого сравнительного обзора ранних письменных текстов, а потом попробую объяснить выявленные сходства и различия.

Очень рано появляются записи законов (в Кенте – уже при короле-крестителе Этельберте; в Уэссексе – при Инне, через полвека или немногим более после крещения; на Руси – при Ярославе Мудром, возможно, в 1110-х годах). Древнейшие жалованные грамоты из Кента и Мерсии датируются 660–680-ми годами. По косвенным данным можно предполагать составление таких документов в это же время в Нортумбрии (Chaplais 1973. P. 101–103, 107; Shaw 2016. P. 413–425), а в Кенте – уже сразу после крещения, на рубеже VI–VII вв. (Chaplais 1973). Сохранившиеся древнерусские жалованные грамоты относятся к XII в., однако «Повесть временных лет» (ПВЛ) сообщает под 996 г., что Владимир издал «грамоту», гарантирующую Десятинной церкви получение десятины (воз-

можно, это древнейшее ядро «Устава Владимира» [Щапов 1972. С. 115–127]). В Англии сравнительно рано появляются документы, фиксирующие передачу церкви земель и доходов светскими лицами более низкого, чем короли, статуса (на Руси – тоже с XII в.). Другие разновидности юридических документов (включая частные акты) возникают позже. К первому столетию по крещении можно отнести, кажется, только записи решений по земельным спорам из Мерсии (первый такой документ, S 1429, датируется 736–737 гг.).

Если юридические документы демонстрируют, в целом, сходство, то с использованием письма для повседневных практических нужд дело обстоит сложнее. Благодаря берестяным грамотам мы знаем, что как минимум в Новгороде (а вероятно – и в других крупных городских центрах Руси) уже к середине XI в. письмо стало использоваться для решения двух рутинных задач: передачи сообщения на расстоянии (письмо) и записи для памяти (в ходе какой-то деятельности – хозяйственной, экономической, административной и т.д.). Для середины XI – рубежа XI–XII вв. обнаружены десятки документов этих двух видов. Кроме того, к XI в. относятся деревянные пломбы-цилиндры (часто с надписями), запечатывавшие мешки с ценностями, а также деревянная долговая бирка. В дальнейшем круг повседневных задач, решавшихся при помощи письма, еще более расширяется (см. подробнее: Гимон 2016г).

Ничего подобного в Англии не обнаружено. Сохранился целый ряд посланий церковных деятелей (включая случайно уцелевшее в пергаменном подлиннике письмо 704–705 гг.); о переписке римских пап с корреспондентами в Англии мы знаем уже с рубежа VI–VII вв. Только со второй половины IX в. у нас появляются данные о некоторых видах деловых посланий (см.: Гимон 2014. С. 20–33). С того же времени известны деловые записи (рописи, реестры), главным образом относящиеся к церковным владениям (Гимон 2015а. С. 57–72; о единственном возможном исключении – «Рописи племен» VII в. – см. ниже). О том, обменивались ли англо-саксы в более ранний период краткими деловыми посланиями, делали ли повседневные записи для памяти (подобные новгородским берестяным письмам и деловым записям), можно только гадать – равно как и о том, на каком материале такие тексты могли составляться. Некоторые

поэтические контексты вызвали к жизни гипотезу о том, что англо-саксы, подобно скандинавам в более позднее время, обменивались руническими посланиями на деревянных стержнях (см.: Garrison 1999. P. 85–88). Впрочем, таковых пока не обнаружено, а среди надписей на костях и свинцовых пластинках нет ни писем, ни деловых записей (см.: Гимон 2016в; Nines 2019).

И для англо-саксонских королевств, и для Руси характерны тексты, содержанием которых является запись важных деяний и событий. На Руси это в первую очередь летописи, основу которых, при всей синкретичности этого жанра, составляют расположенные по годам сообщения о важнейших происшествиях. Летописание в его классической форме возникает, видимо, во второй половине XI в.; первые прото-летописные записи, весьма вероятно, должны датироваться рубежом X–XI вв. и первой половиной XI в. (Назаренко 2016; Гимон 2019). Кроме того, есть немало кратких текстов, где, на манер летописных статей, сообщается об отдельных событиях или деяниях – как княжеских, так и других лиц. К первому столетию после крещения Руси относятся: некоторые граффити с середины XI в., древнейшие выходные и именные записи на книгах (с 1047 г.), Тмутараканский камень (1068 г.), Воймерицкий крест.

У англо-саксов тоже известен жанр анналов (в Нортумбрии в VIII в.; возможно существование кратких анналов в Нортумбрии и Кенте в чуть более раннее время), но только в конце IX в. В Уэссексе появляется пространная анналистика, сходная с древнерусским летописанием (см.: Гимон 2016а. С. 394–404, 410–413, 420–422, 424–425). В Англии не была столь развитой традиция оставлять записи на книгах; древнейшие аналоги именных записей относятся к VIII в. (Gameson 2001. P. 34–35, № 3, 6). В то же время есть основания говорить о развитии в англо-саксонских королевствах уже в VII в. двух эпиграфических жанров: надписей о смерти (похоронах) и о строительстве (освящении) церковей (см.: Shaw 2018. P. 193–204). Древнейшая дошедшая до нас надпись такого рода – об освящении церкви в Ярроу (Нортумбрия, 685 г.).

В целом, в обеих странах мы видим очень рано проявляющуюся (на Руси, кажется, сильнее) тенденцию к письменной записи важнейших событий, деяний правителей, а также благих деяний других лиц (таких как строительство храма, написание пергаменной книги и т.д.). Можно говорить о том, что схожие события за-

писывались в Англии и на Руси, но иногда на разных носителях. Например, многочисленные сообщения русских летописей о строительстве церквей могут быть соотнесены с рано появившейся и долго сохранявшейся традицией составления надписей о том же в англо-саксонских храмах (см. перечень: Higgitt 1979. P. 367–370). То же, кажется, можно сказать и о записях о смерти.

В обеих странах довольно рано появляются тексты, описывающие прошлое государства и династии. Эти тексты могут быть как краткими (королевские генеалогии и списки в Нортумбрии и Кенте, вероятно, составлялись уже в VII в., см.: Гимон 2016а. С. 387–394; Shaw 2018. P. 179–193; на Руси в первые 100 лет после крещения такие тексты не фиксируются), так и пространными. К последним относятся сочинения Беды Достопочтенного (Нортумбрия, первая треть VIII в.), особенно его «Церковная история народа англов», а на Руси – так называемое Древнейшее сказание, вероятный прото-летописный текст без погодной разбивки середины (?) XI в. (см. обзор проблемы: Гимон 2016б. С. 761–769, 781–784), а отчасти – и более поздние этапы летописной работы, включая ПВЛ 1110-х годов.

На Руси важнейший отдел письменности составляют граффити на стенах церквей, которые в большом количестве сохранились уже с середины XI в. – со времени строительства Софийских соборов в Киеве и Новгороде. Эти тексты многообразны, но значительную их часть составляют «автографы» (т.е. надписи, содержащие только имя либо констатирующие факт оставления таким-то надписи), а также молитвы и записи о смертях. От ранних англо-саксонских королевств подобного материала до нас не дошло, хотя отчасти с ним могут быть сопоставлены граффити с именами англо-саксов, совершавших в VII–IX вв. паломничество в Рим (Izzi 2014); также у нас есть многочисленные, хотя, в основном, относительно более поздние примеры англо-саксонских надписей такого содержания на ремесленных изделиях, свинцовых пластинках и др.

Попробую обобщить. Сходство демонстрируют те виды текстов (записи пожалований церкви, торжественные записи о событиях, раннее историописание), которые возникли в определенной сфере – сфере взаимодействия светских правителей и церкви. Церковь владела технологией – письмом, имела воз-

возможность опираться на обширную традицию составления самых разных текстов в других странах и предлагать правителям идеи относительно того, какие тексты было бы уместно составить (зафиксировать пожалования – особенно если объектом таковых была сама церковь, описать деяния правителя, историю династии и т.д.). Правители же (короли, князья, в какой-то степени, может быть, другие представители высшей аристократии), рано осознав престижность и полезность письменных практик, задавали содержание этих текстов и выступали в качестве заказчиков.

Думаю, что к этой же группе текстов можно отнести ранние записи законов («правды»). В условиях господства изустных практик *запись* законов вряд ли могла быть вызвана практическими нуждами судопроизводства. Более вероятное объяснение – внушенное церковью представление о том, что настоящий правитель должен издавать письменные законы (ср.: Wormald 1999. Р. 181–182, 196–198). Как пишет Беда, Этельберт издал законы по образцу римлян (*HE* II: 5). Если даже Беда не передает здесь аутентичную традицию (ср.: Shaw 2018. Р. 124), он выражает здесь представления англо-сакса рубежа VII–VIII вв. В случае с Этельбертом и Ине важно еще и то, что вначале их законов помещены нормы, касающиеся церкви.

Также осторожно предположу, что к этой же группе текстов относится «Роспись племен» («Tribal Hidage») – перечень подплатежных королю Мерсии общностей, составленный, скорее всего, во второй половине VII в. Чаще всего «Роспись» считают административным документом; высказывалась и мысль, что это – плод деятельности ученого монаха (см. отсылки: Гимон 2015б). Кажется вероятным, что данный текст – не что иное, как запись о могуществе короля и обширности его державы. На Руси подобных текстов не обнаружено, однако на функциональном уровне яркой аналогией являются вошедшие в состав ПВЛ перечни племен и перечисления походов, приведших к их покорению.

Важнейшие же различия касаются распространения письменных практик за пределы этой сферы взаимодействия правителей и церкви. Насколько эти различия можно отнести на счет хорошей сохранности на Руси текстов на определенных носителях (береста, церковная штукатурка)? В случае с граффити («автографами», молитвами и т.д.), возможно, дело обстоит именно так; по крайней

мере, как уже говорилось, параллели подобным текстам у англо-саксов отыскиваются. Однако в случае с повседневно-практическими функциями письма (послания и деловые записи) считаю более вероятным всё же сущностное различие. Во-первых, вряд ли случайно свидетельства того и другого в Англии появляются одновременно – во второй половине IX в. – и не раньше. Во-вторых, берестяная письменность Руси – во многом порождение городской жизни. Между тем, как считается, города возникают у англо-саксов только в X в., а до этого можно говорить лишь о разных видах протогородских поселений (эмпории, монастырские, епископские или королевские центры). Конечно, вероятность того, что в королевском управлении, купеческой практике либо церковном хозяйстве могли использоваться деловые послания и записи, существует – однако ввиду отсутствия каких-либо, даже случайно уцелевших, свидетельств говорить об этом сложно.

Литература

- Гимон Т.В.* Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2014. Вып. 1. С. 9–41.
- Гимон Т.В.* Деловые реестры в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2015. Вып. 2. С. 37–77. (а)
- Гимон Т.В.* «Роспись племен» («Tribal Hidage») и территориальная структура англо-саксонских королевств // ВЕДС-XXVII: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 65–71. (б)
- Гимон Т.В.* Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 365–438. (а)
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Там же. С. 748–800. (б)
- Гимон Т.В.* Материалы для письма в Англосаксонской Англии // Universitas historiae: Сб. ст. в честь П.Ю. Уварова. М., 2016. С. 442–450. (в)
- Гимон Т.В.* Развитие деловой письменности в Новгороде в XI–XIV вв. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 72–78. (г)
- Гимон Т.В.* Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 73–89.

- Кауштанов С.М.* К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 158–168.
- Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593–654.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // *Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender.* L., 1973. P. 88–107.
- Gameson R.* The scribe speaks? Colophons in early English manuscripts. Cambridge, 2001. (H.M. Chadwick Memorial Lectures; 12).
- Garrison M.* “Send more socks”: On mentality and the preservation context of medieval letters // *New Approaches to Medieval Communication.* Turnout, 1999. P. 69–99.
- Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus’ // *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North.* Turnhout, 2012. P. 225–250.
- Higgitt J.* The Dedication Inscription at Jarrow and its Context // *The Antiquaries Journal.* 1979. Vol. 59, N 2. P. 343–374.
- Hines J.* Practical Runic Literacy in the Late Anglo-Saxon Period: Inscriptions on Lead Sheet // *Anglo-Saxon Micro-Texts.* B.; Boston, 2019. P. 29–59.
- Izzi L.* Anglo-Saxon Underground: Early Medieval *graffiti* in the Catacombs of Rome // *England and Rome in the Early Middle Ages: Pilgrimage, Art, and Politics.* Turnhout, 2014. P. 141–177.
- Shaw R.* Bede’s sources for his references to ‘hides’ in the *Ecclesiastical History* and the *History of the Abbots* // *Historical Research.* 2016. Vol. 8. P. 412–434.
- Shaw R.* The Gregorian Mission to Kent in Bede’s *Ecclesiastical History: Methodology and Sources.* L.; N.Y., 2018.
- Wormald P.* ‘Inter Cetera Bona Genti Suae’: Law-Making and Peace-Keeping in the Earliest English Kingdoms // *Wormald P. Legal Culture in the Early Medieval West: Law as Text, Image and Experience.* L.; Rio Grande, 1999. P. 179–199.

«РУГА» В ГРАФФИТО № 9 СОФИИ КИЕВСКОЙ*

Граффито № 9 Софии Киевской процарапано на штукатурке одного из центральных столбов собора (второй от алтаря южный столб, восточная плоскость) довольно крупными буквами с малохарактерным для древнерусских граффити размахом – длина строки здесь составляет 0,45 м. Обнаруживший надпись С.А. Высоцкий сначала опубликовал только ее первую строчку (Высоцкий 1959. С. 273–275), а затем выявил еще шесть. Вторая строка примерно совпадает по длине с первой, остальные же написаны в три раза короче и несколько сдвинуты вправо. В новой публикации текст приобрел следующий вид:

д • лета кѣнажил Сватославъ
м • ца март[ѿ]ѣ днь роуга в[ѣда]на
ia • всв(----)ѣ
ениц(----)л
неделѣ въ пам -
ашъетиѣ Свато -
славѣ а(----)ѣ

Не сумев подобрать подходящую реконструкцию для третьей и четвертой строки, исследователь остальную часть надписи интерпретировал так: «...4 лета княжил Святослав. Месяца марта дене руга вдана (?)... в воскресенье: в воспоминание о том Святославе, аминь» (Высоцкий 1962. С. 153–154). Связав граффито с киевским княжением Святослава Ярославича, которое длилось с 22 марта 1073 г. по 27 декабря 1076 г., т.е. четыре года без трех месяцев, Высоцкий предположил, что «надпись была сделана по случаю вклада, внесения “руги” – платы за поминовение Святослава Ярославича» (Там же. С. 154). Без существенных изменений такое прочтение и трактовка текста были воспроизведены в первом томе корпуса киевских граффити, где был расширен комментарий о необходимости поминовения усопшего князя. С.А. Высоцкий отмечал плохую репутацию Святослава Ярославича и предположил, что запись на стене собора была сделана через несколько лет после смерти Святосла-

ва, когда враждебное отношение к почившему князю немного сгладилось, и потомкам было позволено внести вклад на помин его души (Высоцкий 1966. С. 41–45).

Центральное место в этой трактовке занимает интерпретация слова «руга» как «плат[ы], вносим[ой] в церковь на помин души, обложени[я] или побор[а] в пользу церковного причта» (Там же. С. 42). Определяя таким образом значение термина, С.А. Высоцкий ссылается на «Материалы для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочина, в которых, однако, присутствует только вторая половина указанного значения и ничего не говорится про «плату, вносимую в церковь на помин души» (Материалы для терминологического словаря. С. 307).

Термин «руга» произошел от греч. *ρόγα* или *ρόβγα* (а тот – от латинского *rogo* – ‘испрашивать’) (Фасмер 1987. С. 512). В византийских источниках он чаще всего означает регулярные выплаты из казны должностным и титулованным лицам (Анна Комнина 1996. С. 488, примеч. 384; Кекавмен 2003. С. 450; Lemerle 1967; ODB III. P. 1801; и др.). Передача такой выплаты главным образом фиксируется в отношении светских лиц (Кекавмен 2003. С. 219, 282, 292, 294, 300; Cedr. 1838. P. 751; 11839. P. 285, 505; Skyl. P. 135, 203, 206, 359, 390; и т.д.), но, например, протоспафарий и ипат Воила в своем завещании 1059 г. назначает ежегодную *ρόγα* как слугам, так и духовенству одного из храмов. А некоего Григория, как сообщает Воила, он уже поставил на должность клирика собора и назначил ему *ρόβαν και αβόναν* (Бенешевич 1907. С. 225, 229; Завещание протоспафария 1951. С. 169–173). Исходя из такой формулировки, можно предположить некоторое противопоставление в социально-экономической жизни византийцев как минимум середины XI в. термина *ρόγα*, который выражался в денежных выплатах, и *αβόνη*, т.е. натурального содержания. В словарях греческого языка все трактовки слова *ρόγα* не выходят из семантического поля различных выплат, пособий, вознаграждений и жалований (см., например: Δημητράκος 1964. Σ. 6420; Lampe 1969. P. 1217). В древнерусских текстах такое значение «руги» мы находим в основном в переводной литературе: в Житии Андрея Юродивого, у Георгия Амартола, в «Иудейской войне» Иосифа Флавия и т.д. В оригинальных древнерусских источниках данный термин

интерпретируется как денежное содержание исключительно духовенства, иногда распространяясь на всё церковное имущество (Срезневский 1912. Стб. 184–185; Фасмер 1987. С. 512; СлРЯ. Т. 22. С. 230–231; СДРЯ. 2013. Т. 10. С. 464). Отсюда и понятие «ружная церковь», т.е. «церковь, построенная на общинной земле и получающая ругу»; см., например, перечень таких церквей в новгородских источниках конца XVI в. (Запись 1856), а также 31-й вопрос 5-й главы Стоглава (Стоглав 1862. С. 71–72).

Итак, анализ множества употреблений слова *роуга/руга* в византийских и древнерусских текстах, не показывает примеров, когда бы этот термин имел значение поминального вклада. Это заставляет усомниться в справедливости устоявшейся трактовки граффито № 9 и предпринять новую попытку более полного прочтения надписи.

Группу символов в конце пятой и начале шестой строки граффито № 9 С.А. Высоцкий прочел как «въпамашье тиѣ», приписав этому немыслимому в древнерусском языке сочетанию значение «в память о том [Святославе]» (Высоцкий 1966. С. 42–43). Видимо, эта интерпретация вместе с трактовкой «руги» как какого-либо единовременного дара в пользу церкви и стала причиной общего осознания текста граффито как записи о вкладе на помин души. На поминальный характер граффито могло намекать и начало второй строки, совпадающее с распространенной формулой поминальных надписей «месяца... в... день преставися раб Божии...». Но исследование древнерусских граффити деловой тематики показало, что с «месяца... в... день» могли начинаться и надписи учетно-хозяйственного содержания (Гиппиус, Михеев 2019. С. 45–46; Дробышева 2020).

«Руга» упоминается и в двух граффити, сделанных не позднее конца XII в. в лестничной башне Софии Новгородской: «въ роугѣ осеньъ е коунъ, а весн(оу)съ коунѣ» (Медынцева 1978. С. 100) и «Аковъ пьсаль роуго[у ю]мла» (выявлено С.М. Михеевым в материалах И.А. Шляпкина, архив ИИМК). Первое граффито информирует о порядке выплаты жалования соборного причта осенью и весной («осеньсъ», «веснусь»), второе является автографом одного из клириков, обрадованного получением пособия.

Таким образом, наиболее логичной для слова «руга» в граффито № 9 будет самая распространенная для древнерусских источников, включая эпиграфические тексты, трактовка – ‘жалование церковного причта’. Иными словами, в надписи сообщается о выдаче содержания клирикам, время которого автор отметил с точностью до дня. К сожалению, указание числа во второй строке однозначно прочесть не удастся. А.А. Зализняк (2004. С. 381) предложил читать «мар^т ѿ», замечая, что «любая другая интерпретация даты, кроме ‘19’ здесь не подходит вообще (т.е. тогда пришлось бы допустить, что вместо даты писец написал абракадабу)». Похоже, что дата, первоначально записанная как «ѿ» (с фертом вместо фиты, как в киевском граффито № 7 и некоторых новгородских надписях) впоследствии подверглась намеренному искажению.

Но дата присутствует кроме того и в заключительной части надписи, где ее удается разобрать. Для конца пятой строки, где более или менее четко читаются только «в», «ь» или «ѣ» и «п», исследователи реконструировали сочетания «въ п(оминаниѣ)» (Орел, Кулик 1995. С. 129–130), «въ по[н]», т.е. в ‘в понедельник’ (Зализняк 2004. С. 281) и «въ пам(аѣ)» (Корнієнко 2014. С. 82). Надо сказать, что большинство этих прочтений навеяны представлением о поминальном характере граффито, которое, как мы теперь понимаем, не соответствует действительности.

По нашему мнению, на переносе с пятой строки на шестую читается слово «п[ри]шестіе» ‘пришествие, приход’. Строкой ниже между «в» и «ѣ» видно надписанное выше «л», поэтому следующее слово можно прочесть как «Святослав^{лѣ}» – согласованная с «пришестіе» форма И. ед. ср. притяжательного «Святославль» с заменой *e* на *ѣ* (ср. обратную замену в «лета», «неделѣ»). Окончание надписи читается таким образом: «въ п[ри]шестіе Святославлѣ а(минь)».

В конце четвертой строки прочитывается «вѣрб-», а в начале – суффикс «-ниц-» от предыдущего слова, поэтому с высокой степенью вероятности можно предположить, что руга была выдана «въ (п^л)т^лъниц(ю) вѣр[б](н^л) неделѣ». 22 марта 1073 г., день «пришествия» Святослава Ярославича на княжение в Киев, как раз приходится на пятницу Вербной недели. Написанное под титулом «а» в начале третьей строки можно трактовать как наре-

чие *първое* ‘впервые, первый раз’, а следующие две буквы – как *бе* (аорист 3 ед. от основы перфекта *бѣ*, с заменой *ѣ* на *е*). Таким образом, целиком надпись читается так:

д • лета кнѣжилъ Сватославъ
м^с • ца мар[^ѣ фї] днь роуга в[ѣда]на
а • бе в(ь па)[т]ь -
ниц(ю) в[ъ]р[ѣ](ныа)
неделѣ въ п[ри] -
шьстиѣ Свато -
слав^ъ а(минь)

Перевод: 4 года княжил Святослав. Месяца марта в 19-й день выдана руга. Первый раз это было в пятницу вербной недели, в день прихода Святослава. Аминь.

Дату во второй строке читаем согласно А.А. Зализняку, несмотря на указанные сложности в ее выделении. Дело в том, что это чтение верифицируется вторым хронологическим указанием. Если 22 марта 1073 г. было пятницей Вербной недели, то 19 марта 1076 г. – последнего из «четырех лет» Святославова княжения, пришлось на Лазареву субботу, канун Вербного воскресенья. Вероятно, руга, назначенная Святославом клиру Софийского собора непосредственно в день его «пришествия» в Киев, выплачивалась затем все годы его княжения, и выплата эта была приурочена ко дню занятия Святославом великокняжеского стола в канун Входа Господня в Иерусалим (!). Можно думать, что граффито изначально состояло из двух частей: записи о выплате руги 19 марта 1076 г. и «исторического комментария» об учреждении Святославом руги по случаю занятия им Киева. Первая строка – запись о четырехлетнем княжении Святослава – была добавлена после его смерти. Ее можно рассматривать как своеобразный эквивалент подсчету выплат руги: с первого дня княжения Святослава Ярославича она ежегодно выплачивалась до его смерти, т.е. всего 4 раза.

В предложенной интерпретации граффито № 9 оказывается весьма ценным источником, проливающим свет на характер отношений Святослава Ярославича с митрополичьим Софийским собором, о которых до настоящего времени ничего известно не было. Новое свидетельство хорошо согласуется с тем, что мы зна-

ем об отношениях Святослава с Киево-Печерским монастырем. Новый князь неоднократно пытался завоевать симпатию братии и самого Феодосия, в частности дав средства на постройку церкви в монастыре и сам участвуя в прокладке рва для ее строительства. Феодосий же поначалу обличал Святослава как узурпатора, но позже перешел к диалогу с ним, не потеряв надежды вернуть Изяслава (Житие Феодосия. С. 420–422). Известен эпизод, когда Феодосий распорядился не помянуть нового князя на службах в монастыре, но спустя время всё же добавил его имя в ектению, правда, после имени Изяслава (Там же. С. 424). Отношение клира кафедрального Софийского собора к смене власти тоже могло быть резко отрицательным, что заставило Святослава Ярославича для поддержания своего авторитета в первый же день правления распорядиться о выдаче руги духовенству.

Нельзя не вспомнить, что внук Святослава Ярославича, Святослав Ольгович, вскоре после своего вокняжения в Новгороде в 1137 г. издал устав, заменивший церковную десятину от вир и продаж фиксированной суммой в 100 гривен новых кун (Устав 1815. С. 82–85). По сути в этих двух случаях назначение регулярной руги выступает как способ преодоления оппозиции княжеской власти со стороны власти церковной. Сохранилась ли эта форма содержания духовенства после возвращения в Киев Изяслава Ярославича и существовала ли до 1073 г. – вопрос, требующий дополнительного исследования.

Примечание

* Доклад подготовлен в Институте славяноведения РАН за счет гранта Российского научного фонда № 19–18–00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования».

Источники

- Анна Комнина*. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.
- Бенешевич В.Н.* Завещание византийского боярина XI в. // ЖМНП. 1907. Ч. 9. С. 218–231.
- Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. 1997. Т. 1. С. 352–433.
- Завещание протоспафария и ипата Воилы при императоре Исааке Комнине в 1059 г. / Пер. М.В. Левченко // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 169–173.

- Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятаинах XVI в. / Сообщ. архим. Макарий // Временник ОИДР. М., 1856. Кн. 24. С. 25–32.
- Кекавмен*. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. с греч. и коммент. Г.Г. Литаврина. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003.
- Стоглав. Казань, 1862.
- Устав новгородского князя Святослава // Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1. С. 82–85.
- Georgius Cedrenus*. Compendium historiarum / Ed. I. Bekker. 2 vol. Bonn, 1838–1839.
- Ioannis Scylitzae*. Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. B.; N.Y., 1973.

Литература

- Высоцкий С.А.* Граффито XI в. в Софии Киевской // СА. 1959. № 1. С. 273–275.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. 3. С. 147–182.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.
- Дробышева М.М.* Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2020 (в печати).
- Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 233–287.
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2014. Ч. 4: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона).
- Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г.Е. Кочин; Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1937.
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- Орел В., Кулик А.* Заметки о древних киевских граффити // Археологія. 1995. № 1. С. 124–132.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3.

- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О.Н. Трубачева, с доп.; Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд. М., 1987. Т. 3.
- Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1969.
- Lemerle P.* «Roga» et rente d'État aux Xe–XIe siècles // *Revue des études byzantines*. 1967. Т. 25. P. 77–100.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I–III. N.Y.; Oxford, 1991.
- Δημητράκος Δ.* Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Αθήναι, 1964. Τ. ΙΒ.

С.А. Денисов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Покорение прусских земель братьями Тевтонского ордена в 1231–1283 гг. привело к значительному перераспределению и расширению местного земельного фонда. При сохранении права собственности Ордена на всю землю участки в Пруссии выделялись церкви (Вармийскому, Помезанскому, Самбийскому и Кульмскому диоцезам), городам и частным лицам (пруссам, литвинам и немецким колонистам). Активное распределение земель ставит вопрос о том, как определялись границы выделяемых участков. Данный вопрос практически не был рассмотрен в историографии. Большинство исследователей, касаясь организации землевладения, обращали внимание в основном на условия, размер и локацию пожалований (Voigt 1828. S. 414–443; Кирсанова 1966. С. 132–133; Jähning 1989. S. 123; Dygo 2008. S. 77–78, 102–104). Исключение составляет работа А. Печунко, который отметил активную роль землемеров в организации системы поселений в Вармии во второй половине XIII в. Однако подробно практика разделения участков была рассмотрена этим же автором применительно к более позднему периоду XIV–XVIII вв. (Pieczunko 2005. S. 3–15).

Сведения о практике определения границ содержатся в 18 орденских и церковных грамотах, пожалованных диоцезам, городам и частным лицам. Основываясь на этих документах, можно охарактеризовать ее следующим образом. Раздел земель-

ных участков производился представителем администрации – фоггом (Urkundenbuch 1891. S. 104–105, № 195). В качестве ориентиров при разделе выбирались реки, отдельно стоящие деревья, валуны, дороги, поселения и границы соседних землевладений (Preussisches Urkundenbuch 1909. S. 337–339, № 538; S. 392–393, № 619; S. 423–426, № 680; S. 440–441, № 706; Perlbach 1878. S. 4–5, № 2; Urkundenbuch 1891. S. 16–19, № 53; S. 24–29, № 58; S. 34–36, № 66; S. 42–46, № 77; S. 50–52, № 87; S. 56–57, № 96; S. 89–91, № 182; S. 98–101, № 191; Codex 1860. S. 97–101, № 56). В отдельных случаях в качестве границ выступали специальные ограждения из столбов (*paludes*), как это зафиксировано в орденской грамоте от 18 декабря 1284 г. об основании деревни Конрадсвальде. Согласно документу, столбами разграничивались сравнительно небольшие (до 1 гуффена или 20 гектаров) участки, принадлежавшие местным жителям (Preussisches Urkundenbuch 1909. S. 283, № 446).

В ряде случаев землевладельцам предоставлялась свобода в организации своих участков. Так, в грамоте, пожалованной Донговиту 23 мая 1283 г., говорится, что ленник имел право самостоятельно выбрать место, где будет расположено его владение (Ibid. S. 386–387, № 611). В другом акте, пожалованном Катце, имеется указание на то, что размер участка может быть на практике меньше, чем заявлено. В этом случае получатель имел право расширить участок за счет расположенных рядом свободных земель (Ibid. S. 486, № 782).

Перечисленные особенности свидетельствуют о довольно гибкой системе определения границ, учитывавшей местные условия. Данная система, сложившаяся во второй половине XIII в., позволила братьям ввести в оборот земельный фонд Пруссии, использование которого стало залогом экономического расцвета Ордена в последующий период.

Источники и литература

- Курсанова Т.И.* Социально-экономическое положение Тевтонского Ордена второй половины XIV – первой половины XV в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Codex Diplomaticus Warmiensis / Hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860. Bd. 1.

- Dygo M.* Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo. Warszawa, 2008. S. 53–78.
- Jähning B.* Zur Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preussen vornehmlich vom 13. bis zum frühen 15. Jahrhundert // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter. Marburg, 1989. S. 113–147.
- Perlbach M.* Quellen Beiträge zur Geschichte der Stadt Königsberg im Mittelalter. Göttingen, 1878.
- Pieczunko A.* Miernictwo i miernicy na Warmii. Szkic do dziejów limitacji pruskiej w średniowieczu i czasach nowożytnych (XIV–XVIII w.) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2005. N 1. S. 3–15.
- Preussisches Urkundenbuch. Königsberg, 1909. Bd. 1, Heft 2 / Bearb. A. Seraphim.
- Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hrsg. von C.P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig, 1891. Heft 1.
- Voigt J.* Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1828. Bd. 3.

Т.Н. Джаксон

БИТВА НА ПУСТОШИ ЛЮРСКОВСХЕДЕ (1043 г.) В ГЕРМАНСКОЙ, ДАТСКОЙ И ИСЛАНДСКОЙ ТРАДИЦИИ

Совокупная информация источников об интересующей нас битве сводится к следующему: 28 сентября 1043 г. норвежский и датский король Магнус Олавссон Добрый (1035–1047 и 1042–1047) в союзе со своим зятем (мужем сестры) Ордульфом, будущим герцогом Саксонии (1059–1072), разгромили на территории Дании огромное войско вендов; павших в бою было пятнадцать тысяч человек.

Источники, из которых мы черпаем информацию, принадлежат к трем различным традициям. Прежде всего, это хроника «Деяния архиепископов гамбургской церкви» бременского каноника Адама, чьим основным информатором был датский король Свен Эстридсен (1047–1076), написанная примерно через 30 лет после этих событий (в 1070-е годы). Датские источники (анналы и хроники за исключением труда Саксона Грамматика, начало XIII в.) вообще молчат об этой битве, лаконично говоря лишь о противостоянии Магнуса и Свена, победе Магнуса над

Свеном, бегстве последнего на Сконе и внезапной смерти Магнуса. В исландско-норвежских источниках, напротив, битва упоминается в сочинениях разных жанров (скальдических стихах, латиноязычных хрониках, сагах), от почти современных битве до записанных через два века после нее.

День сражения (28 сентября) известен из первой строфы поэмы о Магнусе Добром исландца Ода Киккинаскальда, бывшего, согласно «Перечню скальдов», скальдом Магнуса Доброго и Харальда Сурового Правителя. Авторство строфы правильно обозначено в сохранивших ее «Круге земном» Снорри Стурлусона и «Хульде», в то время как в «Книге с Плоского Острова», по которой восстанавливается лакуна в «Гнилой коже», ее атрибуция другому скальду ошибочна (Gade 2009. P. 31–34). В этой строфе говорится о двух битвах Магнуса, первая из которых – против вендов (*Vindr*) – случилась «перед мессой Микьяля» (*fyr Mikjálsmessu*). Имеется в виду праздник святого архангела Михаила, который отмечается в католической традиции 29 сентября, соответственно его канун и день битвы – 28 сентября. Эта дата сохранилась только в исландских источниках. Год называют исландские анналы: в четырех из десяти известных нам анналистических памятников, и в частности в «Королевских анналах», назван 1043 год, где в лаконичном сообщении упоминаются пять битв Магнуса: «Конунг Магнус Добрый сжег Йомсборг, и сражался он с виндами на пустоши Люрскогсхейд, а затем у него было три битвы со Свейном Ульвссоном» (IA. S. 108; ср. также: S. 17, 317, 469). Считается, что до записей, относящихся к XIV в., все исландские анналы восходят к единому архетипу, «протоанналам», значительная часть информации которых так или иначе воспроизводится в каждом тексте. В них находятся, среди прочего, параллели с датскими и шведскими анналами, а основным источником сведений по истории Норвегии явились для них исландские сочинения XII–XIII вв., и особенно королевские саги, на основании внутренней хронологии которых и вычислялись года событий (ср. указание на пять битв у Снорри в MGNkr 35). Впрочем, в анналах имеются два других года – 1042 (IA. S. 58) и 1041 (Flat 1868. Bls. 507), что может быть следствием вычислений, по-разному произведенных переписчиками анналов.

В германо-датской и исландско-норвежской традициях причины появления в Дании несметного полчища вендов различны. Так, Адам Бременский (II.79) сообщает, что «даны убили вождя склавов Ратибора», а его восемь сыновей «были истреблены данами, когда пытались отомстить за отца», так что «винулы немедленно явились со {всем} войском, чтобы отомстить за его смерть» (Адам 2012. С. 369), а Саксон Грамматик (X.22.2) утверждает, что предводителем неожиданно ворвавшихся в Данию войск склавов был один знатный человек, желавший отомстить за своих двенадцать сыновей, павших в Дании во время пиратских набегов. Западноскандинавским источникам эта версия событий не знакома, но и в них нет согласия. Теодрик Монах (гл. 24) полагает, что венды пришли, потому что у них «было в обычае регулярно грабить Данмарк, а сейчас это было удобно по причине немирья в стране». В «Обзоре саг о норвежских конунгах» (гл. 37) виновником назван Свейн (Свен Эстридсен), который, «проиграв Магнусу битву у Хельганеса, бежит в Вендланд и приводит оттуда войско» (чему противоречит основанное на строфе из флокка о Свейне Ульвссоне утверждение «Саги о Кнютлингах», гл. 22, что, как говорят некоторые люди, «Свейн Ульвссон был в этой битве с конунгом Магнусом»). Три свода королевских саг (Msk 5; Fask 49; MGHkr 29) называют причиной прихода огромного войска вендов то, что Магнус незадолго до этого захватил и пожег Йомсборг, о чем, кстати, говорится в «Драпе о Магнусе» Арнора Скальда Ярлов (ст. 8). Как можно видеть, у всех здесь свои источники: Саксон использует Адама или ту легенду, которая была источником и рассказа Адама; королевские саги в первую очередь доверяют скальдическим стихам, либо также обращаются к устной традиции.

Все три свода королевских саг (Msk 5; Fask 50; MGHkr 27) рассказывают о том, что накануне битвы Магнус увидел во сне своего отца, св. Олава, который советовал ему забыть страх и просто вступить в бой с сильно превосходящим войском вендов, пообещав быть с ним рядом в битве, а сигналом к ее началу должен послужить звон Колокола Радости, который Олав в свое время подарил церкви Клеменса в Тронхейме. Источником информации для автора «Гнилой кожи», откуда ее заимствовали автор «Красивой кожи» и Снорри, должна была послужить

скальдическая поэма Эйнара Скуласона «Солнечный луч», сочиненная им в 1152–1153 гг., в ст. 28 которой описывается, вероятно, сохраненное устной традицией чудо св. Олава, который помог своему сыну Магнусу в битве против язычников на пустоши Люрсковсхеде (*á Hlýrskógshéiði*). Любопытно, что о сне, увиденном Магнусом накануне битвы, рассказывает и Саксон Грамматик (X.22.2), однако это совсем иной сон – в нем нет чуда св. Олава, а есть некое явление и предсказание победы в случае, если Магнус поверит в смерть орла. Знамение сбывается, потому что перед самой битвой появляется орел, которого Магнусу удастся пристрелить на лету. Э. Кристиансен полагает, что Саксон использовал более раннюю версию этой легенды, в которой явившаяся во сне Магнусу фигура еще не была отождествлена со св. Олавом (Christiansen 1980. P. 213, n. 165), а Й. Ольрик предполагает норвежское происхождение легенды (Olrik 1910. P. 182).

В заключение посмотрим, как определяется в источниках место битвы.

Адам Бременский сообщает (II.79), что «винулы ... опустошили [Данию] вплоть до Рибе. Король Магнус случайно возвратился тогда из Нормании [и] пристал в Хедебю. В скором времени он собрал отовсюду полчища данов [и] встретил уходивших из Дании варваров на полях [у] Хедебю (*in campestribus Heidibae*). Говорят, что там пали XV тысяч [человек]» (Адам 2012. С. 369). Итак, венды, по Адаму, возвращаются со стороны Рибе, продвигаясь в южном направлении, и битва происходит неподалеку от Хедебю.

У скальда Тьодольва Арнорссона содержится практически та же информация: он рассказывает в ст. 6 «Флокка о Магнусе» (1044–1047 гг.), что конунг одержал победу «к югу от Скотборгар-а», что он (скальд) «слышал о жестокой схватке возле Хейдабё» и что Магнус убил несметное число вендов. *Скотборгар-а* (д.-исл. *Skotborgará*) – это река Конгео, текущая с востока на запад и впадающая в Северное море к северу от Рибе. Выражение «к югу» от реки не обязательно указывает на близость к реке; может иметься в виду то, что битва была на их обратном пути в южном направлении. А вот Арнор Скальд Ярлов в ст. 13 «Драпы о Магнусе. Хрюнхенда» (1046–1047 гг.) говорит о победе Магну-

са над вендами «возле чистой Скотборгар-а». Эйнар Скуласон веком позже назовет место битвы тем именем, которое будут использовать авторы саг и составители анналов: *Хлюрскогсхейд* (*Hlýrskógshéiðr*), но это – пустошь Хлюрскогсхейде, к западу от Хедебю (в настоящее время в Германии), и расстояние от Хедебю до Конгео – ок. 150 км. Похоже, что Тьодольв говорит о двух битвах, а Арнор и Эйнар – каждый об одной из них. Авторы саг по-своему истолковали эти известия. Так, явно не знакомый с географией Дании автор «Обзора саг о норвежских конунгах» соединяет пустошь и реку и говорит о битве «на пустоши, которая зовется Хлюрскогсхейд и которая лежит возле Скотборгар-а» (*Ágrip* 37). В «Гнилой коже» (лакуна восстановлена по «Книге с Плоского Острова») фигурирует только река: рассказывается, как в ту осень, когда конунг Магнус был на Ютландии, он получил известие, что против него собралось несметное войско вендов, что они продвигаются без остановки, уничтожая всё на своем пути. Собрав против них войско со всей Дании, конунг незамедлительно выступает против них (понятно, что войско вендов продвигается с юга, а конунг идет им навстречу) и встречается с ними «к югу от Скотборгар-а» (*Msk* 5). Тут же приводится строфа Тьодольва Арнорссона, помещающая битву «к югу от Скотборгар-а», с которой прозаический текст в этом совпадает, хотя надо подчеркнуть, что в нем отсутствует Хедебю. В «Красивой коже», напротив, нет реки и названа только пустошь (*Fask* 50). В «Круге земном» присутствуют все три географических названия: конунг собирается двинуть свою рать против вендов и пойти на юг к Хедебю, но встреча с вендами (как можно понять, быстро продвигавшимися в северном направлении) и битва происходят (как в «Обзоре») «возле Скотборгар-а на Хлюрскогсхейде» (*MGHkr* 26). Автор «Саги о Кнютлингах» еще больше «сжимает пространство», вероятно, стремясь «задействовать» все три топонима, и называет местом битвы не существующую в реальности территорию «немного к северу от Хейдабё, на пустоши Хлюрскогсхейд возле Скотборгар-а» (*Knýtll* 22). Наконец-то в королевскую сагу «проникает» Хейдабё скальда Тьодольва, а его «к югу от Скотборгар-а» превращается в «к северу от Хейдабё».

Бьярни Адальбьярнарсон (*Hkr* 1951. Bls. 42, n. 1) предложил в качестве объяснения вариант с двумя сражениями: Магнус

сначала победил вендов на пустоши Люрсковсхеде к западу от Хедебю, а потом вынудил их бежать на север в сторону реки Конгео, которая находится далеко от пустоши, и там одержал еще одну победу. Предположение о двух битвах Магнуса с вендами на территории Дании выглядит весьма вероятным. Однако зачем надо было Магнусу гнать врага вглубь датской территории? Версия Адама Бременского много логичнее: враг прошел далеко, а на возвратном пути был разгромлен в битве на полях у Хедебю. Но что же остановило его продвижение? Усталость войска, отсутствие провианта или сражение? Действительно ли «случайно» возвратившийся из Норвегии Магнус «пристал в Хедебю»? А почему не в Хальсе или Алаборге (об этих пунктах как о стоянках на пути из Норвегии нередко говорится в источниках)? И как, находясь в Хедебю, он сумел собрать «полчища данов» со всей страны, так чтобы они не вошли в военное столкновение с отступающим от Рибе противником? Принимая версию Бьярни Адальбьярнарсона о двух сражениях, я бы только изменила их последовательность: вероятнее, боевые действия в районе Конгео вынудили продвигавшихся на север по Ютландии вендов повернуть назад, а уж на пустоши Люрсковсхеде, к западу от Хедебю, венды были окончательно разбиты.

Литература

- Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.
- Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1868. B. 3.
- Gade K.E.* Oddr kikinaskáld. Poem about Magnús góði // Poetry from the Kings' Sagas 2 / K.E. Gade. Turnhout, 2009. P. 31–34.
- Íslandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888.
- Olrik J.* Studier over tilblivelsen af Saksæs værk // (Norsk) Historisk Tidsskrift. 1910. R. 8. B. 2. S. 211–263.
- Saxo Grammaticus*. Danorum Regum Heroumque Historia. Books X–XVI / E. Christiansen. Oxford, 1980. Book 1.
- Snorri Sturluson*. Heimskringla 3 / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951 (Íslenzk fornrit; 28).

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ В «СТРАТЕГИКОНЕ»
КАТАКАЛОНА КЕКАВМЕНА (1075–1078 гг.)
И В «АЛЕКСИАДЕ» АННЫ КОМНИНЫ (ок. 1144 г.)**

Византийские историко-дидактические сочинения «Стратегикон» (или «Советы и рассказы») и «Алексиада» являются типичными «частными историями» (Treadgold 2013. P. 373–377), в которых ярко выражено авторское присутствие Катакалона Кекавмена и Анны Комнины соответственно. В обоих текстах есть самые разные авторские ремарки, включая развернутые оценки описываемых событий и явлений прошлого и настоящего. В обоих текстах значительное внимание уделяется описанию личного опыта их авторов, есть указания на детали их биографий, а также истории из жизни и подробности биографий их живых родственников и покойных предков. Отметим, что оба текста сохранились в единственной рукописи. Это косвенно свидетельствует о том, что оба были адресованы узкому кругу лиц и не были известны большинству современников. Однако эти два текста отличаются друг от друга целым рядом индивидуальных стилистических особенностей, которые обусловлены разницей характеров и социального положения высокопоставленного офицера и провинциального чиновника Катакалона Кекавмена и представительницы правящей императорской семьи Комнинов Анны. Среди таких ярких различий «Стратегикона» и «Алексиады» следует прежде всего отметить разницу в способах указания на временные ориентиры, когда происходили те или иные события.

В «Стратегиконе» Кекавмена нет ни одной точной полной или просто годовой датировки. В этом тексте хронологические ориентиры преимущественно сводятся к упоминанию времени правления ромейских (римских и византийских) императоров, начиная с Октавиана Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и до Михаила VII Дуки (1071–1078). Всего названо восемь правителей Ромейской империи (Кекавмен 2003. С. 166, 168, 282, 284, 306, 308, 316). Из константинопольских патриархов назван только Иоанн Ксифилин (Там же. С. 280). Кекавмен равнодушен к хронологии. Например, он лично был очевидцем дворцового переворота 21 апреля 1042 г.:

...εἶδον γὰρ τὸν ἀποβασιλέα κύρ Μιχαὴλ τὸν γεγονότα ποτὲ καίσαρα πρῶτῃ μὲν ἡλίου ἀνίσχοντος κραταῖον ὄντα βασιλέα πρὸς τρίτην δὲ ὥραν τῆς ἡμέρας ἐλεεινὸν καὶ ἔρημον καὶ τυφλόν... (...Ведь я видел экс-василевса кира Михаила, бывшего некогда кесарем, поутру, на восходе солнца, державным василевсом, а в третьем часу дня – жалким и сирым слепцом... – *Пер. Г.Г. Литаврина* [Кекавмен 2003. С. 305–307] *с небольшими коррективами*).

Но даже тут автор не приводит точной даты. Для него важно лишь раз указать на переменчивость судьбы сильных мира сего, а не дать полноценную хроникальную запись о событии.

Напротив, дочь византийского императора Алексея I Комнина Анна в своем сочинении использует самые разные хронологические ориентиры. Она, как и Кекавмен, дает указания на время правлений разных ромейских императоров. Однако, в отличие от Кекавмена, она указывает только на императоров второй половины XI в., начиная с Романа IV Диогена (1067–1071) и вплоть до ее отца Алексея Комнина (1081–1118). Она также периодически упоминает дни религиозных праздников (Пасха, Сырное Воскресение и т.п.). Наконец, в «Алексиаде» есть 16 полных и годовых дат (они представлены в кн. II, III, IV, VI, X, XII, XII и XIV). Она называет даты смерти патриарха Иоанна Ксифилина (Alexias 2001. S. 90), рождения своей сестры, а также еще ряд датировок значимых событий внутренней и внешней политики Византийской империи. Наличие этих датировок в сочинении Анны Комнины показывает, что она достаточно широко пользовалась историческими сочинениями (о ее историческом и историософском бэкграунде см.: Любарский 2012. С. 262–279; Бибииков 1996. С. 90–94; Treadgold 2013. P. 354–386) и актами при написании своего сочинения. Так, в одном случае Анна Комнина переписывает текст договора между императором Алексеем Комнининым (1081–1118) и Бозмундом Тарентским (1054–1110), антиохийским князем и предводителем норманнского крестоносного войска, включая указанную в этом договоре дату: «...κατὰ μῆνα Σεπτέμβριον δευτέρας ἐπινεμήσεως ἔτους ἤδη διαρρυσισκομένου «σχίζ» («в сентябре месяце второго индикта в конце 6617»). – Alexias 2001. S. 422).

Сравнение двух сочинений позволяет отметить, что знания о времени правления ромейских императоров, начинания со времен становления Римской империи, были общими для всех представителей элиты Византии, составляя, видимо, важный элемент самоидентификации высокопоставленных ромеев. Знание же точных дат, даже просто указание на годы событий требовало от автора доступа к историческим хроникам или актовым материалам из канцелярий. Для дочери императора Анны это было возможно, тогда как у Кекавмена, хотя и достигшего ранга стратига Лариссы (Кекавмен 2003. С. 257, 475), возможности использовать хроникальные и актовые источники не было. Скорее всего, Кекавмен пользовался малыми византийскими хрониками как самым популярным и доступным жанром историописания (Самодурова 1967. С. 153–162).

Литература

- Бибиков М.В.* Византийская историческая проза. М., 1996.
- Кекавмен.* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003.
- Любарский Я.Н.* Алексиада – шедевр византийской литературы? // Византийские историки и писатели. М., 2012. С. 262–279.
- Самодурова М.* Малые византийские хроники и их источники // ВВ. 1967. Т. 27 (52). С. 153–162.
- Annae Comnenae Alexias* / Rec. D. R. Reinsch et A. Kambylis. В., 2001 (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 40/1).
- Treadgold W.* The Middle Byzantine Historians. N.Y., 2013.

И.А. Дружинина

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В VIII – НАЧАЛЕ XIII в.

Степень развития социально-политических отношений у населения Северо-Западного Кавказа во второй половине I – первой четверти II тыс. н.э. – одна из наименее исследованных тем в медиевистике Кавказа. При этом скудные сведения письменных источников и археологические материалы недвусмысленно свидетельствуют: историческое развитие региона проходило в условиях непосредственного влияния Византии и Хазарского каганата. И если ромейское присутствие в регионе в большей или меньшей степени определяло ход местной истории на протяже-

нии тысячелетия – с VI по XV в., то воздействие Хазарии ощущалось значительно более короткое время – со времени появления хазар в азово-черноморских степях в конце VII в. вплоть до краха каганата во второй трети X в. Тем не менее, именно этот «хазарский период» определил обособленное развитие двух соседних территорий: Северо-Восточного Причерноморья в границах исторической Зихии и Западного Закубанья, где локализуется Касахия.

Актуальным представляется компаративное рассмотрение имеющихся сведений о социально-политических отношениях на территориях исторических областей Зихия и Касахия в «хазарское» и «постхазарское» время.

В середине X в. хазарский царь Иосиф упоминает, что жители «страны Каса» платят дань каганату. Подчинение племен предгорий Закубанья хазарам должно быть отнесено уже к VIII в., на что указывает тесное взаимодействие Хазарии и Абхазии (в т.ч. военная помощь каганата абхазам в 786–787 гг.), которые не могли быть территориально связаны иначе, чем через земли Западного Закубанья (Новосельцев 1990. С. 157). Со «страной Каса» можно связать упомянутую в «Мученичестве Або Тбилели» «страну язычников» в предгорьях Закубанья, через которую ок. 782 г. проследовал от хазар в Абхазию картлийский эрисмтавар Нерсе. То, что он ехал, «безбоязненно держа путь днем и ночью», свидетельствует не только о контроле каганата над этой территорией (Виноградов 2013. С. 166), но и о наличии здесь представителей хазарской власти.

Согласно археологическим источникам, контроль над Закубаньем осуществляли расселенные по юго-западной границе каганата тюркские или угорские племена носителей обряда кремационных погребений – военизированное общество с четкой иерархией (Дружинина 2018). Привлекали ли хазары на службу местное население – вопрос открытый. Но несомненно, что инкорпорация «касахов» в это общество носителей обряда кремации ускорила процессы социальной стратификации в местной среде. Свидетельства этой инкорпорации, которая отразилась в заимствовании «касахами» элементов «престижного культурного кода» завоевателей (вооружения, деталей костюма, обрядов

и т.п.), фиксирует археология. Показательно формирование локальных вариантов обряда кремации, различавшихся по наличию отдельных признаков местных погребальных традиций. Следует отметить строгую ландшафтную приуроченность кремационных могильников, известных только в степных районах Закубанья. В предгорьях население продолжало хоронить по ингумационному обряду, при этом имеющиеся археологические материалы не позволяют сделать вывод о глубокой социальной стратификации «касахов».

Зихи с VI в. являлись объектом культурного и политического влияния Византии, самыми яркими элементами которого были учреждение Зихской епархии с центром в Никопсии, а также храмовое и крепостное строительство (Чхаидзе 2013). Немаловажно фиксируемое Ал-Мас'уди вовлечение зихов в циркум-понтийскую морскую торговлю в середине X в.

Материалы археологии не позволяют сделать вывод о значительной социальной стратификации зихов. Отсутствие в источниках упоминаний местных вождей, в равной степени как и византийских патриков, поставленных в управление Зихией (в отличие, например, от ситуации в соседней Абхазии), косвенно указывает на то, что в местной среде не сформировались условия для возникновения единой надплеменной власти. Ал-Мас'уди сообщает о том, что причиной слабости племен, проживавших к западу от алан (т.е. касахов и зихов), перед аланами «является их нежелание назначить царя, чтобы он правил ими».

В целом, свидетельства византийских и хазарских источников о существовании отдельных «стран» – Зихии в Северо-Восточном Причерноморье и Касахии или страны Каса в Закубанье – отражают, с одной стороны, тенденцию к консолидации родов и племен в рамках каждой из этих исторических областей, а с другой – их обособленное развитие, что было обусловлено не только исторической конъюнктурой (раннесредневековая история зихов проходила под знаком религиозного, политического и культурного влияния Византии и Абхазского царства, тогда как население Закубанья было зависимо от Хазарии и испытывало заметное влияние Алании), но и особенностями этногенеза племен побережья и внутренних районов Северо-Западного Кавка-

за. В связи с этим следует подчеркнуть, что весьма популярная в кавказоведческой литературе гипотеза о формировании в 60–80-х годах VIII в. адыгского государства во главе с Иналом – родоначальником адыго-кабардинских княжеских родов, источником для которой послужили «родословная князей Черкасских, составленная по кабардинским преданиям в Москве в XVII в., и кабардинская версия нартского эпоса» (Гадло 1994. С. 22–25 и др.), представляется сугубо ненаучной.

Кардинальные перемены в жизни населения Северо-Западного Кавказа связаны с крахом Хазарии. С этого времени и на протяжении XI в. история местных племен была сопряжена с историей Тмутаракани, ставшей значимым транзитным и торговым пунктом Руси. «Окняженная» территория Тмутаракани ограничивалась пределами одного из островов Таманского архипелага, на котором располагался город (Чхаидзе 2006. С. 144–146). В летописях под 965 и 1022 гг. касоги предстают как самостоятельные племена. Между тем в историографии распространилось ошибочное представление о том, что «Тмутараканское княжество» включало в себя территорию вплоть до предгорий Кавказа (Гадло 1994). Оно основано на вольной трактовке летописного сообщения об успешном походе князя Мстислава Владимировича в 1022 г. на касогов.

Ни письменные, ни археологические свидетельства не позволяют говорить о прочной зависимости какой-либо части населения Северо-Западного Кавказа от Тмутаракани: помимо 1022 г. летопись упоминает о выплате касогами дани еще только в 1066 г., что указывает на кратковременное подчинение правителями Тмутаракани отдельных касожских кланов (Чхаидзе 2012. С. 23). Попытки анализа «землевладения Редеди» и попытки сопоставления «статусов» «касожского князя» и князей черниговских и тмутараканских (Тарабанов 1997. С. 35; Голубев 2017. С. 135 и др.) представляются малообоснованными. Отнесение упоминаемого армянскими историками Степаносом Таронечи и Мецн Варданом князя Бера, «сарматского князя (X в.) на службе у абхазских Багратидов», к «адыгской племенной знати» (Голубев 2017. С. 134) или к «адыгским царям» (Тарабанов 1997.

С. 34) спекулятивно. Более чем сомнительны выводы «о раннем феодализме у адыгов в IV–XV вв.» (Кумыков 1969. С. 190).

Обращает внимание и то, что позднее середины X в. область или «страна» Касахия больше не встречается в средневековых текстах, известны только *касоги*, а название *Зихия* хоть и упоминается, но в отношении Зихской епархии, а не территориально-политической единицы.

Материалы археологии (прежде всего могильников) XI – начала XIII в. фиксируют социальное неравенство, но разница в богатстве и разнообразии инвентаря может указывать не только на социальное и имущественное расслоение, но и на степень христианизации населения. При этом источники позволяют сделать вывод о формировании в местной среде воинского сословия, обладавшего внутренней дифференциацией. Так, серия некрополей (Ленинохабль, на г. Сапун и др.) содержит воинские погребения, значительную долю которых сопровождают захоронения боевых коней и набор всаднического вооружения – индикаторы высокого социального статуса погребенных. В рамках этой группы, помимо рядовых погребений, известны отдельные комплексы (Колосовка 1, Андреевская щель), которые могут быть соотнесены с элитой воинского сословия (Армарчук 2008). При этом элитарные погребения «постхазарского» времени демонстрируют «девальвацию престижа» погребального обряда кремации.

В отличие от своих восточных и южных соседей, племена Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья так и не объединились под единой властью, не создали государства и письменности. Но именно это обстоятельство послужило главной причиной того, что монгольское завоевание здесь не имело столь катастрофических последствий, как в других регионах Северного Кавказа.

Литература

- Армарчук Е.А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // МИАСК. Ставрополь, 2008. Вып. 8. С. 788–789.
- Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 1. С. 156–176.

- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Голубев Л.Э.* Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар, 2017.
- Дружинина И.А.* Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 76–89.
- Кумыков Т.Х.* К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 189–197.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Тарабанов В.А.* Социальные отношения адыгов в X–XV вв. // Древности Кубани. Краснодар, 1997. С. 33–37.
- Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // МИАСК. Армавир, 2006. Вып. 6. С. 139–174.
- Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Сугдейский сборник. Киев, 2012. С. 251–270.
- Чхаидзе В.Н.* Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 47–68.

А.А. Евдокимова

ФОРМУЛЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НАДПИСЯХ В ПРОВИНЦИЯХ ПАЛЕСТИНА И ФИНИКИЯ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (ПО ДАННЫМ РН17)

Одна из главных формул византийских погребальных надписей в Палестине ἐνθάδε κεῖται (здесь лежит) встречается 123 раза, а ее вариация ἐνθάδε κατάκειται – 6 раз (Собата 612 г., 643 г.; Иерусалим V в., VI в.; Синай позже VI в.). Дополнение: ὁ ἀ[ναγνυ][v]όσκων εὐξετε ὑπερ Ρ.п. τῆς ὀσίας μνήμης (Иерусалим VI в.), δι' ὃν ὁ θε(ε)ὸς σωσον ἡμᾶς (Синай позже VI в.). Из них с датой в тексте 33 раза (например, из Маюмы 540 г., Газы 572 г., Иерусалима V в.). В сочетании с формулой ζήσας ἔτη из Керака встречается 44 мужских надгробия (б/д 30 раз, 398/9 г., V в., 480/1 г., 516 г., 525/6 г., 553/4 г., 577 г., 577/8 г., 582 г., 582/3 г., 596/7 г., VI в., 600/1 г., 601 г., 605 г.), 34 женских надгробия (б/д 26 раз, 476/7 г., 541/2 г., 556/7 г., 569/70 г., 582/3 г. 2 раза,

596 г., VI в.), 9 надгробий без идентификации пола (513/4 г., 556/7 г., 585 г., б/д 6 раз). Добавление даты вариативно: с ней 21 надпись, без 59, также может опускаться причастие 7. В сочетаниях с формулами: ἐκ<οι>μήθη + дата (Иерусалим VII в.), κοιμηθῆσα ἐν ἱρήνῃ (орфография везде сохраняется) + дата (Иерусалим 518 г.), κυ[μηθεῖσα] + дата (Аскалон б/д), ἀνέλαε + дата (Биросаба 543 г., 588 г., б/д), ΝΕΟΣ ΕΙΜΙ (Керак б/д), [θήκη] διαφ(έ)ρ(ουσα) (Иерусалим IV–V вв.), ἐχώρησεν ἐτῶν (Биросаба б/д), κατε]τέθη + дата (Биросаба б/д, 547/562 г.), στίλη + Им.п. (Керак б/д), ζήσας [ἔτη, τελευ]τήσας] + дата (Керак б/д, 661 г.), διατρίψας ἐν τῷδε τῷ βίῳ ἔτη καὶ εἰς τοὺς ἀναφραστοὺς βίου μετέστη + дата (Собата 612 г.), ἀνῆλθ]εν δὲ εἰς οὐ(ρα)νὸν + дата (Иерусалим 592 г.). Дополнение: ἀνάθεμα δὲ ἔστω ἀπὸ τοῦ Π(ατ)ρ(ὸ)ς κ(αὶ) τοῦ Υἱοῦ κ(αὶ) τοῦ Ἁγίου Πν(εύματο)ς πᾶς ἀνύγων τὸ μνημα τοῦτο, ἐπειδὴ γέμει (Биросаба 588 г.). В то время как в Финикии ἐνθάδε кείται со всеми вариациями она встречается только 7 раз, из них с датой в тексте дважды (Тир б/д, Эмеса 494/5 г.). В сочетаниях с формулами: Χριστὲ ἐ[λ]ήσῃσον καὶ φῖσε + [ἔτε]λιώθη + дата (Эмеса 494/5 г.), дата + ζήσασα ἔτη (Сидон 564 г.), ἀνεπάει Им.п. + дата (Тир б/д), ἀναπαυσάμενος + дата (Тир 440 г., IV в.). Дополнение: ὃς ἂν τις τολμῆ ἐναντ[ιον] τὴν σορὸν μάλιστα... ἐκ τῶν νόμων κεκώλυται οὐδὲν δὲ ἤττον εἴσοισι τῷ ἱερωτάτῳ ταμίῳ (δηνάρια) μύρια (Тир IV в.).

В Палестине с глаголом ἀναπαύω (упокоиться) в разных формах 46 раз: ἀνεπάη (Халаса б/д, Эбода ран. виз., Нессана 614/5 г., б/д, Рухайбех б/д). ἀναπαύη + В.п. (Биросаба VI в.) в сочетании с формулами: ἔσβεσεν ἐν νεότητι + кείται + ἀφῆκεν. + дата. ἀνεπάη + дата (Биросаба 564 г., 570 г., 547 г., VI в. 2 раза, 613 г., 771 г., б/д 2 раза, Рухайбех б/д, Негев 588 г., Собата 646 г. 2 раза, 679 г., Нессана 605 г., Халаса б/д 3 раза, Газа 540 г., 547 г., Эбода 541 г., 577 г., 589/90 г., 618 г., Иерусалим V в., Скифополис 567 г.). Дополнение: [ἀνάθεμα] δὲ ἐστὶν ἕκασ[τος] ὃς τοῦτ[ον] τὸν τάφον [ἀνοιγεῖ, ἐπε]ὶ γὰρ γέμει καὶ [οὐκ ἔτι χωρεῖ] ἄλλον τινά (Биросаба 564 г., 570 г.). В сочетаниях с формулами: ὑπὲρ μνή(μης) καὶ ἀναπαύσεως Р.п. (Иерусалим V в.), ἐνθάδε κατετέθη + дата (Маюма б/д, 540 г., Эбода 577 г.), ἐτάφη δὲ ἐν τῷ μαρτυρίῳ + Р.п. (Эбода 541 г.), ἐκῖ кείτε + τοῦ

μνημίου ἔχων κρικεῖα + ἔνθα κατέθεικα + В.п. (Скифополис 567 г.), κα[ταλεί]πων + ἐν[θά]δε παραγένετ[ο] + ἐκ τῶν αὐτοῦ μόχθων (Газа 540 г.). А также вариации: [ἀνεπάη ἐν Κ(υρίῳ)]+Им.п. + дата (Иерусалим 647 г., Биросаба 605 г.), ἀνεπά[η] ἐν Χριστῷ (Керак б/д). В сочетаниях: ἐτῶν + кῆτι ἔνθα (Керак б/д), ἀνήπαη ἐν ἀγίοις ἀναπαύμενος + Им.п. + дата (Собата 639 г., 643 г.), ἀνάπαυσον + В.п. (Маюма б/д, 540 г., Скифополис сер. VI в., Керак б/д). В сочетаниях с формулами: ἐνθάδε κατετέθη + дата (Маюма б/д, 540 г.), ἐλέησον В.п. + εὐχαῖς πάντων τῶν ἀγίων (Скифополис сер. VI в.), ζήσας ἔτ(η) (Керак б/д), ἀνάπαυσον τὴν ψυχὴν + Р.п. (Керак 569/70 г., 595/6 г., 634 г., Синай 548–565 гг., Эбода 581 г.). В сочетаниях с формулами: ζ[ή]σ[α]ς ἔт(η) + дата (Керак 569/70 г., 595/6 г.), ζήσας ἔτι ἀνεπάи + дата (Керак 634 г.), σῶσον κ(αἰ) ἐλέησον + В.п. (Синай 548–565 гг.), ἀνεπάη + дата + κατετέθη δὲ ἐνταῦθα + дата + μετὰ τῶν ἀγίων σου (Эбода 581 г.). Дополнение: Κ(ύρι)ε ὁ θε(ο)ς, ὁ ὄφθεις ἐν τῷ τόλῳ τούτῳ (Синай 548–565 гг.) [ἐν]θα [ἀν]επάи + Им.п. + ζήсας ἔт[η] (Керак б/д). χαῖρε Им.п. + κατ[απα]ύσει ἐν εἰ[ρήν]η (без места и б/д). В Финикии с глаголом ἀνεπαύω в разных формах 11 раз, с указанием даты в тексте (Эмеса 490 г., 459 г., 474 г., 471 г., 514 г., VII в., Тир 609 г., Сидон б/д), без – в форме ἀνάπαυσον + В.п. (Тир б/д 3 раза). В сочетаниях с ἐκοιμήθη+ дата (Сидон б/д).

В Палестине с глаголом ἐτελεύτησεν (скончался) 16 раз, из них с датой в тексте 11 (Нессана 541 г., 555 г., 570 г., 584 г., 592 г., 624 г., б/д 2 раза, Керак 506 г., б/д, Эбода 550 г.), без него недатированные 4 раза из Нессаны и одна из Керака. В сочетаниях с другими формулами: ἔζησεν ἔт(η) (Эбода 550 г.), ζήсас(α) ἔт(η) (Керак 506 г.), ἐтῶν (Керак б/д), ὑπὲρ τελίας μνή(μης) + ἐтῶν (Нессана б/д). Из Финикии без даты из Тира ἐκτελέсασα и ἐτελώθη + дата (Эмеса 495/6 г.), сочетающеся с ἐλέεи Χριστοῦ + ἐνθά[δε παρε][τέθ]η + Д.п.

В Палестине с глаголом κατετήθη (похоронил) + дата 11 случаев (Нессана 475 г., 589 г., 592 г., 630 г., б/д, Газа 723 г., 730 г., 723–730 гг., Биросаба 518 г., Сбайта б/д, 581 г., Собата 582 г.). В сочетании с формулами: ὁ θε(ο)ς ἀναπαύη + В.п. (Сбайта 581 г.), ἐтῶν ἀνάπαυσον + В.п. (Собата 582 г.). Вариация κατετέθη ἐν Χριστῷ + дата сочетается с формулами: ὁ ἐν ἀγίοις

ἀναπαύομενος + ὁ Κύριος τῆς δόξης В.п. ἀναπαύσι (Собата 630 г.). Другой вариант ἐνθάδε κατετέθη Им.п.+дата 10 раз (Собата 597 г., 608 г., 614 г., 618 г., 595 г., Газа 562 г., Маюма 510 г., 538 г., Биросаба б/д, 564 г.). В сочетаниях с формулами: Χ(ριστ)έ, ἀνάπαυσ(ον) (Собата 618 г.), κατ(ε)τήθη + Им.п.+ дата (Собата 595 г., Газа 562 г.), ἐτέλεσεν τὸν δρόμον + δουλεύс(ας) τῆ ἐκκληс(ία) ἐν Χ(ριστ)ῶ (Собата 614 г.), ἐνταῦθα κεῖт(αι) Им.п. ἀναπαεῖс + дата (Биросаба 564 г.). Дополнения: τοῦ δὲ Χ(ριστο)ῦ βασιλί(α) τιμῆ καὶ τὸ κράτος τοῦс ἀξιουс ἡαυτοῦ (Нессана б/д), τῶ δὲ Π(ατ)ρι καὶ Υἱῶ καὶ Ἀγίῶ Πν(εύματ)ι ὃ ἡ δόξα εἰс τοῦс αἰῶνας ᾧ τν αἰῶνων· ἀμήν (Нессана 475 г.). В Финикии всего один случай каτετέθη + дата (Тир 376 г.) в сочетании с формулами: εὐμύρι+οῦδιс ἀθάνατοс. Из Эмеса 495/6 г. ἐνθά[δε παρε][τέθ]η + Д.п. в сочетании с Χριστέ, ἐλέηсо[v кὲ] [φῖс]ε + ἐτελιώθη.

Формула с глаголом ἐκοιμήθη (почил) + дата встречается только в Палестине, дважды (Нессана 560 г., Иерусалим IV в.), как и с глаголом ἐτάφη (похоронил) (Иерусалим VIII–IX вв. 2 раза). Формула ζήсασ εἶτη (прожив лет) 13 раз и все из Керака, из них в мужских погребениях 8 раз (б/д 3 раза, 555/6 г., 598/9 г., 601/2 г., VI в., VII в.), в женских 5 (б/д 3 раза, 511/2 г., 555/6 г.).

Среди формул с существительными для Палестины лидирует θήκη 36 раз, а для Финикии θήκη – 3, зато его аналог θεσίδιν встречается 5 раз. Все эти надписи из Тира и недатированы. Используются две классические формулы: 1) θηκῆ + Р.п. (для Палестины 16 раз: Кесарея б/д 9 раз, Иерусалим V в. 2 раза, V–VI вв. 2 раза, VI в.; в Финикии 2 надписи б/д) или В.п. (Иерусалим V в.) или без падежа (Кесария б/д, Иерусалим V в.) и 2) θήκη διαφέρουσα + Р.п. (Иерусалим V в. 3 раза, VI в. 4 раза и из Финикии: Тир б/д) или Д.п. (Иерусалим V в. 2 раза, VI в., VIII в., VIII–IX вв.) или В.п. + Р.п. (Иерусалим V в.) и без падежа (Иерусалим V в. 3 раза). Дополнение: τοῦтoν μὴ ἀν[α][τ]αφῆναι ἕτερο[v] (Иерусалим V в.). Сочетания с другими формулами: [ἀγ]ωράсης κατὰ (Иерусалим V в.). ἐκατετέθη + дата (Газа 504 г.), ἐк βίου (Иерусалим V в.), ὑπὲρ ᾧ про(сеύχε)т(ε) (Иерусалим VI в.). Для θεσίδιν в Финикии также две формулы: θεσίδιν + Р.п. (Тир б/д 2 раза) и θεσίδιν διαφέροντα + Р.п. (Тир б/д 3 раза). А в Палестине одна без даты из Кесарии θέсис + Р.п.

18 надписей из Палестины используют в качестве ядра существительное $\mu\eta\eta\mu\alpha$ в значении памятник, в Финикии 9 надписей. В двух вариациях: $\mu\eta\eta\mu\alpha$ + Р.п. (Иерусалим IV–V вв., V в. 2 раза, V–VI вв., VI в. 6 раз, VII в.) и $\mu\eta\eta\mu\alpha$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ + Р.п. (Иерусалим V в., VI в. 3 раза) или $\mu\eta\eta\mu\alpha$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ + Д.п. (Иерусалим VI в.), $\mu\eta\eta\mu\eta$ (Иерусалим V в.). Дополнение: $\kappa\alpha\iota$ $\pi\alpha\rho\alpha\kappa\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu$, $\dot{\iota}\nu\alpha$ $\mu\grave{\eta}$ $\acute{\epsilon}\pi\acute{\alpha}\nu\omega$ $\eta\mu\acute{\omega}\nu$ $\theta\acute{\epsilon}\tau\epsilon$ $\tau\acute{\iota}\nu\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\kappa\rho\dot{\iota}\langle\mu\rangle\alpha$ $\lambda\acute{\alpha}\beta(\epsilon\tau\epsilon)$ $\theta(\epsilon)\acute{\omicron}\varsigma$ $\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ (Иерусалим VI в.), $\delta\grave{\eta}\gamma[\acute{\omicron}]ρ\alpha\sigma\alpha\nu$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\tilde{\omega}$ $\pi\acute{\upsilon}\rho\gamma\omega$ $\Delta\alpha(\omicron\upsilon\dot{\iota})\delta$ (Иерусалим VI в.). В Финикии первая группа формул: $\mu\eta\eta\mu\alpha$ + Р.п. (Тир б/д 2 раза), $\mu\eta\eta\mu\alpha$ + Р.п. + дата (Саламия б/д), вторая группа формул: $\mu\eta\eta\mu\alpha$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho(\omicron\nu)$ + Р.п. (Тир б/д 6 раз), $\mu\eta\eta\mu\alpha$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ + Д.п. (Тир б/д). В сочетаниях с формулами: с первой группой $\mu\alpha\rho\mu\acute{\alpha}\rho\iota\nu\omicron\nu$ (Тир б/д), $\lambda\iota\psi\acute{\alpha}\nu\omega[v]$ (Тир б/д), со второй группой $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\upsilon\sigma\omicron\nu$ + В.п. (Тир б/д), $\acute{\alpha}\nu\alpha\pi\alpha\omicron\upsilon\sigma\alpha\varsigma$ (Тир б/д). В Палестине $\mu\eta\eta\mu\acute{\iota}\omicron\nu$ 7 раз, из которых $\mu\eta\eta\mu\acute{\iota}\omicron\nu$ + Р.п. (Иерусалим V в., Нессана 541 г. 2 раза, Керак б/д), $\mu\eta\eta\mu\acute{\iota}\omicron\nu$ + В.п. (Нессана 541 г., Созуса б/д). В сочетаниях с формулами: $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\epsilon\sigma\epsilon\nu$ + дата (Нессана 541 г. 2 раза), $[\zeta]\eta\sigma\acute{\alpha}\sigma\alpha$ $\acute{\epsilon}\tau[\eta]$ (Керак б/д), $\acute{\epsilon}\langle\pi\rangle\omicron\acute{\iota}\eta\sigma\epsilon\nu$ + В.п. (Созуса б/д). Дополнение: $\acute{\epsilon}\dot{\iota}\varsigma$ $\theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ $\acute{\omicron}$ $\zeta\tilde{\omega}\nu$ (Созуса б/д). $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\theta\eta\grave{\nu}\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\omicron\delta\epsilon$ $\tau\acute{\omicron}$ $\mu\eta\eta\mu\acute{\iota}\omega$ (Скифополис сер. VI в.) сочетается с $[\acute{\epsilon}\kappa\dot{\iota}]$ $\kappa\acute{\iota}\tau\epsilon$ и $\theta\acute{\alpha}\lambda\pi\tau\epsilon\iota$. Существительное $\mu\eta\mu\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\nu$ встречается в Палестине 3 раза, в Финикии 2 раза: $\mu(\eta)\mu\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\nu$ + Р.п. (Иерусалим IV в.), $[\mu\eta]\mu\acute{\omicron}\rho\iota[omicron\nu]$ (Кесария б/д), $[\mu]\eta\mu\acute{\omicron}\rho\iota\omicron[v]$ + Р.п. + $\acute{\epsilon}\lambda\omicron\acute{\iota}[η]σ\epsilon$ (Кесария б/д), $\mu\eta\mu\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\nu$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ + Р.п. (Тир б/д 2 раза).

Надписей со словом $\tau\acute{\omicron}\pi\omicron\varsigma$ в Палестине две из Иерусалима V в. и VI в., а в Финикии они встречаются 26 раз. Используется в следующих формулах: $\tau\acute{\omicron}\pi\omicron\varsigma$ + Р.п. (Тир б/д, 21 раз, Тартус б/д, Дакуе VI в.) и $\tau\acute{\omicron}\pi\omicron\varsigma$ $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ + Р.п. (Тир б/д 2 раза). В сочетаниях с формулами: $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\iota\acute{\omega}\theta\epsilon$ + дата (Дакуе VI в.), а дополнение: $\theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ $\acute{\alpha}\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\kappa\delta\iota\kappa\acute{\eta}\eta$ $\tau[α\upsilon\tau\alpha$ $\tau\acute{\alpha}]$ $\mu\upsilon\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\dot{\iota}\langle\delta\rangle\eta$ $\tau\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\dot{\iota}\kappa\omicron\sigma\epsilon\iota$ $\lambda\acute{\iota}\psi\alpha\nu\alpha$ $\tau\tilde{\omega}\nu$ $\acute{\omicron}\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ $\tau\tilde{\omega}\nu$ $\kappa\lambda\alpha\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\nu$ $\tau\tilde{\omega}\nu$ $\acute{\omicron}\nu\tau\omega\nu$ $\acute{\omega}\delta\epsilon$, $\acute{\omicron}$ $\tau\iota$ $\omicron\upsilon\delta\epsilon\iota\varsigma$ $\omicron\dot{\iota}\delta\epsilon\nu$ $\pi\omicron\iota\acute{\eta}\sigma\epsilon\iota\nu$ $\acute{\epsilon}\dot{\iota}$ $\mu\grave{\eta}$ $\mu\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ $\theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\langle\mu\rangle\acute{\eta}\tau\iota\varsigma$ $\tau\tilde{\omega}\nu$ $\lambda\epsilon\kappa\tau\iota\kappa\alpha\dot{\rho}\acute{\iota}\omega\nu$, $\delta\iota\acute{\alpha}$ $\tau\acute{\alpha}$ $\gamma\epsilon\nu\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\alpha$ $\delta\iota'$ $\upsilon\mu\alpha\varsigma$ $\acute{\omega}\delta\epsilon$, $\acute{\epsilon}\pi\iota\chi\eta\rho\acute{\eta}\eta$ $\acute{\alpha}\nu\delta\acute{\xi}\alpha\iota$ $\tau\acute{\omicron}\pi\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$ $\text{Ζ}\acute{\eta}\nu\omega\nu\omicron\varsigma$ (Тир б/д). В Палестине в сочетании с формулами: $\delta\omicron\varsigma$ $\tau\acute{\alpha}$ $\text{X}(\rho\iota\sigma)\tau[\tilde{\omega}]$ $\acute{\omega}\phi[\acute{\epsilon}\lambda\eta\mu\alpha\tau\alpha]$ + $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon$, $\mu\eta\eta\sigma\theta\eta\tau\iota$ + Р.п. (Иерусалим V в.).

Только в Палестине встречаются: $\sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta$ + Р.п. 9 раз (Керак 583/4 г., Керак 600/1 г., Керак б/д 7 раз) и все они в сочетании с формулой $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\tau\eta$. Одна из надписей с $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ Им.п. (б/д). $\sigma\eta\mu\alpha$ 4 раза из Керака, из них $\sigma\eta\mu\alpha$ + Р.п. (б/д), $\sigma\eta\mu\alpha$ + Р.п. $\acute{\epsilon}\tau\omega\nu$ (б/д 2 раза) и $\sigma\eta\mu\alpha$ + Р.п. + $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma\langle\nu\rangle \acute{\epsilon}\tau\eta$ (449/50 г.). Также без даты из Керака: $[\tau\acute{\alpha}]φο[\varsigma]$ + Р.п. + $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma$ [$\acute{\epsilon}\tau\eta$] (2 раза), $[\tau\acute{\upsilon}]μβος \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$ + $\acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\omega\nu$. Только в Финикии $\sigmaο\rho\delta\varsigma/\sigma\acute{o}\rho\iota\nu$ (гроб) 48 раз, все из Тира без даты в формулах: $\sigmaο\rho\delta\varsigma$ + Р.п. (3 раза), $\sigma\acute{o}\rho\iota\nu$ + Р.п. (12 раз), $\sigma\acute{o}\rho\iota\nu$ + Д.п. В сочетаниях: $\epsilon\acute{\iota}\kappa\eta\acute{\iota}$ · $\sigma\acute{o}\delta\upsilon\nu\eta \acute{\alpha}\nu\upsilon\zeta\epsilon$, $\tau\acute{o}\lambdaο\varsigma \Pi\iota\sigma\tau\acute{\omega}\nu$ (2 раза). В вариациях формул: $\sigmaο\rho\delta\varsigma \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rhoο\nu\tau[\alpha]$ + Р.п. (23 раза), $\sigma\acute{o}\rho\iota\nu \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rhoο\nu\tau\alpha$ + Р.п. (5 раз), $\sigmaο\rho\delta\varsigma \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rhoο\upsilon\sigma\alpha$ + Д.п. (4 раза). В сочетаниях: $\acute{\epsilon}\deltaο\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\tauο$, Р.п. + $\delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rhoο\upsilon\sigma\alpha$ ή $\sigmaω\rho\delta\varsigma$ + $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\rho\alpha\sigma\alpha$ + $\sigma\acute{o}\rho\iota\nu \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rhoο\nu\tau\alpha$ + Р.п. + $\sigmaο\rho\delta\varsigma \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ + Д.п., $\sigma\acute{o}\rho\iota\nu \upsilon\piο\kappa\acute{\iota}\mu\epsilon\nuο\nu$ + Р.п. Также только в Финикии встречаются следующие формулы: $\langle\kappa\rangle\upsilon\mu\langle\eta\rangle[\tau\acute{\eta}\rho\iota]ο[\nu$ + Р.п. (Хирбет-Эт-тин б/д), $\mu\acute{\alpha}\kappa\rho\iota\alpha \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}(\rhoο\nu\tau\alpha)$ + Р.п. (Тир б/д, 2 раза), $\sigma\acute{\iota}\kappa\iota\nu$ + Р.п. (Тир б/д).

Формулы с $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}(\delta\epsilon)$: $\kappa\epsilon\kappa\iota\mu\eta\langle\mu\rangle\acute{\epsilon}\nuο\nu$ [$\acute{\epsilon}\nu$]θα (Эмеса б/д), $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \langle\tau\acute{\epsilon}\rangle\theta[\epsilon\iota]\tau\epsilon$ + $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma\alpha \acute{\epsilon}\tau\eta$ (Керак б/д), $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon$ + $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\tau(\eta)$ (Керак б/д), $\acute{o}\sigma\tau\acute{\alpha}$ + Р.п. $\acute{\epsilon}\nu(\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon) \sigma\acute{\upsilon}\nu$ (Кесария б/д). Другие единичные случаи: $\kappa\lambda\acute{\alpha}\upsilon\sigma\alpha\tau\acute{\eta} \mu\eta \kappa\lambda\acute{\alpha}\upsilon\sigma\alpha\tau\acute{\eta} \muο\iota \acute{\epsilon}\tau\omega\nu$ + Р.п. + дата (Нессана б/д), $\kappa\eta\delta\epsilon\nu[\theta][\acute{\epsilon}\iota\sigma]\langle\alpha\rangle \acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\omega\nu$ [$\acute{\epsilon}\nu$] $\gamma\eta$ (Керак б/д).

Таким образом, наиболее распространенными в Палестине оказываются глагольные формулы, среди них $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\acute{\epsilon}\iota\tau\alpha\iota$ с вариациями (IV–VII вв.), $\kappa\alpha\tau\epsilon\tau\acute{\eta}\theta\eta$ + дата (V–VIII вв.), $\acute{\epsilon}\kappaο\iota\mu\acute{\eta}\theta\eta$ + дата (IV–VI вв.), $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\sigma\epsilon\nu$ (VI–VII вв.) и с глаголом $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\acute{\alpha}\upsilon\omega$ (V–VIII вв.), а в Финикии также с глаголом $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\acute{\alpha}\upsilon\omega$ в V–VII вв. и $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\acute{\epsilon}\iota\tau\alpha\iota$ в IV–VI вв. Использование погребальных формул с существительными и выбор самих существительных тесно связан с погребальными традициями в этом регионе. Так, для Палестины оказываются частотными $\theta\acute{\eta}\kappa\eta$, $\mu\upsilon\eta\mu\alpha$ и $\sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta$, а для Финикии $\sigmaο\rho\delta\varsigma$, $\tau\acute{o}\lambdaο\varsigma$ и $\mu\upsilon\eta\mu\alpha$. Для Палестины характерна дополнительная формула $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\tau\eta$. И в обеих провинциях встречаются разные вариации предупреждений вскрывающим чужие могилы.

**ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ПРАКТИКИ РИМЛЯН И ВАРВАРОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в.**

Римляне издревле контактировали с другими народами, которых они по греческому образцу называли варварами, постепенно подчиняя их своему влиянию и власти. Интенсивность этих контактов не ослабевает и во времена поздней Римской империи, а что касается подчинения – здесь ситуация изменяется. Посмотреть, каким образом данный процесс отразился на оформлении власти – главным образом, в варварской среде – и дипломатической практике с обеих сторон, – задача данного доклада.

Ко второй половине IV в. внешние атрибуты императорской власти давно сложились, начав формироваться с развитой титулатуры во времена Октавиана Августа (Егоров 2017. С. 105), они были дополнены диадемой, расшитыми золотом одеждами и регалиями Диоклетианом (Херрин 2018. С. 49). Пышная титулатура (Amm. Marc. XVII. 5.10; 13.25; XXVII.6.16) и особые знаки власти римских императоров многократно упоминаются в «Деяниях» Аммиана Марцеллина. Среди них указываются пурпурные одеяния (Ibid. XXI.9.8; XXII.9.11; XXV.5.5; XXVI.2.3; XXVI.4.3; XXX.10.5), диадема (Ibid. XX.4.17; XXI.1.4; XXVI.4.3), держава (Ibid. XXI.14.1; XXV.10.2) и прочие отличия императорского сана (Ibid. XXXI.12.10).

В V в. наряду с сохранением всех названных черт еще большее развитие, чем в IV в. (Ibid. XVI.10.1–12; XXI.5.10; XXII.7.1; XXVI.4.3; XXVII.6.5; 10–11), получают церемониальные действия (Херрин 2018. С. 51), и особенное значение приобретает обожествление властителя (Amm. Marc. XXII.9.14; Prisc. Pan. Fr. 11.2), которое осмыслиется Приском Панийским как внешний атрибут величия империи (Удальцова 1974. С. 131; Курбатов 1984. С. 112).

Ничем подобным предводители варваров в IV в. не обладают. Может быть, единственное внешнее выражение их вла-

стных полномочий заключается в устройстве пиров для приближенных и союзников (Amm. Marc. XVIII.2.13), что свойственно и римлянам (Ibid. XXIX.6.5; XXX.1.19). Сближает тех и других окружение из знатнейших людей, которые считают службу носителям власти почетной (Ibid. XVI.12.26; XVII.12.12; XVIII.2.13; XXXI.3.5; 5.6; разумеется, штат римских императоров был несравним с варварским. – Ibid. XIV.10.10; XXI.6.1; XXII.4.1; 9.16; XXVI.2.11; Prisc. Pan. Fr. 11.1); то, что и вожди племен, как и императоры, были главнокомандующими своих войск; и дипломатия была их прерогативой.

Внешние признаки власти Атиллы существенно отличаются от варваров предшествующего периода. Жилища вождя гуннов и его главной жены Приск называет дворцами и описывает их роскошное убранство (Prisc. Pan. Fr. 11.2). Никто не смеет ставить шатер выше шатра Атиллы или иметь дом выше его дома (Ibid. Fr. 11.2). Въезды верховного гунна в селения сопровождаются довольно сложными церемониями (Ibid. Fr. 11.2). Пир в его дворце строго иерархичен (Ibid. Fr. 11.2). Атиллу окружают многочисленные родственники и самые знатные гунны, которые сочетают функции почетной охраны своего повелителя с делами по управлению подвластными племенами (Ibid. Fr. 11.1; 2). Его приближенные разделены на определенные ранги (Ibid. Fr. 11.2). Подчиненные Атиллы льстиво сравнивают его с божеством (Ibid. Fr. 11.2). Умелое использование подобного сравнения некоторым из них спасает жизнь (Ibid. Fr. 11.2).

На протяжении указанного периода заметна серьезная динамика в дипломатической сфере. Обычно варвары, которых в результате военных действий вынуждали подчиниться (Amm. Marc. XX.10.2; XXVIII.5.4; XXX.6.1; XXXI.9.4; 10.17), должны были явиться на римскую территорию для утверждения мира (Ibid. XVII.13.5; XIX.11.6; XX.11.1). Личные встречи римских императоров с врагом на границе были невыгодны для их престижа и отражали их затруднительное положение (Peretz 2006. P. 466). Такого рода ситуации свидетельствуют о тесной связи военных и дипломатических функций императоров и их персо-

нальной ответственности за внешнюю политику (Millar 1982. P. 15, 23).

Но уже во второй половине IV в. им приходится иногда отступать от давно устоявшихся традиций и правил, с помощью которых оформлялись отношения с соседними народами. Если раньше варвары в страхе приходили молить о мире (Amm. Marc. XVIII.2.15: «*venerant pacem anxiiis animis precaturi*»), то теперь в сложных и опасных ситуациях римские императоры или вели переговоры, находясь на середине реки, или сами переправлялись на противоположный берег. Первым это вынужден был сделать Юлиан в 357 г. во время борьбы с хамавами (Eun. Fr. 18. 6), затем – Валент в 369 г. в конфликте с тервингами (Amm. Marc. XXVII.5.9), а Валентиниан в 374 г. – с аламаннами (Ibid. XXX.3.5). Евнапий оправдывает действия Юлиана тем, что предлагаемый хамавами договор был «благовидный и необходимый, потому что против воли хамавов невозможно перевозить съестные припасы с Вреттанского острова в римские крепости. Эта нужда заставила Юлиана даровать им мир, для верного хранения которого он требовал от них заложников» (Eun. Ibid.). Валент избрал такой способ переговоров, т.к. Атанарих «заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступить на римскую землю и нельзя было его заставить, а императору было непочетно переходить к нему, то решено было, что они встретятся на гребных судах на середине реки» (Amm. Marc. XXVII.5.9). Фемистий очень цветисто пытается представить это решение Валента как чрезвычайно благородный поступок. Но даже красочные сравнения с героями древности, Агамемноном и Ксерксом (Them. Or. X.133c – 134a) не могут скрыть того обстоятельства, что Валент вынужден был согласиться с условиями Атанариха.

В первой половине V в. обстоятельства уже заставляли императора Феодосия II посылать многочисленные посольства далеко вглубь вражеской территории (Prisc. Pan. Fr. 2; 6; 9.1–3; 11.1–2).

Если давним обязательством варварских племен при заключении договора была выдача римлянам заложников (Amm. Marc. XVII.12.16; 21; XXV.7.13; XXVIII.2.6; XXIX.5.15; 16), то перед Адрианопольской битвой сами римляне готовы были дать за-

ложника готам (Ibid. XXXI.12.14), а в отношениях с гуннами о таком способе сохранения мира не могло быть и речи. В IV в. возврат варварами римских пленных без выкупа был неизменным условием переговорного процесса (Ibid. XVII.12.20; XVIII.2.19), в V же веке их приходилось выкупать (Prisc. Pan. Fr. 11.2; 15.1), а римлянам – выполнять бесчисленное количество требований Атиллы по выдаче беглых с захваченной им территории (Prisc. Pan. Fr. 2; 6; 9.1,3; 10; 11.1–2; 15.4).

Старинный обычай одаривания вождей и предводителей племен и племенных объединений (Amm. Marc. XVII.5.2; 15; 14.1; XXI.6.8; XXII.7.10), который был общепринятой формой подкупа влиятельных лиц того или иного народа, превращается в выплату гуннам все возрастающей дани (Prisc. Pan. Fr. 2; 9.1,3; 11.2; 15.2; 20.1; 23.1,3).

Такие резкие изменения объясняются ослаблением Рима и усилением варваров в первой половине V в. Приск Панийский критически замечает:

...римляне показывали, будто принимали эти условия по доброй воле; но одна необходимость, чрезвычайный страх, объявший их правителей, и желание мира заставляли их принимать охотно всякое требование, как бы оно ни было тягостно. Они согласились и на плату дани, которая была самая обременительная, несмотря на то, что доходы и царская казна были истощены (Ibid. Fr. 9.3).

Но в дипломатической практике Атиллы были и другие нововведения, неизвестные вождям второй половины IV в. В отличие от последних, общавшихся с римлянами исключительно устно, предводитель гуннов активно пользовался таким благом цивилизации, как письменность. Его посланники, направлявшиеся в Константинополь и Рим, снабжались письмами к императорам и инструкциями по проведению переговоров (Ibid. 9.1; 11.2; 14; 20.1; Ермолова 2019). В целом, организация посольского дела и дипломатии гуннов выглядит довольно сложной (Удальцова 1984. С. 376).

Оценивать новации Атиллы во внешнем оформлении власти и дипломатической сфере как новый этап в развитии варварского общества довольно затруднительно. Представляется, что в значительной мере их можно отнести на счет личных особенно-

стей предводителя гуннов. Это предположение подкрепляется тем, что объединение племен, созданное им, перестало существовать с его смертью, и его практики были забыты.

Источники и литература

- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996.
- Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С.Ю. Дестуниса. Рязань, 2003. С. 75–143.
- Егоров А.Б.* Рим: от республики к империи. СПб., 2017.
- Ермолова И.Е.* Гунны и письменность // ДГ, 2017–2018 гг.: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 86–94.
- Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 98–118.
- Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1861. Кн. VII, вып. 1. С. 18–99.
- Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.
- Удальцова З.В.* Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 371–392.
- Херрин Дж.* Византия. Удивительная жизнь средневековой империи. М., 2018.
- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. 1–2.
- Eunapius.* Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Liverpool, 1983. Vol. 2. P. 6–127.
- Millar F.* Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B.C. to A.D. 378 // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 1–23.
- Peretz D.* The Roman Interpreter and His Diplomatic and Military Roles // Historia. 2006. Bd. 55, Heft 4. S. 451–470.
- Priscus.* Fragmenta // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Liverpool, 1983. Vol. 2. P. 222–377.
- Themistii Orationes quae supersunt* / Rec. H. Schenkel, opus consumm. G. Downey et A.F. Norman. Vol. I–II. Leipzig, 1965–1971.

ДОГОВОРЫ О РАЗДЕЛЕ КОРОЛЕВСТВ МЕРОВИНГОВ И КАРОЛИНГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX в.: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Доклад посвящен особому виду источников раннего Средневековья – договорам о разделах меровингских владений VI в. и империи Карла Великого IX в. Этот тип договоров в европейской исторической науке XVIII–XX вв. было принято относить к капитуляриям (например: Capit. I). В действительности, по своей форме и содержанию они во многом близки к публично-правовым актам, поскольку в них можно обнаружить многие элементы протокола и эсхатокола. Это отчасти сближает их по форме с меровингскими и раннекаролингскими дипломами.

Указанные документы по отдельности не раз становились объектом содержательного и подробного анализа (например: Belin de Launay 1843; Ewig 1953; Drabek 1970. S. 34–41; Вольтенц 2012. С. 7–30), однако за три века ни в России, ни за рубежом не появилось статей, которые бы проводили сравнительный анализ содержания и – что еще более важно – формулярный анализ договоров о разделах VI и IX вв. Задачами данного доклада являются выявление, датировка, определение генетического родства, типологического сходства и различий между содержанием и формой договоров от VI до середины IX в. (т.е. от смерти Хлодвига до Верденского раздела).

Уже в 511 г., после смерти Хлодвига, произошел первый раздел королевства франков на четыре части его сыновьями (Greg. Tur. III, 1); в 561 г. точно такой же раздел осуществили между собой внуки Хлодвига, сыновья Хлотаря I (Ibid. IV, 22). В перечисленных случаях нет сведений о составлении каких-либо письменных договоров или грамот об осуществленных разделах, а Григорий Турский говорит, что оба раздела были совершены всеми королями добровольно, единогласно и «законно» (во втором случае – после изгнания узурпатора на парижском престоле Хильперика его братьями).

Напротив, последующие взаимоотношения между потомками Хлотаря I напоминают череду тактических договоренностей и

их нарушений, например о разделе Парижа Сигибертом, Хильпериком и Гунтрамном. Все они известны под общим названием *paces* и сохранились лишь в кратком пересказе Григория Турского (Ibid. VI, 3; VI, 27; VII, 6; VII, 14), в отличие от договора в Андело 578 г., который епископ приводит в «Истории франков» практически дословно, по-видимому, с имевшейся в его распоряжении копии (аргументацию см.: Земляков 2019).

В этом договоре впервые разрешались не только территориальные споры, но и вопросы взаимного наследования в случае смерти двух королей – бездетного дяди (Гунтрамна) и племянника (Хильдеберта II). В нем же упомянут ряд спорных городов северо-востока «Франкии» (по линии Санлис-Париж-Шалон), отошедшие к Австразии; владения матери-королевы Брунгильды; гарантии личной и имущественной безопасности для сестры Хильдеберта II Хлодозинды и его жены Файлевбы. Также оговаривался порядок взаимной выдачи дружинников (лейдов), нарушивших присягу, и восстановления их в правах в случае незаконной конфискации земельных владений и имущества (Greg. Tur. IX, 20).

Не будучи оформлен в качестве отдельного источника, он всё же считается древнейшим договором Франции. Никто из династии Меровингов и ранних Пипинидов (Каролингов) даже не пытался составить подобия этого договора на протяжении 200 лет! Однако такая необходимость возникла после «восстановления империи» Карлом Великим в 800 г. Достаточно сказать, что за 806–843 гг. в виде отдельных списков до нас дошли три памятника (Тионвильский, Ахенский и Нимвегенский договоры 806, 817 и 831 гг.) и еще два – в виде «летописного» рассказа (Вормсский и Верденский договоры 839 и 843 гг.). Главная причина возникновения такого числа договоров – частые периоды смут и нестабильности власти. Заговор Пипина Горбатого 792 г., ранняя смерть сыновей Карла Великого (Карла Юного и Пипина Итальянского) в 810 г., восстание правителя Италии Бернарда осенью 817 г., мятеж сыновей императора Людовика в 831 г., «война трех братьев» (Карла Лысого, Людовика Немецкого и Лотаря I) – все эти события служили либо предпосылкой к попыткам «справедливого» раздела земель империи, либо прямым их следствием (см.: McKittrick 1989. P. 96–103; Airlie 2005. P. 97–101).

Наиболее подробными из перечисленных договоров являются провозглашенные Карлом Великим *Divisio regnorum* (DR, 806 г.) и *Ordinatio imperii* Людовика Благочестивого (OI, 817 г.). Оба договора сопровождалась упоминанием пышной титулатуры императоров, адресатов (DR. 806; OI. Prol.), а также обстоятельств составления (*narratio*). Обязательным было упоминание божественного происхождения разделов империи и ссылка на предыдущие «легитимные» разделы (император Карл ссылался на раздел земель между ним и братом Карломанном в 768 г.: DR. Prol.; С. 4).

Подобно договору 587 г., в первых же главах *Divisio regnorum* мы видим описание границ владений наследников Карла – Людовика («Вся Аквитания и страна басков, все (земли) к западу от Луары...»), Пипина («Вся Италия... и Бавария ... и часть Алеманнии на юг от Дуная и Рейна») и Карла Юного (все прочие земли «Франкии») (Ibid. С. 1–3). Тот же вопрос волновал и Людовика Благочестивого, передавшего в 817 г. своему сыну Пипину Аквитанскому свой бывший «удел», а Людовику – «Баварию, Каринтию и Богемию»; после смерти отца Лотарь I должен был получить как старший из братьев Италию и его титул (OI. С. 1–2, 17). Несмотря на различия в размерах королевств, можно отметить общность их описания: они определялись по пограничным городам, топонимам и гидронимам, одновременно охватывая целые исторические области или их части (Вольнец 2012. С. 11–18).

Карл Великий устанавливал очередность наследования в случае смерти одного из сыновей (DR. С. 4) и передачу целиком всего владения сына будущему внуку в случае его избрания народом (Ibid. С. 5; те же самые принципы утвердил Людовик Благочестивый в OI. С. 14), налагал запрет на вторжение братьев в пределы друг друга и нарушение его воли (DR. С. 6), на судебный поединок при земельных спорах между подданными братьев (Ibid. С. 13). *Divisio regnorum* утверждал ряд прав, действовавших для жителей одного королевства на территории другого (например, на брак, на продажу и покупку движимого имущества, на содержание преступников и заложников из другого королевства с согласия брата и т.д.: Ibid. С. 11–14).

Подобно договору 587 г., *Divisio regnorum* устанавливал выдачу беглых преступников и вероотступников (Ibid. С. 7–8), закреплял право выбрать нового хозяина, получить бенефиций и унасле-

довать имущество в любом королевстве по смерти Карла (ср. DR. С. 9–10; OI. С. 9). Отдельный блок касался дочерей Карла Великого: после его смерти они могли выбрать опекуном того из братьев, которого пожелают, или уйти в монастырь (DR. С. 16–17).

Людовик Благочестивый пошел дальше: он добавил обязательства братьев блюсти церковный порядок, ежегодно навещать старшего брата для укрепления мира, поднесения даров, просить его разрешения на ведение войны и брак; а старшего брата – оказывать военную помощь младшим. Опеку над детьми в случае смерти младшего брата также осуществлял старший; за нарушение церковного мира можно было лишиться власти (OI. С. 3–8, 13–15). Таким образом Людовик пытался закрепить верховенство Лотаря над империей на грядущие годы.

Однако мир между Людовиком Благочестивым и его сыновьями продержался недолго, после смуты 830–831 гг. императору пришлось составить новый договор (*Regni divisio*, RD). По форме и содержанию он следует за *Divisio regnorum* Карла Великого; очевидно, так Людовик пытался «возродить» прежний политический порядок, сделав братьев (Пипина II, Карла Лысого и Людовика Немецкого) полновластными правителями своих «уделов». Так, император предлагал делить королевство бездетного сына после его смерти между братьями, но запрещал вторгаться в соседнее королевство одного из братьев (RD. С. 1–2). Значительное число глав повторяли капитулярий 806 г. почти дословно (ср. DR. С. 3–11; RD. С. 7–14). Примечательно то, что в сравнении с договором 817 г. *Regni divisio* дает более подробный перечень графств и городов, входивших во владения братьев. Возможно, это было сделано для отстранения от наследования Лотаря.

Иначе по форме и содержанию выглядят Вормсский и Верденский договоры 839 и 843 гг. соответственно. Здесь мы имеем дело с простым перечнем королей и их владений. И если перед текстом Вормского договора Бертинские анналы подробно упоминают обстоятельства его провозглашения (прощение императором Лотаря; награждение своих подданных за верную службу бенефициями; предложение Лотарю выбрать между двумя равными частями Империи одну – либо «Италию и часть Бургундии (восточнее Роны)», либо «другую часть Бургундии [...]»), то Верденский договор лишь закрепляет ранее описанное

деление: Людовику Немецкому отходили «все [земли] за Рейном, а западнее Рейна – Шпейер, Вормс, Майнц с округой», Лотарю – «между Рейном и Шельдой, и с другой стороны – вплоть до Камбрэ [...] и те графства, которые расположены за Маасом [на юг] до Соны и Роны», Карлу же – «прочие [земли на западе] вплоть до Испании».

Разделы формуляра	587 г.	806 г.	817 г.	831 г.	839 г.	843 г.
<i>Начальный протокол</i>						
<i>Invocatio</i>	+	+	+	+	-	-
<i>Intitulatio</i>	+	+	+	+	(+)	(+)
<i>Inscriptio</i>	(+)	+	+	+	-	-
<i>Salutatio</i>	(+)	+	-	-	-	-
<i>Основная часть</i>						
<i>Arenga</i>	+	+	+	+	-	-
<i>Promulgatio</i>	+	-	+	-	-	-
<i>Narratio</i>	+	+	+	+	(+)	(+)
<i>Dispositio</i>	+	+	+	+	+	+
<i>Sanctio</i>	+	-	-	-	-	-
<i>Corroboratio</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Конечный протокол (эсхатокол)</i>						
<i>Datum</i>	+	+	+	(+)	(+)	(+)
<i>Apprecatio</i>	-	+	-	-	-	-
<i>Subscriptio</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Signatura</i>	-	-	-	-	-	-

Мы можем лишь предполагать наличие когда-то более обширного текста договора, сокращенного анналистом. Так, заключению Верденского договора предшествовали длительные консультации между приближенными королей (*primores*) и королевскими посланцами (*missi*), посланными Карлом и Людовиком к Лотарю (Ann. Bert. а. 842–843). Даже в столь кратких пересказах договора мы можем встретить прямую отсылку к документу 806 г., который предполагал не только демаркацию

границ, но и четкую иерархию (Лотарь сохранял титул императора), союзные отношения и т.п. Возможно, и прочие элементы протокола, основной части и эсхатокола были опущены анналистами, пересказывавшими договоры в Вормсе и Вердене. Это приводит нас к парадоксальному выводу: копия договора 587 г. из «Истории франков» гораздо полнее отражает формуляр публично-правового акта, нежели договор в Вердене 843 г.

Источники

- Annales Bertiniani // Annales et chronica aevi Carolini. Hannover, 1826. (MGH. SS; Bd. 1). P. 419–515.
- Capit. I – Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. (MGH. Capit. I; Bd. 1).
- DR – Divisio regnorum a. 806 Febr. 6 // Ibid. P. 126–130.
- Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X / Ed. B. Krusch et W. Levison. Hannover, 1951 (MGH. SS rer. Merov. Bd. 1, 1).
- OI – Ordinatio imperii a. 817 mense Iulio // Capitularia regum Francorum. Bd. 1, P. 270–273.
- RD – Regni divisio a. 831 Febr.? // Ibid. Bd. 2. P. 20–25.

Литература

- Волынец А.О.* Капитулярии о разделе империи франков как источник по политической истории Западной Европы первой половины IX в. // Источниковедческие исследования. М., 2012. Вып. 5. С. 7–30.
- Земляков М.В.* Exemplar Pactionis королей Гунтрамна и Хильдеберта II в тексте «Истории франков» Григория Турского: «древнейший договор Франции» или «летописное свидетельство»? // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 10 (84) (<<https://history.jes.su/s207987840007601-0-1/>> [26.12.2019]).
- Airlie S.* Charlemagne and the Aristocracy: Captains and Kings // Charlemagne. Empire and Society. Manchester, 2005. P. 90–102.
- Belin de Launay J.* Du Traité d'Andelot considéré sous les points de vue historique et politique. P., 1843.
- Ewig E.* Die fränkische Teilungen und Teilreiche. Mainz; Wiesbaden, 1953.
- Drabek A.M.* Der Merowingervertrag von Andelot aus dem Jahr 587 // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1970. Bd. 78. S. 34–41.
- McKitterick R.* The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989.

ЕЩЕ РАЗ О СКИФАХ-АБИЯХ

Не так давно нам довелось обратиться к истории имени одного из скифских племен – *абиев*. В процессе работы с этнонимом в качестве «доказательной базы» нами были привлечены данные этноботаники, позволившие прояснить некоторые аспекты быта этого восточноиранского племени (Иваненко 2019. С. 370–383). Совпадение этих данных с историческими свидетельствами древних авторов показалось нам достаточно интересным. Но, поскольку тематически разрабатываемый «сюжет» по большей части выходит за рамки чисто филологического, представляется возможным выделить его в отдельное небольшое исследование.

Отправной точкой выступает известное и замечательное в своем роде свидетельство Эсхила об *абиях* в «Прометее Прикованном» (Αἰσχύλος 1866, III, 190; Эсхил 1989. С. 273 [пер. А.И. Пиотровского]):

ἔπειτα δ' ἤξεις δῆμον ἐνδικώτατον
[βροτοῶν] ἀπάντων, καὶ φιλοξενώτατον,
Γαβίους· ἴν' οὔτ' ἄρυτρον, οὔτε γατόμος
τέμνει δίκελλ' ἄρουραν, ἄλλ' αὐτόσποροι
γύαι φέρουσι βίοτον ἄφθονον βροτοῖς.

Придешь в народ, всех смертных справедливейший
И всех гостеприимнейший ко странникам –
К тем габиям, что ни сохой, ни заступом
Не взрезывают землю, щедродарную
Плодами, самосеяньем обильными.

При этом весьма похоже, что форма γάβιοι выступает участницей некоей и г р ы с л о в. Эта игра вполне возможна: эсхиловские γάβιοι и гомеровские ἄβιοι уже самим Эсхилом рассматривались как названия одного народа. Поэтому ремарка об отсутствии у *габиев* культуры хлеборобства – ἴν' οὔτ' ἄρυτρον, οὔτε γατόμος // τέμνει δίκελλ' ἄρουραν выглядит вполне логично и, фактически, глоссирует этноним, донося до нас его авторское понимание.

Позднее аналогичную трактовку этнонима ἄβιοι встречаем в комментариях к Гомеру в «Своде странных обычаев» Николая Дамаскина (ок. 64 г. до н.э. – после 4 г. н.э.) (Латышев 1899. С. 456):

ἀβίους δ' αὐτοὺς λέγει ἢ διὰ τὸ γῆν μὴ γεωργεῖν, ἢ διὰ τὸ ἀοίκους εἶναι, ἢ διὰ τὸ χρῆσθαι τούτους μόνους τόξοις· βιδὸν γὰρ λέγει τό τόξον. (Он называет их ἄβιοι или потому, что они не возделывают земли, или потому, что у них нет домов, или потому, что они одни употребляют луки: ибо лук он называет βίος.)

Глосса Дамаскина однозначно свидетельствует о его знакомстве с эсхиливским текстом. И потому возможно, что, комментируя известное место из тринадцатой главы «Илиады», ученый руководствовался соображениями, весьма близкими к изложенным нами выше.

* * *

Оставляя в стороне естественную, типичную и вполне очевидную идеализацию *абиев* как блаженного народа, обитающего в блаженной земле, самой дающей им пропитание (в качестве типологической аналогии вспомним хотя бы сказочную мечту славян о молочных реках с кисельными берегами), мы бы хотели сосредоточить свое внимание на «гастрономических предпочтениях» некоторых скифских племен, отраженных в их этнонимии и характеризующих их образ жизни.

Здесь нас интересует не рацион скифов как таковой: известное место у Гомера о скифах-*кобылодоителях* (и) *млекоедах* (ἀγαυῶν Ἰππημόλων γλακτοφάγων – Πίης 1879, XIII, 5–6), рядом с которыми упомянуты и *абии*, говорит само за себя, а известный фрагмент из Эсхила (ἄλλ' αὐτόσποροι // γύαι φέρουσι βίοτον ἄφθονον βροτοῖς) требует комментария. Напротив, интерес для нас представляет та, далеко не всегда очевидная, культурно-бытовая информация, которая в случае с *абиями* была скрыта от самого Эсхила в его, по-киммерийски темном, фрагменте об этом народе.

Однако сколь бы идиллической ни казалась нам картина, живописующая безбедное существование абиев, известия Эс-

хила несут в себе рациональное (а также указание и на вполне реальное) зерно. Таковым, на наш взгляд, выступают **дикие сорта злаков** (игравшие в жизни абиев значительную роль, коль скоро сведения об этом попали в источники), характерной особенностью размножения которых является так называемая *самоосыпаемость*. (Версия об использовании *абиями* в пищу *диких злаков*, насколько нам известно, ранее в литературе не встречалась. Не отмечена она ни в доступных нам схолиях к Гомеру, где время от времени можно найти отсылки к цитируемому здесь отрывку из Эхила, ни в схолиях к произведениям самого Эхила. Нет ее и в известной работе А.И. Иванчика [2005]).

Далее нам остается лишь привести необходимый минимум информации об интересующих нас видах злаков.

Прежде всего, следует отметить наличие в Памиро-Гиндукушском регионе, наряду с культурным (итальянским) просом, так называемого *проса метельчатого*. Культура и распространение проса в этом регионе связаны «с постоянными передвижениями народов из Центральной Азии на запад». Обнаруженные в Монголии дикие формы проса «характеризуются самоосыпаемостью колосьев при созревании» (Стеблин-Каменский 1982. С. 32).

Из-за своих качеств – неприхотливости, урожайности и возможности позднего сева – просо издавна было спутником кочевников и до сих пор высоко ценится населением припамирских областей. У предков осетин оно, будучи главным хлебным продуктом у многих северокавказских народов, играло главенствующую роль. Родину же проса, согласно Н.И. Вавилову, «на основании ботанического состава возделываемых сортов в разных странах, а также исторических данных, приходится искать в Центральной и Юго-Западной Азии». Ученый полагал, что просо (и метельчатое, и итальянское) происходит из «китайского очага» (Там же. С. 32–33).

Еще один подобный злак, а именно – культурная рожь, возникшая из *ржи сорной*, портившей посевы пшеницы и ячменя, – первых культурных злаков, своей родиной, по мнению Н.И. Вавилова, могла иметь Рошан и Шугнан, а также некото-

рые районы Малой Азии и прилегающие к ним местности, где она возделывалась издавна (Там же. С. 29).

Таким образом, *абии*, бывшие, как мы полагаем, носителями скифо-сакских диалектов (Иваненко 2019. С. 375), легших в основу современных памирских (в том числе – рушанского и шугнанского) языков, вполне могли пользоваться плодами самосеянья. Территория же распространения диких злаков и, прежде всего, Памиро-Гиндукушский регион, вполне согласуется как с известными нам по историческим документам местами обитания абиев (и скифов в целом), так и с местами проживания современных восточноиранских (прежде всего памирских) народов.

Иначе говоря, в случае с *абиями* речь может идти о систематическом собирательстве злаков или кочевом земледелии. Конечно, основываясь лишь на одном отрывке из «Прометея Прикованного», сказать однозначно, так ли это – сложно: Эсхил *абиев* как кочевой народ не определяет. Рискнем предположить, что абии всё же были *кочевыми земледельцами* – именно так мы склонны понимать указание поэта на использование ими *плодов самосеянья*. Отметим при этом, что переход к кочевому земледелию приходится на железный век, т.е. начиная примерно с VIII в. до н.э. Собственно, в это время *абии* впервые и упоминаются у Гомера, а свидетельство Эсхила и вовсе приходится на VI в. до н.э.

Возникает, правда, вопрос: достаточно ли у нас оснований, отталкиваясь от приведенных древнейших свидетельств, противопоставлять образ жизни *млекоедов* (и) *глактофагов* (вероятно, под ними всё же следует понимать носителей скифо-сарматских диалектов) образу жизни *абиев* (носителей диалектов скифо-сакских)?

Нам представляется, что на сегодня корректнее будет говорить скорее о тяготении *млекоедов* (и) *глактофагов* к воинственному и кочевому образу жизни, тогда как у *абиев* можно усматривать смещение культурных предпочтений в сторону кочевого земледелия.

Это вполне закономерно следует из приведенных свидетельств: выдаивание конского молока не предполагает привязки человека к определенной местности, тогда как собирательство

злаков, а тем более – кочевое земледелие не только предполагают подобную (хотя бы и кратковременную) привязку, но и определенным образом стимулируют переход некоего коллектива от кочевого образа жизни к оседлому.

Что же до идеализации упомянутого скифского племени у Эсхила, то, вероятно, уже сами источники (как устные, так и письменные) доносили ему информацию в значительно искаженной форме: со временем вполне достоверные, как оказалось, первоначальные сведения об использовании абиями в пищу диких злаков, – сперва в процессе изустной передачи, а затем и в письменных источниках, – должны были уступить место более понятным представлениям о самородной земле, о крае, где человеку не приходится тяжким трудом добывать себе хлеб насущный.

Впрочем, надеюсь, что данные этноботаники, сопоставленные с источниками историко-географическими (к каковым во многих случаях можно причислять произведения Поэта и Драматурга), позволяют нам до некоторой степени прояснить вопрос о блаженном народе *абиях* и его образе жизни.

Литература

- Иваненко А.В.* Циркумпонтийский этнонимикон (этимологические штрихи к портрету *абиев*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII (чтения прамяти И.М. Тронского). Мат-лы Междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2019 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2019. С. 370–383.
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005.
- Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев. СПб., 1890. Т. 1: Греческие писатели. (Прил. к Зап. Импер. Рус. археол. о-ва).
- Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
- Эсхил.* Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова / Отв. ред. Н.И. Балашов. М., 1989.
- Αἰσχύλος.* Tragicorum graecorum fragmenta / Rec. A. Nauck. Lipsiae, 1866.
- Homeri Poetas. Cum potiore lectionis varietate / Ed. A. Nauk. Vol. 1. B., 1879.

ОДНА АНТИЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К ОПИСАНИЮ СЕДЬМОГО КЛИМАТА ТРЕХ АРАБСКИХ АВТОРОВ

Исследователи давно отмечали активную переработку наследия древнегреческой науки арабскими учеными. Кроме иранской и индийской, именно на античных традициях основывались фундаментальные сведения о Земле, ее месте во Вселенной, зависимости от влияний небесных тел, разделении на части. Служители науки при описании Земли ссылались на Эратосфена, Аристотеля, Птолемея и других античных предшественников. Большое значение имели сирийские переводы греческих произведений. Именно из таких переводов арабы узнали о философии, медицине, алхимии, географии (Honigmann 1929. С. 156 et passim; Крачковский 1957. С. 87–88). Книги Гиппократ и Галена были переведены на сирийский и арабский языки в IX в. (Пигулевская 2000. С. 365). Арабские писатели широко использовали информацию переведенных с других языков сочинений. Зачастую они включали в свои произведения сведения из намного более ранних трудов без ссылок на источники. Восточный автор часто создавал свое произведение из готовых сюжетных и стилистических форм, не считая нужным во многих случаях назвать первоисточник своей информации.

Арабскими учеными была воспринята теория древнегреческих ученых о семи климатах (*иклим*) – широтных зонах, которые определялись сравнительной длиной дня и углом наклона Солнца к экватору (Honigmann 1929; Щеглов 2005. С. 243–255).

Наиболее ранней наукой в географии оказалась математическая, тесно связанная с астрономией, космологией, астрологией. Описание климатов Земли было различным. В IX в. математик, астроном и географ ал-Хорезми расположил географические объекты внутри семи климатов с запада на восток для построения карты. Его данные были частично использованы более поздними географами (анонимным автором «Книги чудес», ал-Идриси, Абу-л-Фидой, ад-Димашки), но в целом его труд не стал значимым для потомков.

Иную систему показал географ и астроном IX в. ал-Фергани. Он перечислил довольно много топонимов, расположив их по семи климатам с востока на запад. Его схему восприняли и воспроизвели, иной раз с небольшими изменениями в соответствии со своими воззрениями, многие последующие географы – Ибн Руста, ал-Мас‘уди, ал-Бируни, Закарийа ал-Казвини и др.

Ал-Хорезми и ал-Фергани относились к математическому направлению географии (Крачковский 1957. С. 64–90). Однако рассказы о климатах и их жителях были распространены также у представителей географии описательной и других литераторов, например у арабо-христианского историка Агапия Манбиджского (X в.), в анонимной космолого-географической и биологической «Книге чудес» (XI в.) и др.

Редко можно узнать, на какой источник опирался тот или иной автор при описании климатов. Но в одном случае это довольно ясно угадывается. Имеется в виду текст из главы о скифах трактата Гиппократ (460–ок. 370 гг. до н.э.) «О воздухе, воде и местностях»:

Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду из степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками, потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя [отделениями]; они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях: за ними следуют их стада овец и коров и [табуны] лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не [хватит], переходят в другую местность... Скифское племя значительно отличается от прочих людей и похоже только само на себя, подобно египтянам; оно [также] весьма мало плодовито, в этой стране и животные водятся лишь очень немногие и небольшие. Это потому, что она лежит под самым севером и у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер. Солнце приближается к ней только тогда, когда дойдет до летнего обхо-

да, да и тогда греет [землю] короткое время и не сильно; ветры, дующие из теплых стран, проникают в эту страну лишь редко и с незначительной силой, а с севера, [напротив], постоянно дуют ветры холодные вследствие изобилия там снегов, льдов и вод: горы никогда не освобождаются от них и от этого необитаемы. Днем густой туман окутывает равнины, и в них живут [люди]; поэтому там вечная зима, а лето [продолжается лишь] несколько дней, также не очень [теплых]: дело в том, что равнины там возвышенны, обнажены, не увенчаны горами, а, [напротив], поднимаются по направлению к северу. Там и животные не бывают велики, так что могут прятаться в землю. [На их рост] вредно влияет [постоянная] зима и обнаженность страны, не представляющей поэтому никакой защиты от холода. Перемены погоды там не велики и не сильны: [она стоит почти] одинаково и мало изменяется (ДР 2009. С. 73–74).

Такая пространная цитата приведена для оценки схожих пассажей арабских писателей.

Ибн ал-Факих (годы жизни неизвестны, сочинение относится к 903 г. и имеет характер географический и одновременно развлекательный):

Седьмой климат – это тюрки. Их мужчины и женщины имеют вид тюрков по причине холода. Их звери низки ростом, нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах, которые строят из досок, и переносят их на телегах, запряженных быками. Скот их содержится в пустынной местности. Детей у них мало (Compendium 1885. P. 7).

Агапий Манбиджский (ум. 941/42, христианско-арабский историк; привлекал сирийскую литературу):

Седьмой климат известен и относится к Борис Санису. Это климат, который населяет народ, называемый по-гречески «йумидис», т.е. «сонливые» (вероятно, имеется в виду *нумидис*, т.е. кочевники. – *Т.К.*). Они народ малосильный, не споривистый, вследствие чрезмерного холода у них, поскольку недалеко от них – сторона севера и мест, которые необитаемы и не населены. Большая Медведица, из числа созвездий, недалеко от зенита, постоянно вращается над ними. Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие пресмыкающиеся. Они

не могут и нет у них возможности строить для себя [постоянные] дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны и пастбища для своего скота. Они во всей своей судьбе несчастны по причине плохих обстоятельств жизни. Говорят, что когда они заболевают тяжелой болезнью, они сажают больного на повозку, снимают с него одежду мужчины и надевают одежду женщины, и они выздоравливают (Kitab al-‘Unwan 1910. P. 614–616).

Анонимный автор «Книги чудес и диковин виденного воочию» (компендиума по космологии, географии и биологии), египетский литератор XI в.:

Седьмой климат, его название по-гречески – Б̄арис С̄анис, а Птолемей (*Батламийус*) назвал его Баруснас. Его знак зодиака – Весы, а планета – Солнце. Живут в нем люди, которых называют *тумидин* (видимо, ошибка – надо *нумидин*, т.е. «кочевники». – *Т.К.*), что означает «усталый», из-за сильного холода, потому что они близки к северу и необитаемым местам, поскольку на их землях Полярная звезда вращается около зенита. Из-за сильного холода их скот и животные очень маленькие, и у их скота нет рогов. На их землях нет пресмыкающихся. Они не могут строить свои дома из кирпича или камня, поэтому их дома строят из деревянных досок, которые они загружают в телеги и тянут волами. Они путешествуют таким образом днем и ночью, разбивая лагерь, чтобы найти пастбища для своих животных. Они ведут жалкую жизнь, находясь в худшем состоянии скудного существования. Когда у них случается серьезная болезнь, они кладут больного на телеги, надевают женскую одежду, а мужскую – на женщин, и затем выздоравливают от своей болезни (An Eleventh-Century Egyptian Guide 2014. P. 170 [араб. текст], 434 [англ. пер.]).

Итак, понятно, что рассказы Ибн ал-Факиха, Агапия Манбиджского и «Книги чудес» Анонима не идентичны. Однако основой им явно послужила какая-то сильно переработанная информация Гиппарха о скифах (см. также: *Ibid.* P. 434, note 47). Не исключено, что такая версия была переводной сирийской. Скифы в античной традиции являлись населением севера Земли. Любопытно, что Ибн ал-Факих считает народ седьмого климата

тюрками; другие два автора относят их к неким кочевникам, без имени. «Аноним» упоминает имя Птолемея, поскольку для всех арабских авторов последний являлся авторитетом. Название седьмого климата Барис Санис (вариант: Баруснас) является искажением античного топо- или гидронима Βορυσθένης, т.е. Днепр, который в данном случае не имеет никаких реальных реминисценций.

Приведенные образцы являют собой пример того, как культурная среда арабских литераторов перерабатывала сохранившиеся античные образцы в понятную и удобную, ставшую традиционной понятийную форму.

Литература

- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 1: Античные источники / Сост. А.В. Подосинов.
- Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. 4.
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- Щеглов Д.А. Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ. 2005. № 3. С. 243–265.
- Compendium libri Kitab al-Boldân auctore Ibn al-Faqîh al-Hamadhanî. Lugduni Batavorum, 1885.
- An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The Book of Curiosities / Ed. and transl. by Y. Rapoport and E. Savage-Smith. Leiden; Boston, 2014.
- The History of cartography. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L., 1992. Vol. 1, book 2.
- Honigsmann E. Die sieben klimata und die Πόλεις Ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.
- Kitab al-‘Unwan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj // Patrologia Orientalis. P., 1910. Vol. 5, fasc. 4.

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПРАКТИКЕ ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И НА РУСИ: МЕХАНИЗМ СОСТАВЛЕНИЯ И ВЫДАЧИ АКТОВ

В средневековых латинских текстах понятие *cancellaria* встречается с XII в. Применительно к средневековой Руси термин «канцелярия» употребляется в значительной мере условно. Первыми органами государственной власти и управления с таким названием стали Ближняя канцелярия 1699–1719 гг. Петра I и Походная посольская канцелярия (конец XVII – первая четверть XVIII в.). В Русском государстве учреждения, имевшие в своей структуре определенный штат писцов, работавших под руководством дьяков и бояр, известны не ранее XV–XVI вв. (Казна, Большой Дворец, Посольский приказ). Ведомства дьяков, трансформировавшиеся в приказы и чети, сформировались только в середине и второй половине XVI в. Некое подобие канцелярий в западном смысле слова формируется на Руси не как одно специальное учреждение при государе, как это было на Западе в период раннего Средневековья, а как определенная структура внутри центрального государственного учреждения. Поскольку княжеской канцелярии как учреждения в России X–XVI вв. не существовало, предметом дипломатических исследований становится не механизм работы «канцелярии», а анализ внешней формы и формуляра актов, явившихся продуктом делопроизводства протоканцелярского периода. Наиболее ранним случаем знакомства русских с канцелярской практикой Византии считаются русско-византийские договоры X в., сохранившиеся в составе летописных текстов (древнейший список – 1377 г.). Важнейшим направлением их исследования на современном этапе стало сравнение порядка заключения русско-византийских договоров с правилами составления договоров между Византией и другими странами (Персией, итальянскими республиками, Болгарией).

Во Франкском государстве первые иммунитетные дипломы, признаваемые в литературе подлинными, были выданы в 635 г. королем Дагобертом I. Они касались аббатства Сен-Дени и

монастыря Ребе. В канцелярской практике раннего западного Средневековья процедура выдачи королевских актов связана с изучением дипломатического состава лангобардских королевских актов в сравнении с меровингскими дипломами и деятельности референдариев и нотариев – должностных лиц, ведавших выдачей актов. В истории каролингских канцелярий VIII–X вв. особое место занимает постепенная клерикализация королевской канцелярии после падения Меровингов. Должность архиканцлера в IX в. соединялась с постом архиепископа, вследствие чего функцию главы канцелярии исполнял канцлер. В X в. в Германии и Италии произошло также слияние канцлерства и епископата, а в Западной Франции королевская канцелярия пришла в полный упадок. Многие акты составлялись самими получателями и представлялись в канцелярию лишь для удостоверения (прежде всего – приложения печати). Часто грамоты составлялись по инициативе заинтересованных лиц, действовавших через влиятельных персон, а приказ о написании грамоты отдавался не всегда самим королем, а архиканцлером, архикапелланом, королевой или же вельможами, имевшими определенную силу при дворе. Существенной вехой в истории каролингских канцелярий считается время Людовика I Благочестивого (814–840), когда канцелярия стала независимой от капеллы, а удостоверение актов было передано из рук архиканцлера в руки нотариев и изменился стиль королевских дипломов. В дипломах Карла Великого, особенно выданных после его императорской коронации в 800 г., наблюдаются признаки византийского влияния, появившиеся в применении инвокации с указанием Троицы и употреблении императорского титула. Обращает на себя внимание, что в эпоху упадка канцелярии во Франции X в. 8 актов из 20 сохранившихся, связанных своим происхождением с королями из дома Робертинов – Робертом I (922–992) и Раулем (923–936), – были составлены самими получателями – духовными учреждениями.

В дипломатике первых Капетингов (987–1005) отмечается относительное соблюдение традиций каролингской канцелярии. Этот период сменяется постепенным упадком канцелярии в 1005–1113 гг. (особенно при Генрихе I), когда отмечается частое составление актов самими получателями. Возрождение королевской

канцелярии наблюдается в 1112/1113–1190 гг. и связано с появлением жалованных грамот и формированием устойчивых правил оформления документов. В 1190–1223 гг. во французской королевской канцелярии дипломы постепенно исчезают, их вытесняют жалованные грамоты. Личный состав королевской канцелярии в XII в. при Людовике VI и Людовике VII формировался из священнослужителей, происходивших из мелких дворянских фамилий королевского домена и горожан. При этом штат королевской канцелярии при Людовике VI был очень невелик и ограничивался 3–4 писцами. Известен королевский акт этого периода, в котором диспозитивная часть составлена получателем (аббатство Сен-Дени), а корроборация и удостоверительные знаки добавлены королевскими нотариумами. Деятельность королевской канцелярии при Людовике VII характеризовалась интересной особенностью. Для составления актов, выдававшихся монастырям (в том числе имевшим собственные скриптории), король пользовался услугами прославленных монастырских скрипториев или же прибегал к помощи клириков своей капеллы. Последние соблюдали письменные традиции тех духовных корпораций, к которым принадлежали, в том числе используя в актах приемы книжного письма. Однако канцелярская практика Филиппа II Августа уже характеризуется независимостью от штатов монастырских и кафедральных скрипториев.

Иммунитетная политика началась на Руси в XII в., во Франкском государстве – в VII в., на пять веков раньше. Первые древнерусские жалованные акты касаются Новгородской земли, в которой в XI–XII вв. шел процесс формирования крупного землевладения, сопровождавшийся возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. От первой половины и середины XII в. дошли четыре жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям (Юрьеву и Пантелеймонову). Все они предоставляют прежде всего землю. В одной грамоте в числе отчуждаемых объектов фигурируют также люди и кони, в другой – смерды, в третьей – серебряное блюдо. В двух грамотах (Мстислава и Изяслава) содержится к тому же освобождение от пошлин. Наиболее ранним княжеским актом, фиксирующим передачу земельных владений духовной

корпорации, является сохранившаяся в подлиннике пергаменная жалованная данная грамота киевского в.кн. Мстислава Владимировича и его сына кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буицы, с вирами, данями и продажами и осенним полудьем, а также на серебряное блюдо. Сын Мстислава Всеволод по грамоте является юридическим соавтором своего отца. От его лица сформулирована единственная статья – о пожаловании серебряного блюда. Таким образом, киевский великий князь жаловал землю, иммунитет и бан, а новгородский – лишь движимое имущество. О наделении иммунитетными привилегиями другого новгородского монастыря – Пантелеймонова – говорится в грамоте кн. Изяслава Мстиславича. Две грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю содержат только земельные пожалования. В подлиннике до нас дошла только Мстиславова грамота. Текст остальных трех жалованных грамот XII в. известен в списках.

Несмотря на большой хронологический разрыв, видны общие черты начальной стадии иммунитетной политики на Руси и во Франкском государстве. Первыми получателями иммунитетных грамот и тут, и там были крупные монастыри. В историографии подчеркивается, что происхождение франкского иммунитета связано с судебной-финансовой изолированностью земель фиска, т.е. королевской вотчины, хотя первый пожалованный диплом (монастырю Ребе) не касался бывшей земли фиска. На Руси в XII в. иммунитет устанавливался великими князьями на землях, которые они жалуют монастырям, по-видимому, из состава своих владений.

Необходимой предпосылкой пожалования иммунитета является формирование судебной-административной власти вотчинников по отношению к населению владений. В XI–XII вв. в Новгородской земле шел процесс складывания крупной земельной собственности, который, как и во Франкском государстве VI в., сопровождался возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. Такова общая закономерность, для которой наличие или отсутствие римского наследия – частный случай, хотя и существенно влияющий на время возникновения

и правовые особенности иммунитета. Русский иммунитет появился много позднее франкского, поскольку процесс образования класса крупных землевладельцев начался здесь не раньше XI в., да и то сначала лишь в Новгородской земле.

О судьбах иммунитета новгородских монастырей в XIII в. судить трудно, т.к. от этого времени ни одной жалованной грамоты русским монастырям не сохранилось. После грамот Мстислава и Изяслава наступила длительная остановка в иммунитетной политике русских князей. Только с XIV в. выдача жалованных грамот с иммунитетными привилегиями монастырям и другим землевладельцам становится постоянным элементом внутренней политики – то, что во Франкском государстве произошло в VII в. Вообще по темпам выдачи грамот и по охвату монастырей русские акты XIV в. имеют много общего с меровингскими дипломами VII в., хотя надо сказать, что иммунитетная политика меровингских королей, особенно во второй половине VII в., была более активной, чем политика князей Северо-Восточной Руси в XIV в. Из 23 иммунитетных дипломов 635–700 гг., указанных в перечне М. Крѣля, к аббатствам и монастырям относятся 18, к епископствам – 5. Вниманием правительства пользовались в это время аббатства Сен-Дени, Сен-Бертен, Монтъеранде, Тюссонваль, монастыри Ребе, Куньон, Сенон, Корби, Ставело-и-Мальмеди, Кале, Аржантей, Сен-Мор-де-Фоссе. К текстам меровингских дипломов следует относиться с большой осторожностью, учитывая наличие среди них многих подложных и частично фальсифицированных актов. Современные французские исследователи считают, что дошедшие документы составляют незначительную часть актов, которые были составлены от имени французских королей, и поэтому они мало репрезентативны. В отечественной историографии можно встретить подобную же точку зрения в отношении русских грамот XII–XVI вв. (Н.Н. Носов, И.Н. Данилевский и др.).

Внешние признаки грамоты Мстислава во всей их совокупности позволяют предположить, что сохранившийся ее экземпляр принадлежал Юрьеву монастырю и, вероятно, был скопирован с другого экземпляра той же грамоты, принадлежавшего

либо в.кн. Мстиславу Владимировичу, либо его юридическому соавтору кн. Всеволоду Мстиславичу, т.е. является одним из подлинников этого акта. Однако Юрьевский экземпляр грамоты Мстислава был вписан в пергаменный кодекс (возможно, Евангелие), принадлежавший этому монастырю. Примеры помещения в рукописных кодексах земельных актов, а также записей летописного характера, касающихся той или иной духовной корпорации, хорошо известны. Не исключено, что в этот кодекс были вписаны (сверху и снизу от грамоты Мстислава) и другие тексты или грамоты, касавшиеся Юрьева монастыря. Это объясняет отсутствие верхнего и нижнего полей Мстиславовой грамоты к моменту изъятия ее из кодекса, при том что письмо и разлиновка выдают ее явно книжное, а не канцелярское происхождение. Реконструкция разлиновки листа с текстом грамоты до ее выделения из кодекса соответствует особенностям разлиновки новгородских пергаменных рукописных книг XI–XIII вв. Деформирующее текст прикрепление печати, не характерное для грамот, сохранившихся с буллами или без них, но со следами первоначального присутствия печати, свидетельствует о том, что позолоченного аргировула первоначально при грамоте Мстислава не только не было, но и не могло быть. То, что сохранившийся экземпляр Мстиславовой грамоты некогда был изъят из кодекса, в котором первоначально находился, подтверждают и следы обрезания его со всех четырех сторон практически без оставления полей.

Отсутствие на Руси вплоть до второй половины XVI в. канцелярий европейского типа сделало возможным рождение актовой документации в скрипториях и позволяет говорить о внеканцелярской практике составления древнерусского акта по крайней мере на начальных этапах его истории. Известны еще по крайней мере три сохранившихся пергаменных акта XIII в. и один – второй половины XIV в. с признаками специфического «книжного» письма. Имеем в виду два проекта договорной грамоты Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 г. и договорную грамоту Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1268 г., составленные пономарем Тимофеем – писцом Лобковского пролога, второй части Софийского пролога и Апокалип-

сиса Никольского. Бесспорно «книжной» по своему письму и оформлению является жалованная грамота в.кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг., сохранившаяся в пергаменном подлиннике, не только предварительно разлинованном, но к тому же украшенном миниатюрой. С.М. Каштанов убедительно доказал тождество почерков писцов ряда актов, выданных Троице-Сергиеву монастырю в середине XVI в., с почерками писцов Троицких копийных книг. Последнее позволяет думать, что практика составления грамот самим получателем, распространенная на заре актового делопроизводства во Франкском государстве, имела место и в Древней Руси и просуществовала в России по крайней мере вплоть до второй половины XVI в. (до появления документирования в органах центральной власти и управления). Заметим, что и древнерусские писцы книг в большинстве случаев не были ремесленниками светского типа. Переписка книг, по крайней мере до середины XVI в., оставалась в России исключительной прерогативой церкви. Увеличение в XIV в. среди писцов процента монашесвующего духовенства связано с постепенным перемещением в это время центров древнерусского книгописания из церквей в монастыри. Довольно частое употребление в источниках конца XIII в. слова «писец» может свидетельствовать о том, что в это время происходит оформление книгописания в самостоятельную ремесленную специальность. К концу XIII в. слово «писец» появляется одновременно в древнерусских источниках разных видов. Так, в рядной грамоте Тешаты и Якима (между 1261 и 1299 гг.) фигурирует некий Довмонтов писец: «...А псалъ Довмонтов писец». В завещании («рукописании») владимировольинского кн. Владимира Васильковича ок. 1287 г., сохранившемся в Ипатьевской летописи, упоминается «писец Федорец». С XIV в. слово «писец» окончательно терминологизируется и употребляется в записях на книгах регулярно, без дополнительных сословных определений.

Первые сведения о наличии у князей специальных должностных лиц, ведавших составлением, выдачей или утверждением документов, сохранились в грамотах, происходящих из западнорус-

ских земель. Так, писца и печатника имел в 1284 г. смоленский князь Федор Ростиславич («Моисей княж печатникъ Федоров печаталь», «А Федорко писецъ князь писалъ»; «А Моисеи печатникъ князь Федоров печаталь. А Федорко писецъ князь псаль»). Существовал княжеский писец в последней трети XIII в. и в Пскове («А псал Довмонтовъ писецъ»). Московские великие князья имели своих писцов уже в первой половине XIV в.: в первой духовной грамоте Ивана Калиты упомянут «дьякъ князя великого Кострома», во второй (правда, без всякого сословного определения) – «Нестерко». Не исключено, что этот Нестерко и писец первого завещания Дмитрия Донского «дьяк Нестер» – одно лицо. Оснований считать его церковным, а не светским дьяком нет. Имена княжеских писцов упомянуты во второй духовной Дмитрия Донского ок. 1389 г. («А писалъ Внукъ») и в духовной удельного князя Владимира Андреевича Серпуховского начала XV в. («А грамоту писалъ Мещеринъ»). Этот перечень можно было бы продолжить. Обращает на себя внимание тот факт, что если духовные грамоты по крайней мере с первой половины XIV в. писались собственными княжескими дьяками, то иммунитетные жалованные грамоты продолжали составляться писцами скрипториев даже во второй половине XVI в.

Таким образом, если ранняя королевская канцелярия служила лишь местом утверждения актов, то в какой мере можно говорить о земельной, иммунитетной, финансовой и судебной политике правительства? Не правы ли представители челобитной теории (В.И. Сергеевич и др.), считавшие, например, жалованную грамоту на Руси простым ответом на просьбу челобитчика? Вероятно, само утверждение акта в канцелярии явилось формой договорных отношений между феодалами и королевской (великокняжеской) властью и выражало определенную политическую линию. Нельзя думать, что каждый акт, составленный заинтересованным лицом, подтверждался в «канцелярии», т.е. едва ли выдача грамот носила «автоматический» характер, когда это касалось выдачи жалованных грамот монастырям на Руси.

ОТКАЗ ОТ ТИРАНИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ СОЛОНА И СУЛЛЫ

Как известно, Плутарх любил сводить в пары совершенно неожиданных персонажей (Ziegler 1951. Sp. 899). Так же и мы в рамках темы конференции решили попробовать сравнить людей, точнее, событие из жизни каждого, а именно отказ от тиранической власти. Речь идет о двух бесконечно далеких друг от друга людях – о Солоне и Сулле.

Как сообщают античные авторы, реформы Солон не решились стоявших перед Афинами трудностей и лишь усилили недовольство: одни возмущались отменой долгов, другие же считали, что ее недостаточно, и добивались еще и раздела земли (Plut. Sol. 16.1; ср. [Arist.] Ath. pol. 11.2). Всё это ставило под сомнение судьбу его законов. Автор «Афинской политики» (11.2) утверждает, что Солон мог вступить в соглашение с любой из политических группировок и стать тираном, но не пошел на подобный шаг. Не исключено, что кое-кто из друзей советовал ему воспользоваться такой возможностью – ведь это позволило бы продолжить проведение реформ в жизнь, подкрепив их силой (Plut. Sol. 14.4; Суриков 2005. С. 139–140), кто-то просто недоумевал, что он от нее отказывается, хотя тираническая власть была мечтой многих аристократов. Не вызывает сомнений, что именно ответом на такие настроения стала знаменитая пародия Солон в стихотворении «К Фоку» (fr. 23 Diehl):

Нет, ни опытным, ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуясь, он сеть закинул, только вытащить не смог,
Помутился его разум, был он мужества лишен.
А вот я, чтоб только властью и богатством завладеть
И тираном стать в Афинах на один всего денек,
Дал содрать с себя бы шкуру и весь род мой погубить.

Пер. Г.Ф. Церетели

Похоже, Солон отвечает здесь не друзьям (по отношению к ним такой едкий сарказм вряд ли был бы уместен), а насмешни-

кам – им он сулит испытать участь халкидского тирана Антилеонта, с которого действительно содрали кожу после свержения (Lloyd-Jones 1975. P. 197), если они считают тираническую власть пределом мечтаний. Вероятнее, что друзьям – это как будто следует из Плутарха (τοὺς φίλους εἶπεν, ὡς λέγεται – Sol. 14.8) – адресовано более серьезное объяснение:

Если ж землю пощадил
Я родную и к насилью (βίης), к тирании не стремясь,
Не марал и не порочил имя доброе свое,
То нисколько не стыжусь я: ибо легче победить (νικήσειν)
Так мне всех людей.

Пер. И.Е. Сурикова

Можно по-разному объяснять необычный для эллинского аристократа того времени отказ от тиранической власти: нежеланием рисковать жизнью своей и сородичей, заботой о собственном добром имени, любовью к родной земле – всё это одинаково возможно и не противоречит одно другому, хотя, конечно, последний аргумент допустимо поставить под сомнение как слишком уж выгодный для реформатора, руководствовавшегося, как и все политики, не одними лишь чистыми побуждениями. Был ли Солон принципиален в своем поведении или исходил из прагматических соображений – не так уж важно, поскольку многие греческие аристократы пренебрегали и опасностью, и добрым именем ради верховной власти, теряя подчас и то, и другое. Поэтому когда К. Сагстеттер утверждает, будто, «несмотря на репутацию противника тирании, подход Солона к преодолению политического раздора в Афинах в 594 г. до н.э. очень сильно напоминает методы, с помощью которых греческие тираны добивались успеха, решая подобные проблемы в других городах-государствах» (Sagstetter 2013. P. IV), она забывает самое главное и принципиальное. В силу тех или иных причин он не захватил власть в родном полисе, хотя и вызвал этим удивление современников, зато писатели позднейших времен, напротив, воздали ему хвалу за подобное поведение. Этому не помешало даже то, что, в итоге, Афины всё равно не избежали тирании, пусть и такой «бархатной», как режим Писистрата и

его сыновей. При этом обращает на себя внимание, что Солон (fr. 24 Diehl), явно намекая на тиранию, подчеркивает:

Коль за меня стрекало б взял
Иной муж – злоречивый, деньги любящий
(κέντρον δ' ἄλλος ὡς ἐγὼ λαβών,
κακοφραδῆς τε καὶ φιλοκτήμων ἀνὴρ), –
Народа не сдержал бы он. Ведь если бы
Сперва я одного держался мнения,
Потом склонился к противоположному –
Мужей бы многих уж лишился город наш
(πολλῶν ἂν ἀνδρῶν ἢδ' ἐχρώθη πόλις).

Пер. И.Е. Сурикова

Иначе говоря, неотъемлемым компонентом тирании (что вполне логично) выступают репрессии, которые, если верить Солону, претят ему, случайно или нет, но когда к власти пришел Писистрат, его режим оказался отнюдь не кровавым.

В качестве эпилога напомним, что Солон не попытался остаться в политике, а удалился в фактическое изгнание, которое, однако, вопреки Плутарху (Sol. 29.2), не помешало ему вернуться в нее по возвращению из десятилетнего путешествия, причем – и это самое главное – изданные им законы, несмотря на всеобщее недовольство, продолжали действовать (Суриков 2005. С. 143). Таким образом, отказ Солона от тирании оказался не столь уж бесполезным даже с точки зрения его статуса как политика, коль скоро его установления действовали даже в условиях широкого недовольства, проложив дорогу дальнейшим изменениям политического строя Афин.

Более чем через пять столетий в Риме произошел случай, с которым мы решились сравнить только что рассмотренный: после двух лет фактически неограниченной власти отказался от нее Луций Корнелий Сулла, что часто, но вряд ли обоснованно называют отставкой (см.: Keaveney 2005. P. 167). Будучи избран консулом на 79 г. до н.э., он не пожелал занять должность и назначил (ἀλέφηε) консулами Аппия Клавдия Пульхра и Публия Сервилия Ватия, впоследствии Исаврийского, после чего на сходке объявил о сложении полномочий (диктатора или консула – неясно, но воспринималось это явно как отказ от положения

первого лица в *res publica* не *de iure*, а *de facto*) и выразил готовность дать отчет любому желающему. Однако таковых не нашлось, да и вообще реакции со стороны граждан не последовало (Christ 2002. S. 133); только какой-то юнец осыпал его бранью, но Сулла отреагировал лишь замечанием, что теперь другой, помня об этом мальчишке, не сложит столь легко такую власть, которой обладал он сам, что и подтвердил пример Цезаря; вскоре Сулла удалился в свое куманское имение, где и наслаждался жизнью, пока не умер (App. BC. I. 103. 480–488).

Любопытно, что если Солон растолковывал, почему он *не* становится тираном, Сулла в 82 г. до н.э. счел нужным объяснить, почему он им (под видом диктатора) *становится*, отправив соответствующее письмо принцепсу сената Валерию Флакку (App. BC. I. 98). Судя по всему, такой оборот дела мало кого удивил, а потому послание это сыграло роль не более чем полезной формальности. Не вызвал широкого резонанса и отказ Суллы от официальной власти – ни у Цицерона, ни у Саллюстия на сей счет никаких сведений нет.

Светоний (Div. Iul. 77) приписывает Цезарю слова о том, что будто бы Сулла не знал и азов политики, если отказался от диктатуры («Sullam nescisse litteras, qui dictaturam deposuerit»). Однако, во-первых, мы не знаем, произносил ли Цезарь эти слова в действительности, а во-вторых, даже если они аутентичны, то прозвучали, судя по контексту, в 40-х годах до н.э. и не могут считаться непосредственной реакцией на события. То же можно сказать о призыве Цицерона (Marc. 27) к Цезарю сложить власть – если это намек на Суллу (Eckert 2016. S. 200), то также не ничего не говорящий о том, что думал оратор в 79 г. до н.э. Однако отношение к поступку диктатора в 40-х годах это, несомненно, отражает. Аппиан пересказывает речь Брута, в которой тот явно ставит в пример Цезарю Суллу, поскольку последний восстановил республиканское правление (BC. II. 138. 574). Весьма вероятно, что в данном случае это не вымысел александрийского писателя или, по крайней мере, вымысел, отражавший истинные настроения республиканцев.

Сенека расценил отказ Суллы от империя как нечто необычное для тирана, но это не могло вернуть тысячи убитых им лю-

дей (Clem. I. 12. 1–2). Силий Италик (XIII. 850–860) считал, что Сулла сложил полномочия диктатора из хвастовства (он единственный, решившийся на такое!), хотя и весьма специфического – поэт называет его *gloria culpaе* (Eckert 2016. S. 194; Anm. 121).

Во II–III вв. н.э. греческие авторы взглянули на этот вопрос под другим ракурсом. Аппиан (BC. I. 103. 488–490) удивлялся, что грозный диктатор, погубивший столько людей, сложил с себя полномочия – ведь никто от него этого не требовал, сам он еще был вполне здоров, 120 тысяч ветеранов, живших в Италии, составляли его опору. Дело, по мнению александрийского писателя, было в том, что Сулла, видимо, пресытился войнами и властью (ἀλλά μοι δοκεῖ κόρον τε πολέμων καὶ κόρον ἀρχῆς καὶ κόρον ἄστεος λαβῶν; также см.: BC. I. 3. 9). По мнению А. Экерт, «с точки зрения Аппиана отставку Суллы, однако, следует оценивать критически не только из-за опасности для его жизни, но и из-за вредных последствий для благополучия государства» – ведь стоило ему отказаться от власти, как вновь начались раздоры, т.е. мятеж Лепида (BC. I. 105. 491; Eckert 2016. S. 192). Удивляет Аппиана (BC. I. 104. 481) и то, что Сулла передал власть не своим детям, как эллинистические цари, а тем, над кем властвовал (ἀλλ' αὐτοῖς τοῖς τυραννοῦμένοις).

Дион Кассий (LII. 17. 3–4) устами Мецената также порицает отказ Суллы от власти, приводя в качестве отрицательного примера Помпея – тот отказался от единовластия и погиб; то же наверняка произошло бы с Марием и Суллой, проживи они дольше, и последний из страха перед такой участью, как передают некоторые, покончил с собой; многие из принятых им законов были отменены уже при его жизни (Eckert 2016. S. 189–190).

Следует отметить значительную аберрацию у Аппиана – нашего главного информатора по данной теме. Сулла явно не обладал цветущим здоровьем (σῶμα εὐρωστων) – он страдал от болезни уже много лет (см.: Carney 1961. P. 68) и умер через год с небольшим; отсутствие открытого давления на него отнюдь не означает, что таковое не имело места вовсе – как минимум было сильное недовольство высших слоев. Это ясно следует из речи «За Росция Америкоского» (Смирин 1958. С. 98–103); мятеж Лепида, как известно, начался уже после смерти Суллы, причем подавить его удалось очень быстро. Сулла передал власть над

Римом не тем, кем он управлял, а во многом своим ближайшим друзьям, которых было немало среди консулов 70-х и отчасти 60-х годов (Клавдий Пульхр, Сервилий Ватия, Лутаций Катул, Скрибоний Курион и др.). Другое дело, что они не смогли ее удержать; да и верхушку нобилитета тоже трудно считать управляемой. Дион Кассий и вовсе громоздит одну нелепость на другую – законы Суллы не отменяли (да еще во множестве) при его жизни, он не кончал с собой (то же не менее безосновательно приписывали Марию: Diod. XXXVII. 29. 4; De vir. ill. 67.6; Weynand 1935. Sp. 1419–1420), Марий не совершал в конце жизни ничего подобного отказу от высшей власти, и т.д.

Так или иначе, вряд ли сам по себе отказ Суллы от власти что-то всерьез изменил, а непрочность созданной им системы объяснялась заложенными в ней противоречиями. Если же посмотреть на проблему глазами последних республиканцев 40-х годов до н.э., то этот жест носил важный символический характер, но так же мало давал для сохранения *res publica*, как и для ее подрыва.

Конечно, между обоими случаями, что называется, дистанция огромного размера – Солон отказался от *захвата* тиранической власти, а Сулла от той, которой уже *обладал*; первый действовал в условиях, близких к стасису, но не переросших в него, а второй стал диктатором в результате гражданской войны; афинский архонт в отличие от властителя Рима объявил о своем неприятии террора и провел реформы, не будучи тираном; преобразования Солона положили начало будущему величию его полиса, а сулланская система, дав трещину почти сразу, окончательно рухнула всего через три десятилетия; Солон порицали за отказ от тирании современники, Суллу – писатели, жившие через 200–300 лет после него, и т.д. Но налицо и сходство – оба поступили так без видимого давления, оба тем самым ушли от нерешенных проблем, оба не стали жертвами мести врагов и сохранили влияние на политику. Все это показывает, что политические жесты, сделанные людьми разных взглядов в разное время и в, казалось бы, совершенно несравнимых условиях, обнаруживают неожиданное сходство – как и у героев парных биографий Плутарха, многие из которых выглядят бесконечно далекими друг от друга.

Литература

- Смирин В.М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры (опыт разбора ранних речей) // ВДИ. 1958. № 4. С. 88–103.
- Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Carney T.F. The Death of Sulla // *Acta Classica*. 1961. Vol. 4. P. 64–79.
- Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002.
- Eckert A. Lucius Cornelius Sulla in der antiken Erinnerung. Jener Mörder, der sich Felix nannte. B.; N.Y., 2016.
- Keaveney A. Sulla: the Last Republican. L.; N.Y., 2005.
- Lloyd-Jones H. More about Antileon, Tyrant of Chalcis (Solon frag. 33 and Aristophanes Eq. 1042–44) // *Classical Philology*. Vol. 70. 1975. P. 197.
- Sagstetter K.S. Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant? Diss. PhD. Univ. of Pennsylvania, 2013.
- Weynand R. Marius // REA. 1935. Splbd. 6. Sp. 1363–1425.
- Ziegler K. Plutarchos (2) // REA. 1951. Hbd. 41. Sp. 636–962.

Д.М. Котышев

ИНВЕСТИТУРА КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ XI–XII вв.

В домонгольской Руси формой светской инвеституры, т.е. обряда передачи (вручения, обретения) властных полномочий и регалий, являлось посажение князей «на стол». Самые ранние прецеденты использования такой процедуры относятся к началу XI в. и связаны с именем князя Святополка Владимировича (Ярополковича): «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по оци своемъ и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132). В «Повести временных лет» (ПВЛ) это – самое раннее упоминание княжеского «настоления». Характерно, что когда речь идет о князьях X в., Ярополке и Владимире Святославичах, летописец употребляет оборот «нача княжити»: «В лѣт 6481 (973) Нача княжити Ярополкъ» и «В лѣт 6488 (980) И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единь» (Там же. Стб. 74, 79). Сопровождалось ли это начало княжения какими-то символическими или ритуальными процедурами, не сообщается.

С наступлением XI в. описания процедур «вхождения во власть» киевских князей обрастают рядом деталей и подробностей. Начиная со Святополка Владимировича, выражение «нача княжити» практически перестает употребляться. Вместо него появляется оборот «сѣде Киевѣ». Данный оборот стабильно употребляется при описании деяний Ярослава и его сына Изяслава: «В лѣтѣ 6524 (1016) Стополкъ же бѣжа в Ляхы Ярославъ же сѣде Киевѣ на столѣ вѣтны и дѣдни» (Там же. Стб. 142); «в лѣтѣ 6527 (1019) Ярославъ же сѣде Киевѣ оутерьъ пота с дружиною своею показавъ побѣду и трудъ великъ» (Там же. Стб. 146); «в лѣтѣ 6562 (1054) Пришедъ Изяславъ сѣде Киевѣ» (Там же. Стб. 162).

Со второй половины XI в. в описаниях процедуры интронизации киевских князей появляется ряд новых подробностей. Сообщая о кончине Изяслава и вокняжении Всеволода, летописец пишет: «Всеволодъ же сѣде Киевѣ на столѣ вѣа своего и брата своего переима власть Русьскую всю» (Там же. Стб. 204). Начиная с этого времени формула «сѣде Киевѣ на столѣ» или «сѣде на столѣ» становится фактически этикетной. Она встречается в летописных статьях 1093, 1113 и 1125 гг.

Начиная с 1139 г. формула «сѣде на столѣ вѣа своего» употребляется регулярно вплоть до конца XII в. Исключение составляют сообщения о вокняжении Ярополка Владимировича – «В лѣто 6641 (1133)... Ярополкъ вниде в Киевъ. въ зѣ днѣ в недѣлю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294); «В лѣтѣ 6640 (1132)... сѣде по немь (Мстиславе. – Д.К.) братъ его Ярополкъ княжа Киевѣ людье бо Кыяне послаша по нь» (Там же. Т. 1. Стб. 301). Наряду с этим, в летописных текстах начинают отражаться сопутствующие обретению власти ритуалы. В описании вокняжения Святополка Изяславича читается: «Приде Стополкъ Киеву [и] изидоша противу ему Кыяне с поклономъ и прияша и с радостью [и] сѣде на столѣ вѣа своего и строя своего» (Там же. Стб. 218). Схожий ритуал прослеживается и в церемонии настолования Владимира Мономаха: «Володимеръ Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю оусрѣтоша же и митрополить Никифоръ съ еписпы и со всеми Кыяне с честию великою сѣдѣ на столѣ вѣа своего и дѣдъ своихъ» (Там же. Т. 2. Стб. 276).

До середины XII в. в распоряжении исследователей есть единственное упоминание, которое можно истолковать как свидетель-

ство об элементе обряда при обретении власти князем – его «прославление» на княжеском дворе. Речь идет о сообщении ПВЛ под 6576 (1068) г. о вокняжении Всеслава Брючиславича: «людье же высѣкоша Всеслава ис поруба въ ѿ днѣ сентябрия и прославиша и средѣ двора кънзя» (Там же. Т. 1. Стб. 171). Однако уже с середины XII в. таких известий становится заметно больше. Например, в известии о вокняжении Изяслава Мстиславича рассказывается: «Изяславъ же... с великою славою и чстью въѣха в Киевъ и выидоша противу емоу множество народа игоумени съ черноризьци и попове всего города Киева в ризахъ и приѣха къ сѣби Софьи и поклониса сѣби Бѣи и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего» (Там же. Т. 2. Стб. 327). Впервые появляются указания на посещение киевским князем двух храмов в процессе «посаждения на стол». Речь идет о св. Софии и церкви св. Богородицы (Десятинной). То, что фраза «поклониса сѣби Бѣи» является указанием именно на Десятинную церковь, подтверждает известие 6658 (1150) г., где описываются действия галицкого князя Владимира Володаревича, изгнавшего из Киева Изяслава Мстиславича: «и приѣха (Владимир Галицкий. – Д.К.) къ сѣби Софьи и ѿтуда ѣха ко сѣби Бѣи Десятиннѣи и ѿтуда ѣха къ сѣби Богородици Печерьской манастырь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 403).

Можно предположить, что с середины XII в. инвеститура киевских князей в основе своей окончательно оформляется. Она включает в себя торжественный въезд князя в город, где его встречают духовенство во главе с митрополитом, а также жители города. Затем князь следует к наиболее чтимым святыням: Софийскому храму и Десятинной церкви, а уже оттуда направляется на княжеский двор. По такому или схожему сценарию совершалось наставление князей вплоть до самого конца XII в.

Наблюдения над приведенными в таблице ниже текстами позволяют, на мой взгляд, сделать вывод о существовании определенной устойчивой процедуры, о чем свидетельствует стабильность употребляемых оборотов («ѣха къ сѣбѣ Софьи и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего»). Данная формула с незначительными вариациями постоянно употребляется в летописных текстах 1150–1170-х годов. В дальнейшем, на пространстве 1170–1180-х годов, упоминания о св. Софии и Десятинной церкви отсутствуют. В тексты возвращается оборот первой полови-

ны XII в.: «сѣде на столѣ дѣда своего и вѣща своего». Вновь св. София и Десятинная церковь упомянуты только в описании вокняжения Рюрика Ростиславича в 1194 г.

Князь	Дата вокняжения	Описание церемонии
Изяслав Мстиславич	6654 (1146)	С великою славою и чѣстью вѣхъ в Киевѣ и выидоша противу емоу множество народа игоумени съ черноризьци и попове всего города Киева в ризахъ и приѣхъ къ стѣи Софьи и поклониса стѣи Бѣи и сѣде на столѣ дѣда своего и вѣща своего.
Юрий Владимирович	6657 (1149)	Гюрги же поѣхъ оу Киевѣ и множество народа выде противу ему с радостью великою и сѣде на столѣ вѣща своего хваля и славя Бога.
Изяслав Мстиславич		Кияне же рекоша Изяславоу ты нашъ кнѣзь поѣди же къ стѣи Софьи сяди на столѣ вѣща своего и дѣда своего ... Изяславъ же поклонився стѣи Софьи и възвѣхъ на дворѣ да Ярославль всимъ своимъ полкомъ и Киянѣ с нимъ приде множество.
Владимир Володаревич		И ѣхъ Володимиръ Вышегороду къ стѣма мчнѣкома поклонитѣсѣ и тако поклонився стѣоу мчнѣку и приѣхъ къ стѣи Софьи и вѣтогда ѣхъ ко стѣи Бѣи Десятиннѣи.
Изяслав Мстиславич		Изяславъ же въ Кыевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и вѣща своего с чѣстью великою ... Изяславъ же вѣ стѣи Софьи поѣхъ и съ братьею на Ярославль дворѣ.
Вячеслав Владимирович	6659 (1151)	Вячѣславъ же оуѣхъ в Киевѣ и ѣхъ къ стѣи Софьи и сѣде на столѣ дѣда своего и вѣща своего.
Изяслав Давидович	6662 (1154)	Изяславъ же вѣхъ оу Киевѣ и сѣде на столѣ.
Юрий Владимирович		Дюрги блѣгодаря Бѣи вниде въ Киевѣ выиде противу ему множество народа и сѣде на столѣ вѣща своихъ и дѣдѣ.
Ростислав Мстиславич	6668 (1160)	Поиде Ростиславъ снѣ Мѣстиславль и Смоленска къ Киеву на столѣ и вниде в Киевѣ мѣца априля въ вѣ днѣ на вѣскрѣснѣи тогда бо бѣ паска чѣстнаѣ и срѣтоша вси людие и множество народа прияша и людие с достохваною чѣстью и сѣде на столѣ дѣда своего и вѣща своего сии блѣговѣрнѣи кнѣзь Ростиславъ.

Изяслав Давыдович	6669 (1161)	Изяслав же вниде в Киевъ мѣца февраля въ ѿи и вшедь въ Софью.
Мстислав Изяславич	6677 (1169)	Вниде Мстиславъ въ градъ мѣца мая въ ѿи днѣ и сѣде на столѣ Ярославли и ѿца своего и дѣдъ своихъ.
Роман Ростиславич	6682 (1174)	И приде Романъ Киеву и оусрѣтоша и съ крѣты митрополить и архимандрить Печѣрьскіи игумень и инии игумени вси и Кияне вси и братья его ... князь же Романъ вниде въ Киевъ и сѣде на столѣ ѿца своего и дѣда.
Рюрик Ростиславич		Рюрикъ снѣ Ростиславль вниде въ Киевъ славою великою и чѣстью и сѣде на столѣ ѿцѣ своихъ и дѣдъ своихъ.
Ярослав Изяславич		Вниде Ярославъ въ Киевъ и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего.
Святослав Всеволодович		Стѣславъ въѣха въ Киевъ и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего.
Роман Ростиславич		Романъ же сѣде въ Киевѣ на столѣ дѣда своего и ѿца своего.
Рюрик Ростиславич	6688 (1180)	Рюрикъ же слышавъ вже Стѣславъ бѣжалъ за Днѣпръ и въѣха въ Киевъ въ днѣ недѣльныи и сѣде на столѣ дѣда своего ѿца своего.
	6702 (1194)	И поѣха Рюрикъ Киевоу изидоша противоу емоу со крѣты митрополить игумени вси и Кияни вси ѿ мала и до велика с радостью великою Рюрикъ же вшедь во стѣбую Софью и поклонися стѣмоу Спѣоу и стѣи Бѣѣ и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего.

Можно предположить, что с середины XII в. возникает и существует до конца столетия традиция религиозного церемониала в св. Софии и Десятинной церкви, который сопровождал инвестицию киевского князя. Этот церемониал использовался в первую очередь потомками князя Мстислава Владимировича как средство дополнительной легитимации их прав на киевский престол в условиях конкуренции со старшими родственниками (другими Мономашичами), которые в таком дополнительном средстве легитимации своей власти не слишком нуждались. Не исключено и влияние церемоний, принятых в Византийской империи. Обряд коронации византийских императоров включал в себя освящение царской хламиды и совместную молитву императора и патриарха

на амвоне, после чего освященные одежды и венец возлагались на обретшего власть светского правителя (Острогорский 1973. С. 35–36). Совершалось ли нечто подобное в храме св. Софии при вокняжении очередного Рюриковича в Киеве? Обратим внимание на летописное известие 6711 (1203) г., в котором повествуется о взятии Киева Рюриком Ростиславичем. В нем упоминаются «порты блжньныхъ первыхъ князьи еже бяху повѣшали в црквахъ стхъ на память собѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418). Отталкиваясь от этого известия, А.П. Толочко предположил, что указанные реликвии в соответствии с византийскими образцами могли использоваться в ритуале «посаждения на стол» (Толочко 1991. С. 40). Не исключено, что Мстиславичи стремились оформить инвеституру киевского князя с отсылкой к таким византийским образцам. Другие Мономашичи и Ольговичи, напротив, опирались, по всей видимости, на старую традицию посаждения князя на стол на княжьем дворе, включавшую публичное прославление избираемого.

Литература

- Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 33–42.
- Толочко А.П.* «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 34–42.

С.С. Кочергин

«САРМАТСКИЕ ЖРИЦЫ» И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ АНАЛОГИИ

Дискуссионным является вопрос о так называемых «сарматских жрицах». Обычно религиозные традиции скифов и сарматов рассматривают исходя из их иранского происхождения, но глубокие контакты между иранскими и семитскими культурами на ранних и очень ранних этапах их формирования определенно имели место, а общие элементы и взаимовлияния, причем достаточно обширные, были возможны (Ростовцев 1913; Смирнов 1964. С. 168–169; Хазанов 1975. С. 47; Шауб 1999; Клейн 2016. С. 49–51). Исследуя их культовую составляющую, можно про-

вести ряд параллелей и расширить круг гипотез, способных пролить свет на то, в какой форме исполняли сакральные функции усопшие женщины сарматских курганов. Здесь интересным может показаться привлечение фактов социальной и религиозной истории кочевых аморейских, а затем и еврейских племен.

На основе, преимущественно, данных археологии, предполагается, что в сарматском обществе женщины могли быть равны мужчинам, вплоть до того, что участвовали в военных действиях, общественной жизни, отправляли традиционные культы (огня и солнца. – Смирнов 1964. С. 251–256) и обладали функциями вождей (Граков 1947; Хазанов 1970; Ковалевская 1977. С. 71–73; Смирнов 1964. С. 200–211; 1989. С. 209, 174, 167–168). Среди ритуальных действий, приписываемых им, называют окуривание вещей и людей, жертвенное кропление, мантические обряды, ритуальный танец (Яценко 2007. С. 64), обряды знахарства (Токарев 1964. С. 105). Женщины из небогатых могил отправляли семейные культы, а из богатых – были родовыми жрицами (Глухов 2005. С. 98). Профессиональные жрецы отсутствовали. Общественные культы отправляли представительницы правящих родов, а с I в. до н.э. – мужчины, но духовная роль женщин имела значение как минимум до конца III в. н.э. (Шевченко 2006).

Поклонение Великому женскому божеству плодородия в различных вариантах обнаруживается у многих народов, включая скифов и сарматов (Шауб 1999). Отмечалась связь с переднеазиатским почитанием, например, Иштар и Таммуза (Хазанов 1975. С. 176). У скифов и сарматов вместе с первоначальными культами женских божеств-прародительниц (домашнего очага и природы) существовал патриархальный культ предка-родоначальника, соединенного с космическим божеством. Патриархальный культ выдвигался на первое место, боги-мужчины заменяли богинь-женщин, а мужское священство – жриц, в руках которых оставались семейные культы (Булах 2005. С. 21–22; Королькова 2009).

С XIII в. до н.э. в Палестину начинают вторгаться скотоводческие племена амореев-сутиев Верхней Месопотамии, имевшие основным божеством своего предка-родоначальника Сутеха/Баала/Амурру, супругой которого была Ашера – богиня плодородия ханаанского происхождения. С началом поклонения Яхве (возможно, покровителю огня) Ашера стала его женой, и

культ просуществовал вплоть до вавилонского пленения. В ходе борьбы прояхвистов мужское божество отодвинуло и заменило богиню-женщину, хотя не смогло отказаться от женской божественности в религии.

Верховным божеством скифов была Табити, богиня огня и домашнего очага. Аналогичный культ существовал и у сарматов. Табити может рассматриваться как прародительница скифов (Артамонов 1961. С. 58), жена первого царя Колаксия (Раевский 2006. С. 128). Царь венчался с богиней, получая от нее власть и благословение. Роль богини исполняла царица и верховная жрица Табити, наделяя царя-воина жреческими функциями (Раевский 2006. С. 128–130). Скифские золотые предметы с изображением женщины в кресле и стоящего перед ней мужчины отсылают к ассиро-вавилонским традициям. Хтоническая богиня наделяла царя властью (но не делала его богом), либо принимала покойного в свое загробное царство, а царица у сарматов воплощала богиню и была ее первой жрицей (Клейн 2016. С. 49–54). Отмечались также параллели между скифской религией и сибирским шаманизмом, когда посвящение шамана предполагает проникновение его души в «иной мир» для заключения «священного брака» с женским божеством, связанным с представлениями о древе жизни (Штернберг 1936. С. 151–152; Королькова 2009. С. 17–19, 21).

Ритуал священного брака восходит в одной из древнейших форм к шумерскому мифу об Инанне и Думузи (божествах плодородия). Роль Думузи в праздничном ритуале брал на себя правитель государства, а Инанной была жрица ее культа. Цель обряда – благословение урожая, скота, деторождения, продолжения жизни, легитимации и деификации царской власти, освящения мира божественностью, предотвращающей его падение в пучину хаоса, где нет жизни. Жрица-богиня становилась посредницей между божественным и человеческим мирами. Иудейский царь не был священником, но божественным воплощением (Давид и его потомки считались детьми Яхве), и через него благословение текло к народу, в том числе в виде дождя. Царь, как земной представитель Яхве, страдал, умирал и воскресал. У скифов и сарматов также мог существовать новогодний весенний праздник из категории обрядов, связанных с «воскресением» «умирающей» природы, в

котором была заложена идея обновления мира и сакрализации царской власти (Бессонова 1983. С.67–78).

Именно в *hieros gamos* заключена важная идея, раскрывающая роль женщин-жриц в обеспечении культа. Под *g^ebîrâh* в Ветхом Завете понимается хозяйка, владычица, царица. Чаще всего это – супруга царствующего государя и царица-мать при своем сыне-царе, связанная с Ашерой. Она имела заметную власть, могла самостоятельно править, обладала культовой ответственностью, в ритуале священного брака была богиней-невестой и зачинала будущего царя от царя настоящего, помазанника Яхве. Этот ребенок выделялся среди своих братьев как наследный принц. До замужества *g^ebîrâh* могли быть жрицами Ашеры, называемыми *q^edēšâ* (муж. *qādēš*), обеспечивавшими процесс *hieros gamos*. Они танцевали и пели, могли помогать в родах и др. Священный брак продолжало священное рождение. Метафорически отцом царя был Яхве, а матерью – Ашера, ритуал служил монархической преемственности, а процесс обеспечивали *q^edēšâ* и *qādēš*. Невеста становилась царицей-матерью божественного отпрыска и человеческим представителем Ашеры. С уничтожением Иудейского царства порядок разрушился, культ стал забываться и вскоре исчез. Более широким термином по отношению к *q^edēšâ* был *zânâh*. Возможно, в допленный период это слово относилось к язычницам, жрицам или служительницам Ашеры по обету. Ритуальный сексуальный контакт *zânâh* с действующим главой рода (семьи и т.п.) зачинал благословленного будущего правителя (главу семьи, рода), при том что остальные дети не получали такого права первенства. Таким образом, ритуал священного брака мог быть реализован на уровне более мелких социальных единиц (Кочергин 2019).

Опираясь на типологическое сходство между культурами скифов, сарматов, кочевых амореев-сутиев, а также их еврейских потомков, выражающееся в общей приверженности культурам плодородия, Великому женскому божеству, обрядам священного брака, в активной роли женщин в религиозной и социальной жизни, можно (с известной степенью вероятности) предположить наличие семантической линии, соединяющей обе культуры. Так называемые «сарматские жрицы» были служительницами неизвестной сарматской богини с функциями божества плодородия; возможно, в кочевом варианте, это было божество огня, солнца и домашнего

очага. При этом женщины из различных слоев общества могли быть готовыми служить богине. Некоторые из них, возможно, осуществляли священные функции на различных уровнях социальной организации, начиная с семьи и заканчивая царским родом. В согласии с ритуалом *hieros gamos*, они могли воплощать свою богиню в брачных контактах с мужчинами, следствием которых должно было стать рождение благословленных «первенцев» и освящение будущего существования привычного им мира и его процветание. С этим же могли быть связаны функции поддержки репродукции и здоровья общества (акушерство, знахарство) и обеспечение сопутствующих этому обрядов.

Литература

- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. № 2. С. 57–87.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Буллах А.М.* Социальный статус женщины в традиционном обществе осетин и их предков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005.
- Глухов А.А.* Сарматы междуречья волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград, 2005.
- Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: «Пережитки матриархата у сарматов» // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Клейн Л.С.* Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб., 2016.
- Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М., 1977.
- Королькова Е.Ф.* Великая Богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сборник научных статей. СПб., 2009. С. 11–28.
- Кочергин С.С.* Особенности употребления термина *zānâh* в Ветхом Завете // Кондаковские чтения VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Мат-лы VI междунар. науч. конф. Белгород, 2019.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Изв. Археол. комиссии. 1913. Вып. 49. С. 1–62, 133–140.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Савроматская культура // Степи европейской части СССР в Скифо-сарматское время. М., 1989.
- Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1964.
- Хазанов А.М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Шaub И.Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–223.

- Шевченко Н.Ф.* «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141–154.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии: исследование, статьи, лекции. Л., 1936.
- Яценко С.А.* О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э.) // Народы и религии Евразии. 2007. № 1. С. 58–66.

А.А. Кузнецов

БИОГРАФИЧЕСКО-ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КНЯЗЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Историография раздробленной Руси XII–XIII вв. разделяется на самобытные и часто независимые традиции исследования. Они по-разному решают схожие проблемы. Среди вариантов решений есть и те, что можно продуктивно проецировать на изучение проблем истории другого субъекта раздробленной Руси в XII–XIII вв. Примером могут служить Владимиро-Суздальское и Галицко-Волыньское княжества. В XII в. потомки Юрия Долгорукого и Мстислава Великого находились в разных станах, а Северо-Восточная Русь и Юго-Западная Русь – в разных природных и этнокультурных зонах.

Биографии князей Романа Мстиславича (род. в начале 1150-х годов) и Всеволода Юрьевича (род. 1154) обнаруживают схожие эпизоды. По информации Кадлубка (см. возражение: Домбровский 2015. С. 261), Роман «почти с колыбели воспитывался» при дворе своего стряпа Казимира Справедливого (Щавелева 1990. С. 95, 109, 131). А Всеволод в 1162–1168 гг. пребывал в Византии (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521). Нахождение Романа в Польше могло быть связано с желанием матери Агнешки, а вот Всеволод и его мать были изгнаны Андреем Боголюбским.

Еще бóльшая аналогия проступает между биографиями Всеволода и сына Романа, Даниила. После гибели Романа в 1205 г. его вдова с Васильком бежала в Польшу, а Даниил оказался в Венгрии (Там же. Стб. 719). Лишь в 1211 г. он вернулся в Галич. Всеволод с родственниками с 1161/62 г. тоже оказался на чуж-

бине, и они тоже были разделены. Брат Мстислав отбыл в Асканлон, а Василько – на Дунай.

Византийская эмиграция вдовы Юрия Долгорукого – единственный довод, чтобы считать ее родственницей византийского императора. Подобные решения предлагаются и по вопросу происхождения матери Даниила Галицкого. Кроме византийского родства, ей приписываются венгерское или польское, поскольку монархи Андрей II и Лешек называли ее ятровью (женой брата) (Котляр 2008. С. 54–62). Хотя византийская версия считается чуть ли не общепринятой (Домбровский 2015. С. 267), ее критика (Котляр 2008. С. 54–62) так и не была опровергнута. Версии о венгерском, польском и «ромейском» происхождении второй жены Романа уравнивают друг друга. Им противостоит гипотеза о боярском происхождении жены Романа Мстиславича (Пашуто 1950. С. 194; Котляр 2008. С. 62–68).

Это же может быть решением и в случае со второй женой Юрия Долгорукого. Статусность ее византийского происхождения дала бы себя знать в генеалогии потомков Всеволода Большое Гнездо. А потому княгиня могла быть и не княжеского происхождения, что не помешало ей, как и вдове Романа, найти приют при зарубежном дворе.

Возможно, вторично был женат сын Юрия Владимировича Андрей. С учетом того, что к 1174 г. его старшие сыновья Мстислав и Изяслав, организаторы военных акций, умерли (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353, 365), а летописец от имени владимирцев, ростовцев, суздальцев и переяславцев заявил: «князь наш убьень, а дети у него нету; с(ы)нок его [маль] в Новгороде, а брать(и)я его в Руси» (Там же. Стб. 371; Т. 2. Стб. 595), – можно сделать вывод о двух браках Андрея Боголюбского. Сыном от второго брака был «сын» Юрий. Он родился после 15 августа, между 1160 и 1164 гг. (Кучкин, Сумникова 1996. С. 485, 487). Слово «сын» в сочетании с указанием на отсутствие детей у Андрея Боголюбского может объясняться династической неполноценностью Юрия: его мать могла быть не княжеского рода (Кузнецов 2009б. С. 135–137).

Эти факты позволяют обозначить проблемы обстоятельство/последствий заключений князьями повторных браков и браков князей с женщинами не княжеского происхождения.

Первые женитьбы княжичей определялись родителями. А вот повторные браки, вероятно, инициировались самими женихами-князьями. Мономах во второй и в третий раз женился (Назаренко 2001. С. 596–606) в зрелом возрасте, и выбор супруг уже исходил от него самого. Так же поступали его сын Юрий и внуки Андрей и Всеволод Юрьевичи. Повторные браки князей связаны с вопросом о распределении наследства между сыновьями. Он разбирался в историографии окказионально. Так, было установлено, что Мономах общерусскую власть передавал старшему Мстиславу и его потомству, а младшим сыновьям определил земли (например, Ростовскую – Юрию) и послушание старшим. Коль скоро матерью младших Мономашичей была вторая жена Владимира, получается, что приоритет в наследовании был отдан сыновьям от первого брака. Подобное наблюдается и в случае детей Юрия Долгорукого, если у него был второй брак. Андрей Боголюбский узурпировал власть в Залесской земле, поскольку его отец отводил ее младшим Михалку и Всеволоду (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372), а старшим прочил великокняжеский юг.

Кроме воли отца, после его смерти взрослые сыновья от первого брака решали судьбу наследства и его доли для младших сводных братьев. Потомство от второго брака могло оказаться «эффективным» при отсутствии сыновей от первого брака. Так, у Романа Мстиславича детей от брака с Предславой не оказалось. А вот Всеволод Юрьевич был вынужден определять наследников среди шести сыновей, рожденных в одном браке. Он пошел на разделение княжества, отдав Константину с детьми ростовскую часть. Остальную землю вместе со старшинством среди братии Всеволод передал второму сыну Георгию (Юрию) (Кузнецов 2009а. С. 80–82). Соотнесение фактов и событий в разных русских землях показывает, что четкого определения наследников в ней за XII в. выработано не было.

Навязывание родителями невест юным княжичам могло вести к несчастливым бракам и протестам, ярко проявившимся на юго-западе: отказ Ярослава (Осмомысла) от законной супруги в пользу Настасьи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564, 657), сожительство Вла-

димира Ярославича с попадѣй (Там же. Стб. 659–660), решительность Романа в вопросе об отправке первой жены в монастырь (Там же. Стб. 412–413).

Всеволод Юрьевич стал исключением в том, что касается выбора первой жены. В историографии есть две версии ее происхождения: безродная ясыня или дочь чешского князя. Первый вариант основан на косвенных данных Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, второй – на прямых свидетельствах летописания XV–XVI вв. Мы поддерживаем «ясскую гипотезу» (Кузнецов 2016), поскольку она более убедительна и с точки зрения биографических реалий. Какой чешский князь Шварн (его нет в источниках XII в.) отдаст за Всеволода-Дмитрока, появившегося на юге Руси в возрасте 15 лет в качестве подручника, свою дочь, а потом позволит ему выдавать замуж ее сестер? Учитывая первое упоминание жены Всеволода лишь в 1175 г., указания на рождение детей, их брак мог состояться лишь до 1175 г., когда путь к владимирскому столу был еще непредсказуем. За князя без княжества, находившегося на южном пограничье, и не всякий Рюрикович рискнул бы отдать свою дочь. Браки с представительницами не княжеских родов, вообще, оказываются более распространенными, чем кажется на первый взгляд. Так, и сын черниговского князя оказывается женат на незнатной ясыне (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624–625), и Ярослав Владимирович тоже (Кузнецов 2016. С. 17–18).

Известны случаи женитьбы князей на не княжках в Новагороде (Гиппиус 2003. С. 74): повторный брак Мстислава Владимировича в 1122 г., брак Святослава Ольговича в 1137 г., брак Мстислава Юрьевича в 1156 г. и брак Мстислава Ростиславича. Такие браки были типичны и для князей других древнерусских земель. Кроме браков с ясынями, в этот ряд попадают вторые браки Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского; связь Ярослава Осмомысла, от которой появился Олег Настасьич, получивший по завещанию Галич; а также второй брак Романа Мстиславича. В этом случае вдовы князей Юрия Долгорукого и Романа, если они были даже не княжеского происхождения, воспринимались европейскими суверенами как наследницы своих мужей, да и «сынок» Юрий как наследник Андрея Боголюбского считался князем у половцев и при дворе царицы Тамар (Еремян 1946).

Династии Владимиро-Суздальского и Галицко-Волынского княжеств сойдутся во втором десятилетии XII в. Центром этого стягивания станет Мстислав Мстиславич, выдавший дочерей в 1213 г. за Ярослава Всеволодича (ПСРЛ. Т. 41. С. 131) и в 1219 г. за Даниила Романовича (Там же. Т. 2. Стб. 732). Мстислав оженил юных князей, которые лишились отцов, и мог претендовать на позиционирование себя «отцом», как это было заявлено Ярославу в 1216 г. (Там же. Т. 3. Стб. 54, 254). Через Ярослава Мстислав пытался закрепить за собой, как минимум, Новгород, а через Даниила – Юго-Западную Русь.

Соотнесение биографическо-брачных моментов в истории Юго-Западной и Северо-Восточной Руси и их историографических трактовок позволяет поставить под сомнение мнение о «равной знатности» жен русских князей во времена раздробленности. Отказ от этой презумпции расширяет возможности историко-антропологического анализа поведения князей при выборе супруг, отношений в семьях и отношения к детям, прав детей от первого и второго браков князей. Всё это влияло на них как политических акторов внутри и вне Руси.

Литература

- Гиппиус А.А.* Петр и Якша: к идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 66–76.
- Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.
- Еремян С.Т.* Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Труды Ереванского государственного университета. Ереван, 1946. Т. 23. С. 389–421.
- Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.; Киев, 2008.
- Кузнецов А.А.* Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // *Ruthenica*. Киев, 2009. Т. 8. С. 66–96. (а)
- Кузнецов А.А.* Родственники Андрея Боголюбского в аспекте изучения обстоятельств и последствий его гибели // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 1. С. 135–139. (б)
- Кузнецов А.А.* Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение // Там же. 2016. № 2. С. 17–27.

Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 476–509.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Пашута В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.

А.В. Кузьмин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЯ ГАЛИЧА И БОЯР В ПОНИЗЬЕ В 1241 г.

В 1240–1241 гг. во время движения монгольских войск на страны Восточной Европы разорялись города и волости Средне-го Поднепровья и Юго-Западной Руси. Нашествие сопровождалось убийствами и уводом захватчиками вслед за собой части населения страны. Оно подорвало развитие общественных отношений, экономики, культуры, образования и связанных с ними различных видов ремесел в разных землях Руси, причем даже в тех, которые прямо не пострадали от военных действий.

Несмотря на тяжелый урон, были отдельные области Руси, где во второй половине XIII в. местное население сумело сохранить свой быт, политический и хозяйственный уклад. Так, например, к северо-западу от Киева свою живучесть проявило население Полесья.

Схожие тенденции в относительно быстром восстановлении наблюдаются и в ряде районов Юго-Западной Руси. Еще зимой 1240/41 и в 1242 г. защитникам Кременца, Данилова и Холма удалось отразить монгольский штурм своих укреплений.

Однако был и другой, хотя и не часто упоминаемый в источниках путь – капитуляция. Его избрало население ряда западных волостей Среднего Поднепровья, оказавшееся брошенным на произвол своими князьями. По-видимому, зимой 1240/41 г. политические лидеры этих волостей и расположенных на их территории городов были под сильным впечатлением от разгрома монголами Переяславля-Русского, Чернигова, Новгорода-

Северского, Киева и других важных центров Южной Руси. Кроме того, в это время правителем Киева считался их политический противник – в.кн. Даниил Галицкий. Под его стягом они не собирались воевать против захватчиков.

Так, например, поступило зимой 1240/41 г. население Болоховской земли, разделявшей владения правителей Киевского и Волынского княжений. Будучи враждебны великому князю Даниилу Галицкому, болоховцы не стали бороться против монголов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 792).

Тактика захватчиков в отношении болоховцев опиралась на предшествующий опыт их правителей. Подчинив себе во время походов какую-либо область или город без большой борьбы, монголы стремились сразу же обложить их население данью. Так в 1231 г. поступил Джурмагун после захвата Гебриза.

В Южной Руси были области, которые после ухода захватчиков всё ещё считались престижными и доходными, хотя и подверглись разорению. В начале 1241 г. после бегства великого князя Даниила часть его бояр воспользовалась параличом системы управления в Галицкой земле. Особенно сильно злоупотребляли этим «бояре... Галичстии»; они «Данила княземъ собѣ называхоу, а самѣ всю землю держахоу».

Среди таких бояр выделялся Доброслав Судьич. Сначала он «вокнажилъсѧ бѣ... и грабаше всю землю», а затем, выехав из Галича, отправился в Познзье (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789). На доходность этой области указывает тот факт, что в 1227 г. в Познзье после своего ухода из Галича хотел остаться князь Мстислав Удатный (Там же. Стб. 752). В 1241 г. Доброслав «въшед(ъ)» в Бакоту и «все Познзье приѧ, безъ княжа повеления». Его соперник Григорий Васильевич подчинил себе «горною страну Перемышльскоую» (Там же. Стб. 789). Успех этих бояр вряд ли может быть объяснен многочисленностью их дружин. Для 1241 г. подобное предположение весьма шатко. Обращение к источникам помогает разрешить затруднения. Оказывается, что даже в 1230-х годах военно-служилая знать Перемышльского княжения и Познзья нередко поддерживала тех лидеров (например, Володислава Юрьевича, Судислава Ильича и др.), кото-

рые выражали интересы противников установления здесь власти князя Даниила (Там же. Стб. 762–775).

На первый взгляд, доходы боярина Григория были меньше, чем у Доброслава. Наряду с городами, расположенными в Южном Полесье, Поросье и Погорынье, а также находившимися к западу от них Галичем (45 га), Звенигородом (ок. 25 га) и Тербовлем (2,8 га), зимой 1240/41 г. Перемышль (ок. 10 га) подвергся жестокому, но короткому по времени разорению. Однако этот город в сравнении с Бакотой имел одно преимущество. Через него проходил старинный путь из Среднего Поднепровья в Великую Польшу. Из Владимира-Волынского на юго-запад по направлению к Перемышлю была проложена еще одна дорога, в верховья р. Сан (Пашуто 1966. С. 94).

Во время движения монголов через Южную Русь ее торговые пути не функционировали. Однако после ухода основной части захватчиков через карпатские перевалы в Венгрию по этим путям вновь началось движение населения и товаров во все направления вплоть до р. Днепр (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791).

Сбор в Перемышле судебных, торговых и таможенных пошлин обретал в лице боярина Григория нового владельца. Как и в Коломые, часть местного населения была занята добычей и продажей соли (Пашуто 1950. С. 174). В Перемышле Григорий формально символизировал княжескую власть. Впрочем, эта преемственность не была легитимна в глазах правителя Галича и его окружения, т.к. он не санкционировал этого держания/кормления.

В 1241 г. такие действия Доброслава и Григория не были случайными. Еще в 1234–1235 гг. они входили в группу бояр, которые «кормолили» против князя Даниила (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 771–774).

В Познзье Доброслав чувствовал себя уверенно. Он контролировал область, включавшую несколько городов (Коломыю, Бакоту, Онуг, Хотен, Кучельмин и Ушицу). Нарушая традицию, без разрешения правителя боярин начал здесь раздавать кормления. Он не прекратил делать этого даже после приезда к нему великокняжеского представителя – стольника Якова Марковича, хотя тот передал боярину ясный приказ: «...кнзъ вашъ азъ есмь, повеления моего не творите – землю грабите. Черниговских(ъ) боярь не

велѣх ти, Доброславе, приимати, нѣ дати волости Галичкимъ, а Коломыйскою соль ѡтлоучите на ма» (Там же. Стб. 789).

«Бес повеления княжа», Лазарь Домажирович и Ивор Молибожич, «два безаконника, ѡт племени смердѣ», незаслуженно получили от Доброслава в держание Коломыю (Jusupović 2013. S. 12, 19, 36, 70, 72–73, 77, 87, 130–131, 169–170, 196, 198–201, 224, 306). Сделать это они могли лишь после того, как пообещали (или уже выплатили?) крупную сумму денег в пользу Доброслава (Греков 1952. С. 297). Эти действия противоречили установившемуся принципу «старейшинства-местничества», который «действовал при распределении волостей среди князей и бояр» (Новосельцев и др. 1965. С. 54–55).

Характеристика Лазаря и Ивора и при этом их тесная связь с боярством заставляют думать, что они были потомками зажиточных смердов. Родители или деды Лазаря и Ивора могли находиться на службе у влиятельных бояр или заниматься крупной торговлей. Вероятно, достигнув статуса богатых («добрых») людей, они могли передать свое наследство детям. Опираясь на него, следующее поколение этих семей в лице Лазаря и Ивора вошло в круг младших бояр. Б.Д. Греков предполагал, что они были клиентами Молибоговичей (Греков 1952. С. 297, примеч. 8), а В.Т. Пашуто считал, что Ивор происходил из этого рода (Пашуто 1950. С. 225), с чем, однако, трудно согласиться. Лазарь и Ивор зависели от расположения к себе либо правителей Галича, либо таких великих бояр (отчасти тоже людей «в случае»), каким в 1241 г. оказался Доброслав.

Решение Доброслава по Коломыи противоречило приказу правителя Галича. Раздача держаний и кормлений – известная княжеская prerogativa. Так, например, вернувшись в 1233/34 г. в Галич, князь Даниил «приа землю Галичьскоую, и розда города бояромъ и воеводамъ, и бѣаше корма оу нихъ много» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 771). При этом соль из Коломыи или доходы от ее продажи (из-за часто высокой рыночной цены) шли на раздачу княжеским «ѡроужьникомъ» (Там же. Стб. 789–790).

В этом известии Б.Д. Греков видел признак того, что «коломыйская соль всегда была государственной регалией» (Греков 1952. С. 297). П.С. Стефанович отмечает, что эти слова «можно

толковать и так, что князья дают своим оружникам Коломью в кормление, и так, что они передают доходы с этого кормления в виде жалования». По его мнению, «второй вариант выглядит более естественным, потому что трудно представить себе некое коллективное кормление не для двух-трех людей, а целой группы» (Стефанович 2012. С. 333–334). С этим выводом трудно согласиться. В Литовской метрике можно найти примеры, когда в XV в. правители Великого княжества Литовского жаловали представителей различных слоев русского военно-служилого сословия, передавая в коллективное держание отдельные села или пути.

На наш взгляд, появление Якова в Коломые вряд ли могло быть связано лишь с передачей им княжеского приказа, хотя в XIII в. посольские и иные функции стольников хорошо известны (Кузьмин 2015. С. 40–52). Не исключено, что приезд Якова был вызван еще одной целью. В Коломые стольник также мог быть занят исполнением своих основных обязанностей, а они заключались в управлении дворцовым обиходом и хозяйством (в данном случае – правителя Галича).

Основание высказать такое предположение дает тот факт, что в первой четверти XIV в. наместником последних галицко-волинских Рюриковичей в Коломые также выступал стольник. Поэтому нельзя исключать, что в XIII–XIV вв. в ее волости мог располагаться стольничий путь.

П.С. Стефанович полагает, что «коломыйское кормление давало, видимо, по сравнению с другими кормлениями доход больше именно деньгами (а не натуралиями), так как это были, вероятно, либо доходы с княжеских солеварен, либо отчисления с соляной торговли, которую вели жители» (Стефанович 2012. С. 334). С этим выводом сложно полностью согласиться, учитывая господство натурального обмена в экономике. В Литовской метрике можно найти примеры массовой раздачи во второй половине XV в. различным по иерархическому статусу боярам, слугам и воинникам не только денег, но «коп соли» как платы за службу. Вряд ли эта старина отличалась от середины XIII в.

Передача города Коломыя в руки таких неродовитых людей, как Лазарь и Ивор, рассматривалась старшими боярами великого князя Даниила как умаление его «величия». Ведь это было

нарушение и их прав в Понизье, где вместо традиционного (т.е. поочередного и на определенный срок) для этих людей кормления из рук Доброслава его стали получать пришлые черниговские бояре. По-видимому, ранее эти люди входили в состав дружин, бежавших в Венгрию еще в конце 1239 – начале 1240 г. Ольговичей. Оказавшись беженцами, они были вынуждены смириться со своим незавидным положением и в 1241 г. пойти на службу к Доброславу, хотя по происхождению он был всего лишь «поповъ внукъ». Таким образом, социальная лестница могла увести служилого человека на Руси не только вверх, но и спустить вниз из-за кризиса в течение всего 1–2-х лет.

Узнав в 1241 г. от своего стольника о событиях в Коломые, правитель Галича «скорбаше, и молашеса Б(ог)оу ѿ ѿчинѣ своеи, яко неч(е)с(ъ)т(и)вымъ симъ держати ю и ѿбладати ею». Даниил Романович был вынужден терпеть некоторое время захват Понизья Доброславом, а Перемышля – Григорием. Воспользовавшись их борьбой, великий князь ждал удачного момента. В итоге, эти бояре, вынужденные искать суда правителя для разрешения своих противоречий, по его приказу в том же году в Галиче были арестованы и осуждены. Первенство княжеской власти в Перемышле и Понизье было восстановлено, а имена этих бояр исчезают из летописей.

В 1241 г. контроль над Бакотой на определенный срок перешел к печатнику Кириллу. Здесь он должен был «исписати грабительства неч(е)с(ъ)т(и)выхъ бояръ», и «оутиши землю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789–790). Одним из путей восстановления старины должна была стать ликвидация незаконных кормлений черниговских бояр. Впрочем, не исключено, что при остром дефиците служилых людей какая-то часть из них могла остаться в Понизье, но только после принесения клятвы верности великому князю Даниилу Галицкому и обряда крестоцелования. Таким образом, должны были быть ликвидированы последние следы боярского самовластья в 1241 г.

Литература

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. 2-е изд., испр. и доп. Кн. 1. М., 1952.

Кузьмин А.В. На пути в Москву. М., 2015. Т. 2.

Новосельцев А.П., Пауто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Пауто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950.

Пауто В.Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966.

Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. М., 2012.

Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205–1269). Kraków, 2013.

А.В. Лаушкин

«ВЪВРАЩЕНИЕ С ПОБЪДОЮ»: ДОМОНГОЛЬСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ В СВЕТЕ ВОЗМОЖНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Источники домонгольского времени не позволяют ответить на вопрос, сложился ли на Руси устойчивый церемониал возвращения победоносных княжеских дружин с войны. Они доносят лишь разрозненные элементы церемоний, устраивавшихся по такому случаю. Эти скудные данные имеют, в основном, летописное происхождение и позволяют полагать, что среди подобных церемоний могли быть: торжественная встреча победителей при въезде в княжеский город, демонстрация победителями плененных неприятелей, публичное распределение добычи, благодарственное богослужение в храме. Относительно последнего отметим, что в ряде случаев религиозное звучание церемоний победы, по-видимому, сознательно подчеркивалось их организаторами через приурочение торжества к крупному церковному празднику либо воскресному дню или его кануну (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282, 413, 415, 433; Т. 2. Стб. 258, 540, 569, 678). По мнению Д.С. Лихачева, встреча князя и его воинов могла сопровождаться и пением «славы» в честь победителей (Лихачев 1985. С. 57, 78, 119). П.С. Стефанович предположил, что в обобщенном виде совокупность всех торжественных церемоний, связанных с возвращением князя после удачного похода на врага, летописцы могли обозначать формулами: вернулся «с честью (и с славою) великою», «с славою и честью», «с победою» (Стефанович 2004. С. 76–77, 82). Эти формулы встречаются в лето-

писи гораздо чаще, чем упоминание конкретных действий, перечисленных выше.

При всей бедности материала, находящегося в руках исследователей, его следует сопоставить с уходящей корнями в античную эпоху традицией императорских триумфов. Эта традиция в христианизированном виде была не только унаследована Византией, но и, как показал М. Маккормик (McCormick 1986), отразилась в придворном церемониале многих стран раннесредневековой Западной Европы. Сходство отмеченных древнерусских церемоний с соответствующими компонентами византийского церемониала триумфов позволяет поставить вопрос о том, имеем ли мы дело на Руси с рецепцией византийских образцов или же это сходство имело иные причины.

Литература

- Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
Стефанович П.С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // ДРВМ. 2004. № 2 (16). С. 63–87.
McCormick M. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambridge, 1986.

Е.В. Литовских

«В ТЕ ВРЕМЕНА ИСЛАНДИЯ БЫЛА ПОКРЫТА ЛЕСАМИ ОТ МОРЯ ДО ГОР»

Активное освоение Исландии нанесло непоправимый ущерб ее аборигенной флоре и фауне. Массовое заселение пришлось на время потепления, остров был богат разнообразной растительностью. Первопоселенцы не подстраивались под природные и климатические условия, а пытались сохранить прежнюю, перенесенную из Норвегии схему хозяйствования. По мнению Бьярни Эйнарссона, исландцы «недальновидно занимались мотовством», уничтожая защитную березовую поросль ради пастбищ и массово вырубая лес на дрова (Bjarni F. Einarsson 1995. P. 49–56; см. также: Smith 1995; Amorosi et al. 1997; Orri Vésteinsson 1998. P. 5–7). В результате, уже к XII–XIII вв. из-за ограниченных ресурсов почвы и похолодания, вызванного малым ледниковым периодом, островитяне были вынуждены переориентироваться

на овцеводство и рыболовство, приоритет которых сохранялся в Исландии вплоть до XXI в.

Исландская археология предоставляет богатый и очень точно датированный (из-за частых извержений вулканов, пепел которых дает четкие, иногда вплоть до года, хронологические пласты) материал, благодаря которому можно легко проследить как смену хозяйственных моделей, так и динамику распространения видов растительности (Margrét Hallsdóttir 1987; McGovern et al. 1988; Vilhjálmur Ö. Vilhjálmsson 1991. P. 102–103).

Общепринятым с легкой руки М.И. Стеблин-Каменского (1984. С. 44–50) считается, что бытовые детали, – в том числе касающиеся исландской флоры, – присутствующие в средневековых исландских письменных источниках, относятся ко времени создания этих произведений. В первую очередь, это касается родовых саг, на данную жанровую особенность которых исследователи распространяют традиционное средневековое мировоззрение. Согласно последнему, окружающий мир пребывает в неизменности, а роль скоро создателям саг свойственно «неосознанное» авторство, то и бытовые детали и пейзаж они должны описывать те, что окружают их, а не вносить в них сознательные изменения, как придерживаясь исторических реалий, так и исходя из сюжетных поворотов.

На протяжении XII–XIII вв. в Исландии было создано большое количество разнохарактерных произведений, в которых по-разному отображалась исландская природа. В первых исторических трудах оказались отражены ландшафты и окружающая среда, характерные для того периода, о котором в них идет речь.

«Книга об исландцах» ввиду своей краткости практически не упоминает исландской флоры. В ней имеются всего два таких фрагмента, и оба связаны с присутствием на острове в X в. лесного покрова. В главе «О заселении Исландии» говорится, что «в то время в Исландии лес рос от гор до побережья» («í þann tíð var Ísland víði vaxit á miðli fjalls ok fjöru». – Íslb. К. 1), а в главе «О создании альтинга» отмечается, что «с тех пор там можно было свободно рубить лес для альтинга» («af því es þar almenning at víða til alþingis í skógum». – Íslb. К. 3).

Практически теми же словами, что и в «Книге об исландцах», в «Книге о занятии земли» описываются исландские пейзажи

периода начального освоения острова («ok var þá skógur milli fjalls ok fjögu». – Landn. К. 1, 19). Возможно, этот оборот был заимствован авторами «Книги о занятии земли» из произведения Ари, однако наличие леса подтверждается и другими упоминаниями растительного покрова в «Книге о занятии земли».

Строевого леса в больших количествах и тайги в Исландии никогда не было, но в X–XI вв. – до эрозии почвы, вызванной неправильным ее возделыванием, и массовой вырубке деревьев – лесной покров был таким обширным, что в лесах терялся скот (Landn. К. 40, 62) и люди успешно прятались от преследования (Landn. К. 45, 69).

Разнообразие растительности ярко отразилось в исландских топонимах, которыми богата «Книга». Их (в отличие от прозвищ, часто служащих парафразами, и вис, устойчивые обороты в которых могли сохранять в себе норвежские, а не исландские реалии) можно считать релевантными, поскольку первопоселенцы часто именовали окружающее по отличительным деталям ландшафта. Многие из топонимов «Книги» содержат в себе элемент, связанный с лесом: *-holt*, *-mörk*, *-skógr* («лес/лесок» – 40 различных топонимов: Landn. К. 24, 34, 39, 41, 56, 90 и др.), *hrís-* («заросли». – Landn. К. 20), *kjarr-* («кустарник». – Landn. К. 22), *-lundr* («роща». – Landn. К. 24, 72). В топонимах «Книги» отразились рябина (Landn. К. 15), осина (Landn. К. 70), ива (Landn. К. 25), болотные ягоды (Landn. К. 17), хвощ (Landn. К. 72), дягиль (Landn. К. 19), пушица (Landn. К. 35), подмаренник (Landn. К. 70). При этом строевые деревья, отраженные в топонимах, – ясьень (Landn. К. 25, 77), сосна (Landn. К. 27), ель (Landn. К. 44) – были прибойными, о чем говорится в соответствующих топонимических легендах.

Еще одно произведение XIII в. – «Сага о Стурлунгах» – практически современна описываемым событиям, следовательно, растительный мир на ее страницах должен отражать реалии XIII в. Бытовые детали в «Саге» вообще скудные: как правило, встречаются лишь сенокос и выпас скота, которые присутствовали в Исландии на всем протяжении ее истории. На страницах «Саги» упоминаются бревенчатые строения (Sturlunga. Кар. 33, 39, 61, 63; ср.: Landn. К. 71), но в это время их возводили за счет покупного строительного леса из Норвегии (Sturlunga. Кар. 35),

а в качестве топлива постоянно использовали хворост (Sturlunga. Kap. 5, Kap. 34, 55; ср.: Landn. К. 58; Gretla. К. 32) и плавник (Sturlunga. Kap. 35; ср.: Egla. К. 29). Сбор хвороста и плавника практиковался на острове постоянно, что не позволяет считать эти детали хрономаркерами.

Совершенно иная картина наблюдается в родовых сагах. Сюжетные повороты одной из самых известных и показательных родовых саг – «Саги о Ньяле», записанной в 1275–1280 гг., – тесно связаны с лесом. Из-за несогласованной вырубке в лесу, находившемся в совместном пользовании главных героев «Саги» Гуннара и Ньяля, началась вражда их жен (Njála. К. 36; ср. частные лесные угодья: Njála. К. 64; Egla. К. 24, 62), одной из жертв которой стал работник, пережигавший в лесу уголь (Njála. К. 38). Из-за леса в «Саге» затеваются судебные тяжбы (Njála. К. 64; ср.: Landn. К. 97), лес расчищают (Njála. К. 36; ср.: Landn. К. 23; Hrafnkatla. К. 14; Grænlinga. К. 5) и активно используют в строительстве (Njála. К. 69, 77, 129; ср.: Egla. К. 22, 38; Gísla. К. 22, 31; Laxdæla. К. 64, 65). Всё вышеперечисленное, безусловно, относится к реалиям X в.

Кроме того, как в «Саге о Ньяле», так и во многих других родовых сагах сохраняется мотив бегства от преследования в лес (объявленный вне закона Греттир, например, скрывался в лесу несколько лет. – Gretla. К. 52; ср.: Njála. К. 12; Gísla. К. 28; Laxdæla. К. 12). Однако к концу XIII в. (если родовые саги отражают реалии времени их записи) так основательно спрятаться в редких оставшихся кустарниках и карликовых березах было невозможно (Orri Vésteinsson 1998. P. 25–26).

При этом в родовых сагах присутствует и такая деталь, как массовая закупка норвежского леса (Njála. К. 32; Laxdæla. К. 22). В большей степени она характерна для XIII в., когда древесина уже настолько ценилась, что ее продавцов спешили перехватить, пока те еще не пристали к берегу (Egla. К. 78; Gísla. К. 7; Grænlinga. К. 4; Njála. К. 2). Главными импортными товарами в Исландии XIII в. были именно мука и лес (в устойчивой папе *mjöl ok við*. – Njála. К. 2, 6, 9, 11, 32; Egla. К. 18, 19, 62; ср.: Sturlunga. Kap. 15).

Если в «Книге о занятии земли» первопоселенцы активно засеивали все пригодные для этого территории, землю под пашню рас-

пахивали плугом, который тянули быки (Landn. К. 6, 49), а в топо-
нимах встречаются пашни (Landn. К. 15, 74; ср.: Egla. К. 29), лён
(Landn. К. 55) и уваженные поля (Landn. К. 35; ср.: Njála. К. 44),
то в родовых сагах при описании того же исторического периода
присутствует двойственная картина. С одной стороны, именно
нехватка сена (а не неурожаем зерновых) описывается в них как
угроза голода (Njála. К. 47), лучшую землю отдавали под пастби-
ща (Laxdæla. К. 32). А с другой – в той же «Саге о Ньяле» два вит-
ка крупного конфликта связаны с тем, что герои заняты севом,
вручную разбрасывая зерно из лукошка (Гуннар. – Njála. К. 53;
Хёскульд. – Njála. К. 70; ср.: Njála. К. 36); пашня служит пред-
метом тяжбы (Njála. К. 67). Широко известен и эпизод «Саги», когда
уезжающий Гуннар любителю желтеющими (следовательно, засе-
янными зерновыми) полями (Njála. К. 75).

Археологически подтверждается, что в XIII в. исландцы уже
отказались от пахоты, вынужденно используя для своих нужд
только покупную норвежскую муку (Guðrún Sveinnbjarnardóttir
1992. P. 13–64). Однако во время действия «Саги о Ньяле» (ко-
нец X – начало XI в.) попытки земледелия еще совершались.

Тем самым получается, что упоминания в родовых сагах ле-
сов и пашен – это реалии X в., что позволяет иначе взглянуть на
датировку различных саговых пластов. При этом необходимо
учитывать, что большинство из этих упоминаний относятся не
столько к бытовым подробностям, сколько к сюжетообразую-
щим деталям, следовательно, они могли сохраниться с X в. в
неизменном виде даже при передаче в устной традиции.

Источники и литература

- Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
- Amorosi T., Buckland P., Dugmore A., Ingimundarson J.H., McGovern T.H.*
Raiding the Landscape: Human Impact in the Scandinavian and North
Atlantic // *Human Ecology*. 1997. Vol. 25/3. P. 491–518.
- Bjarni F. Einarsson.* The Settlement of Iceland: A Critical Approach.
Granastaðir and the Ecological Heritage. Reykjavík, 1995.
- Guðrún Sveinnbjarnardóttir.* Farm Abandonment in Medieval and Post-
Medieval Iceland: An Interdisciplinary Study. Oxford, 1992.
- Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið
íslenska fornritafélag, 1968. (Íslensk fornrit, I).
- Íslendinga sögur. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933–1991 (Íslensk
fornrit, I–XIV).

- Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1974. (Íslensk Handrit. Ser. in folio; Bd. 3).
- McGovern Th.H., Bigelow G.F., Amorosi T., Russel D.* Northern Islands, Human Error, and Environmental Degradation: A View of Social and Ecological Change in the Medieval North Atlantic // *Human Ecology*. 1988. Vol. 16/3. P. 225–270.
- Margrét Hallsdóttir.* Pollen Analytical Studies of Human Influence on Vegetation in Relation to the landnám Tephra Layer in Southwest Iceland. Lund, 1987.
- Orri Vésteinsson.* Patterns of Settlement in Iceland: A Study in Prehistory // *Saga-Book of the Viking Society*. L., 1998. Vol. 25/1. P. 3–29.
- Smith K.P.* Landnám: the Settlement of Iceland in archaeological and historical perspective // *World Archaeology*. 1995. Vol. 26. P. 319–347.
- Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn gáfu út.* Reykjavík, 1946. Bd. 1–3.
- Vilhjálmur Ö. Vilhjálmsson.* Radiocarbon Dating and Icelandic Archaeology // *Laborativ arkeologi*. 1991. Vol. 5. P. 101–113.

П.В. Лукин

«ВЕСЬ НОВГОРОД» И ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОММУНА: ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Автору этих строк уже неоднократно приходилось писать (Лукин 2017) о понятии «весь Новгород», которое распространилось в Новгороде в конце XII в. и стало важнейшим обозначением новгородского «политического народа», т.е. сообщества полноправных новгородцев, свободных мужчин, жителей концов и улиц, имевших право участвовать в политической жизни, прежде всего в вечевых собраниях. В то же время это обозначение выступало в роли наименования своего рода коллективной личности, от имени которой могли принимать решения и действовать другие органы власти и должностные лица (в первую очередь посадники). Впоследствии оно претерпело определенное развитие. Не позднее конца XIV в. в том же значении начинает использоваться более торжественное выражение «весь Великий Новгород» (Лукин 2018. С. 393, 407) и появляются еще более расширенные наименования: «весь господин Великий Новгород», а также – относительно незадолго до ут-

раты республикой самостоятельности – «весь господин господарь Великий Новгород». История этих обозначений должна быть рассмотрена отдельно, но уже сейчас можно сказать, что содержательно они функционируют так же, как и «весь Новгород», т.е. для характеристики «политического народа», подчеркивая его высокий статус. Что касается «господаря», то, вопреки встречающимся оценкам (Несин 2015. С. 25–27), при отсутствии четких свидетельств чтения «государь» в оригиналах новгородских источников этого времени (чаще всего это слово дается в сокращении под титлом), по умолчанию следует принимать именно документально засвидетельствованное чтение «господарь» (Золтан 2002; Кром 2018. С. 62–64). Так или иначе, распространение таких наименований отражало притязания Великого Новгорода на равенство в отношениях с Москвой.

В историографии имеется, однако, точка зрения, согласно которой «в Новгороде не было абстрактного термина, который бы организованное городское сообщество использовало для обозначения своего коллективного единства как коммуны». Такое обозначение, как «Господин Великий Новгород», применялось не для выражения коллективного единства горожан, а для отстаивания равенства Новгорода с князьями и акцентирования его прав на «суверенитет». И в этом усматривается одна из причин, почему Новгород нельзя сравнивать с такими «настоящими» средневековыми городскими республиками, как итальянские или далматинские, где такие термины были (*commune civitatis*, *communitas*, *universitas*, *općina*) (Steindorff 2015. P. 354–355).

В этом наблюдении есть, как представляется, и справедливые моменты, но с тезисом об отсутствии в Новгороде понятий, выражавших коллективное единство горожан, согласиться нельзя. Для древнерусского языка в принципе подобная «абстрактная» терминология была нехарактерна. Что касается южнославянской Далмации, то там было очень сильно итальянское влияние и, соответственно, влияние латинской терминологии. В частности, как справедливо отмечает в другой работе сам Л. Штайндорф, понятие *općina*, зафиксированное источниками с первой половины XIII в. применительно к Дубровнику, возникло под влиянием соответствующих итальянских политико-правовых реалий и является отра-

жением латинских терминов *commune/communitas* (Steindorff 1984. S. 159–161). Но главное – в другом. Латинские наименования итальянских коммун далеко не сразу стали «абстрактными». Этому предшествовала определенная эволюция, которую можно проследить на примере Венеции (именно ее политическая терминология оказала определяющее воздействие на политическую терминологию далматинских городов, прежде всего Дубровника).

В середине XII в. в Венеции появилось специальное понятие, характеризующее «новую институциональную реальность», – *commune* («коммуна»), которое подразумевало уже не «народ вообще» (*populus*), а политическую организацию венецианцев с ее уже формирующимися органами власти (Castagnetti 1995. P. 88–89). Однако оно образовалось постепенно, из прилагательного *communis* (весь, общий), и в одном из первых документов, где упоминается венецианская коммуна, мы сталкиваемся именно с этим «переходным» состоянием:

Igitur ego Dominicus Maurocenus Dei gratia Venecie, Dalmatie atque Croatie dux sacramentum facio et eodem modo universo Anconitano populo iuro sicut ab exordio mei ingressus iuravi **cuncto communi Venetie populo** (выделено мной. – П.Л.), cui quoque populo omnes successores nostri sicut Venetico populo iurabunt in eorum introitu. (Итак, я, Доменико Морозини, Божьей милостью дож Венеции, Далмации и Хорватии, приношу клятву и присягаю народу Анконы так же, как я присягнул при моем вступлении в должность всему объединенному народу Венеции, каковому народу будут присягать и все наши преемники так же, как и венецианскому народу [клятва дожа Доменико Морозини (1148–1156), народу Анконы, 1152 г. – Marin Sanudo 1900. P. 235]).

Латинские прилагательные *cunctus* и *communis* означают, в принципе, одно и то же: «общий». Разница в нюансах: *cunctus* – «весь в целом, во всей совокупности», *communis* – «принадлежащий, свойственный всем». В этом смысле чрезвычайно показательным, что, когда в 1417 г. ганзейскому переводчику пришлось переводить на средненижненемецкий язык послание ливонским городам новгородского архиепископа, он при передаче, очевидно, выражения «весь Великий Новгород» использовал формулу *gantze gemeune Grote Nougarden* (ГВНП. № 54. С. 92), которая является точным

соответствием латинского *cunctus communis N* (средненижненемецкое прилагательное *gemene* имело значение, в частности, «принадлежащий к сообществу»; субстантивированное *dat gemene* – «общность, сообщество». – МНWB 2004. Bd. II, 1. Sp. 63–64).

В том обстоятельстве, что новгородское политическое сообщество не имело твердого и однозначного наименования, тоже нет ничего удивительного. В раннекоммунальной Венеции было то же самое. В трех венецианских документах, датирующихся одним и тем же 1160 годом и – что немаловажно – сохранившихся в оригиналах, дож принимает решения соответственно:

cum nostris iudicibus et preordinatis et populo Venecie (вместе с нашими судьями, назначенными и народом Венеции) (*iudices* и *preordinati* – по-видимому, обозначения венецианской знати. – Castagnetti 1995. P. 87–88) (Gli atti 1994. I, № 11. P. 61);

cum nostris iuditibus et aliis nostre patrie bonis hominibus nostris fidelibus iustitiam pertractantibus (вместе с нашими судьями и другими нашими добрыми верными людьми нашего отечества, обсуждающими приговор) (Ibid. I, № 12. P. 63);

cum nostris iuditibus, adiunctis quoque nobis sapientum viris consciatoribus, ut de honore nostri communis nobis cum fidelitate tractarent (вместе с нашими судьями, а также собравшись вместе с мужами из совета мудрых, которые должны верно заботиться вместе с нами о чести нашей коммуны) (Ibid. I, № 13. P. 65).

Таким образом, отсутствие, нечеткость, изменчивость «абстрактных» коммунальных понятий сами по себе не свидетельствуют об отсутствии коммунального (республиканского) строя. В этом качестве могут использоваться понятия и выражения, привычные для соответствующей культуры, и они оказываются вполне понятными и приемлемыми для носителей культур, где «абстрактные» понятия уже возникли. Древнерусские выражения типа «весь + N» вполне адекватно характеризовали «политический народ» Новгородской республики, во всяком случае, для того этапа, который применительно к Венеции принято называть эпохой ранней коммуны.

Литература

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590.

- Кром М.М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018.
- Лукин П.В.* Обозначение «весь Новгород» и формирование новгородского «воображаемого сообщества» // ВЕДС-XXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 137–143.
- Лукин П.В.* «Великий Новгород» // *Slovène: International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 383–413.
- Несин М.А.* О терминах «господин» и «государь», употребляемых применительно ко «всему Великому Новгороду», в новгородских публично-правовых актах XV столетия // *Valla*. 2015. № 1 (6). С. 23–29.
- Castagnetti A.* Il primo comune // *Storia di Venezia*. Roma, 1995. Vol. 2.
- Gli atti originali della cancelleria veneziana*. Venezia, 1994. Vol. I: 1090–1198 / A cura di M. Pozza.
- Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Neumünster, 2004.
- Marin Sanudo*. Le vite dei Dogi / A cura di G. Monticolo. Città di Castello, 1900. (Rerum italicarum scriptores; T. XXII, P. IV).
- Steindorff L.* Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert. Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen Entwicklung. Köln; Wien, 1984.
- Steindorff L.* La place de Novgorod dans le paysage urbain d'Europe // *Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles)*. Charenton-le-Pont, 2015. P. 351–361.

Е.А. Мельникова

СВЯЗИ СВЕАЛАНДА И ГОТЛАНДА С ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ

В традиции изучения восточноевропейско-скандинавских связей эпохи викингов доминирует внимание к Средней Швеции, Свеаланду, как основному региону Скандинавии, вовлеченному в связи с Восточной Европой. Справедливо подчеркивается ведущая роль сначала Хельгё (III–VIII вв.), а затем Бирки (IX–X вв.) – эмпориев на островах оз. Меларен, и, наконец, административного центра Свеаланда Сигтуны, отмечается присутствие восточнославянских древностей прежде всего в Бирке (*Eastern Connections* 2001–2004) и Сигтуне (*Fem stadsgårdar* 2011). Своего рода эталоном для характеристики восточноевропейских торгово-ремесленных центров X в., таких как Гнёздово, Тимерёво и др., давно уже общепризнана Бирка (Булкин, Лебедев 1974).

Формированию этой традиции, наряду с очевидными связями Восточной Европы со Svealandом, способствовало и то, что орнаментальные стили, ярко выделяющие предметы скандинавского происхождения в древнерусском материале, распространялись по всей Скандинавии, что не дает возможности – за редкими исключениями – связать те или иные находки в Восточной Европе с каким-либо одним определенным регионом. Из Средней Швеции происходит и большинство рунических стел X–XI вв. с надписями в память о людях, погибших или побывавших в Восточной Европе (3,9% от общего числа известных памятников в Упланде и 10% в Сёдерманланде), но практика воздвижения мемориальных камней была более всего распространена именно в этих областях Скандинавии. Исландские королевские и родовые саги упоминают многочисленные поездки норвежцев и исландцев в Восточную Европу и на Русь, но они почти ничего не знают о восточных связях других регионов Скандинавии. Таким образом, в своей совокупности скандинавские письменные и археологические источники, дополняя друг друга, свидетельствуют об интенсивных восточных связях не только Средней Швеции, но и Норвегии и Исландии, однако связи Юго-Восточной Швеции, Дании и Готланда остаются крайне слабо отраженными в них и, соответственно, выпадают из поля зрения исследователей. Целью данной работы является привлечение внимания к восточноевропейским контактам Готланда (их общий обзор см.: Blomkvist 2016) в их сопоставлении со Svealandом.

Важность (и очевидная необходимость) выделения Готланда среди других регионов Скандинавии вытекает уже из одного того факта, что на острове известно колоссальное скопление кладов восточных монет, количество и размеры которых оставляют далеко позади любую другую область Скандинавии, в том числе Svealand. При том, что на всей территории материковой Швеции известно ок. 20 000 дирхемов, на Готланде насчитывается более 70 000 монет, происходящих из 351 клада (состоящего из более чем 10 монет) (Jonsson 2009. P. 57–59). Восточноевропейские импорты на Готланде не систематизированы, но в исследованиях отмечается их присутствие (в частности, восточных накладок на пояса и др., см.: Jansson 1983. S. 227–243; Westholm 2009. S. 124–148), особенно отчетливое в X–XI вв. (например, в могильнике Barshalder: Rundkvist 2003. P. 74 ff.). Наиболее ярко древнерусско-византийские влияния проявились в XII в. во фресках нескольких

готландских церквей (Васильева 2008). Точно так же в работах, посвященных раскопкам отдельных поселений или могильников Восточной Европы, указывается присутствие готландских древностей – украшений по преимуществу: ладьевидных литых и витых браслетов, подвесок и т.п. (см., например, о Новгороде: Мусин, Тарабардина 2019. С. 775; о Киеве: Андрощук, Зоценко 2012. С. 69, 95, 101–106). По мнению Е.Н. Носова, первое поселение в Ладогe было основано готландцами (Носов 1999).

Разрозненность и несистематизированность археологического материала не позволяет делать сколько-нибудь категоричных выводов о характере русско-готландских отношений, однако их отличие от отношений со Свеаландом представляется вполне зримым. Об этом говорит, во-первых, очевидная диспропорция в поступлении восточного серебра (на Готланде его количество почти в четыре раза превышает находки на всей территории материковой Швеции); во-вторых, преобладание украшений среди готландских древностей в Восточной Европе (что, впрочем, может быть обусловлено отсутствием специфически готландских типов оружия и, соответственно, невозможностью выделить оружие «готландского происхождения»); в-третьих, полное отсутствие в готландских рунических надписях (их известно всего 8) упоминаний о военной деятельности ездивших в Восточную Европу – ни один из них не назван «воином» (*drengr*), тогда как такое указание весьма характерно для надписей из Свеаланда. Представляется, что эти отличия обусловлены разным характером преимущественной деятельности свеев и готландцев в Восточной Европе, в свою очередь отражавшей общественный строй каждого из регионов.

Свеаланд уже в эпоху Великого переселения народов являлся сложно стратифицированным обществом с выделившимся профессиональным военным слоем и централизованной властью. Интенсивная военная и торговая деятельность сопровождалась основанием колоний в Восточной Прибалтике и Финляндии и возникновением торгово-ремесленных поселений, крупнейшим из которых стало Хельгё. В эпоху викингов масштабы этой деятельности существенно возросли, причем, насколько можно судить по руническим надписям и найму военных отрядов русскими князьями (известно их приглашение Владимиром и Ярославом), преобладающей, во всяком случае, в конце X – XI в., была военная активность свеев. О военной ориентации общества говорит и его административно-политическое устройство: сотни

и «корабельные округа» обеспечивали организацию ледунга – походов, предпринимавшихся конунгом Свеаланда (Упсалы).

Напротив, общественный строй Готланда эпохи викингов отличался, насколько можно судить по крайне скудным источникам, если не полным отсутствием, то слабостью центральной власти и рассредоточенностью поселений, преимущественно отдельных усадеб. Существенно меньшей, чем в Свеаланде, была степень военизированнойности общества, о чем говорит отсутствие специально воинских обрядов погребения, сравнительно небольшое число погребений с оружием (Thunmark-Hylén 1995). Не возникли на Готланде в это время и крупные торгово-ремесленные центры: Фрёйел, Вестергарн и др. на западном побережье острова (на восточном таких центров всего два) несравнимы по своим размерам и значению с Биркой. Вместо крупных эмпориев по всему побережью, и на востоке, и особенно на западе, выявлено значительное количество небольших гаваней, обслуживавших, вероятно, жителей прилегающих территорий (Carlsson 2004). Показательна топография кладов, прежде всего восточных монет (но не только их): они более или менее равномерно разбросаны по всей территории острова (преимущественно на некотором расстоянии от побережья) и происходят, как правило, из усадеб. К усадебному комплексу принадлежит и самый крупный серебряный клад, найденный на острове, – из Спиллингса (67 кг) на северо-восточном побережье неподалеку от гавани в Слите, игравшей значительную роль в эпоху викингов (The Spillings Hoard 2009; Gotland – vikingaöen 2004; Andrén 2014). Исследование состава, топографии и местоположения кладов показало, что подавляющее их большинство – результат торговой деятельности бондов, основной массы свободного населения острова (Östergren 1989). Поэтому традиционно признается, что Готланд являлся средоточием балтийской и более дальней (в том числе восточной) торговли (например: Blomkvist 2009). Основной причиной этого обычно называется географическое положение Готланда – в центре Балтики, однако, как кажется, замкнутость островного общества, отсутствие внешней угрозы и межплеменных столкновений обусловили специфические особенности социального устройства, со слабо развитой военной организацией и сохранением элементов эгалитаризма. Поэтому, в отличие от Свеаланда, где доминирующей являлась военная деятельность (прибыль от которой сосредотачивалась в руках военной элиты, усиливая стратификацию общества), сопря-

гаемая, конечно же, с торговой, на Готланде превалировало занятие дальней торговлей, которая приносила не меньший, а судя по соотношению количества кладов, – и больший доход, каковой более или менее равномерно распределялся в обществе, что способствовало консервации существующего общественного строя.

Литература

- Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнёздово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Сборник к 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 11–18.
- Васильева С.Я.* Византийское влияние в монументальной живописи второй половины XII в. острова Готланд // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 217–233.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А.* Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер.: История. 2019. Т. 64, вып. 2. С. 762–785.
- Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 151–163.
- Andrén A.* Det medeltida Gotland. En arkeologisk guidebook. Lund, 2014.
- Blomkvist N.* Traces of a Global Economic Boom that Came and Went // The Spillings Hoard – Gotland’s Role in Viking Age Trade. Visby, 2009. P. 155–185.
- Blomkvist N.* Historien som ligger bakom; Novgorod och Gotland // Första Novgorod krönikan / Ed. G. Eile, N. Blomkvist. Visby, 2016. S. 13–92.
- Carlsson D.* Vikingahamnar på Gotland // Gotland – vikingaön / Red. G. Westholm. Visby, 2004. (Gotlädskt arkiv; 76). S. 17–26.
- Eastern Connections. Excavations in the Black Earth 1990–1995 / Ed. B. Ambrosiani. Part 1–3. Stockholm, 2001–2004.
- Fem stadsgrärdar – arkeologisk undersökning i kv. Trädgårdsmästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988–1989. Sigtuna, 2011.
- Gotland – vikingaön / Red. G. Westholm (Gotlädskt arkiv, 76). Visby, 2004.
- Jansson I.* Gotland och omvärlden under vikingatiden – en översikt // Gutar och vikingar / Red. I. Jansson. Stockholm, 1983. S. 207–247.
- Jonsson K.* Eastern Contacts Based on the Coin Finds // Situne dei, 2009. Sigtuna, 2009. P. 57–67.
- Rundkvist M.* Barshalder 2. Studies of Late Iron Age Gotland. Stockholm, 2003.
- The Spillings Hoard – Gotland’s Role in Viking Age Trade. Visby, 2009.
- Thunmark-Hylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. B. I–II. Stockholm, 1995.
- Westholm G.* Gotland and the Surrounding World // The Spillings Hoard – Gotland’s Role in Viking Age Trade. Visby, 2009. P. 109–152.
- Östergren M.* Mellan stengrund och stenhus: Gotlands vikingatida silverskatter som boplatssindikator. Stockholm, 1989.

**АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОРИКИ IX в. АЛ-БАЛАДЗУРИ И
АЛ-ЙАКУБИ ОБ АРМЯНСКИХ И ЗАПАДНО-
КАВКАЗСКИХ ВЛАДЕНИЯХ ВИЗАНТИИ В VII в.:
К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПОХОДАХ ИМПЕРАТОРА
ЮСТИНИАНА II В 687–689 гг.***

Сведения арабоязычных историков ал-Баладзури и ал-Йакуби, живших в IX в., в сопоставлении со сведениями грекоязычных источников позволяют уточнить, как в течение VII в. Византия взаимодействовала с политическими элитами государств, располагавшихся в землях Южного Кавказа и Армянского нагорья, – княжеств Армения, Алуанк, Картли и Абхазия, а также царства Лазика. Нас интересует, как менялись взаимоотношения Византии и государств Южного Кавказа и Армянского нагорья в периоды до и после военных походов византийского императора Юстиниана II (правил в 685–695 и 705–711 гг.) против арабов и какую роль в этих процессах играла византийская армия Армениак.

Согласно ал-Баладзури, в 654 г. арабский полководец Хабиб ибн Маслама вторгся в армянские владения Византии и вступил в сражение с византийским войском, которым командовал некий *патрикий Армениака* (Шагинян 2018. С. 214). По мнению У.Э. Кэги-младшего и И. Прайзер-Каппелера (Kaegi 1968. P. 275; Preiser-Kappeler 2004. S. 358), армия Армениак во главе со стратигом, который обладал титулом патрикия, существовала уже к середине 650-х годов. Тем не менее первое официальное упоминание армии Армениак в документальном источнике датируется только 686 г. (письмо Юстиниана II римскому папе Иоанну V. – Acta Conciliorum 1992. P. 886). Возникает вопрос – кто командовал византийским войском в битве с Хабибом ибн Масламой и какую должность занимал этот командующий?

Согласно Феофану Исповеднику, византийским войском командовал Мавриан, «стратиг Ромеев» (Μαυριανόν, τὸν τῶν Ῥωμαίων στρατηγόν. – Theophanis Chronographia 1883. P. 345), а армянский историк Себеос называет Мавриана «полководцем греческого войска» (История 1939. С. 125). Тем не менее офици-

альный грекоязычный источник – печать – упоминает персонажа по имени Мавриан в должности стратилата (Μαυριάνου Στρατηλάτου) – «стратилата Мавриана». – Mordtmann 1873. P. 31–32, п. 6). Как проследили Р. Гийян и Ж. Дюрли, слово στρατηλάτης было греческим эквивалентом (синонимом) латинского официального административного термина *magister militum* («начальник воинов») (Guilland 1967. P. 385; Durliat 1979. P. 313–314), следовательно, можно предположить, что Мавриан занимал должность не стратига армии Армениак, которой к 654 г. еще не существовало, а начальника воинов Армениии. Другими словами, Мавриан командовал старой экспедиционной армией Армениии, учрежденной еще императором Юстинианом I в 528 г.

В результате победы Хабиба ибн Масламы княжества Армениия, Картли и Алуанк признали верховную власть арабского халифа (Шагинян 2014. С. 88–89). Тем не менее неудачная битва с Хабибом ибн Масламой привела к значительным преобразованиям внутри самой экспедиционной армии Армениии. Себеос сообщает, что осенью 652 г. (Шагинян 2011. С. 115–116) византийский император Констант II (правил в 641–668 гг.) прибыл в Карин (Феодосиополь) для борьбы с арабами, и к нему присоединились нахарары (главы знатных родов) Четвертой Армениии (История 1939. С. 117), т.е. нахарары из центральных и западных регионов княжества Армениия (Айрарат, Тайк, Туруберан, Высокая Армениия) (Шагинян 2011. С. 116). Судя по всему, впоследствии, в 653/54 г., эти нахарары в значительной мере пополнили армию Мавриана – ал-Йакуби даже называет Мавриана наместником Четвертой Армениии (Шагинян 2018. С. 309). Именно дружины нахараров Четвертой Армениии увеличили численность старой экспедиционной армии Армениии, что позволило преобразовать данную армию в новую войсковую группировку под названием Арменииак.

Уже в 659 г. Армянское княжество вновь признало верховную власть византийского императора (Шагинян 2011. С. 131; 2014. С. 89), и в результате уже тогда новая армия Арменииак смогла показать себя в действии. Ученик знаменитого богослова Максима Исповедника, Анастасий Апокрисиарий, сосланный вместе со своим учителем в Лазикю по решению императора

Константа II в 662 г., а также Феодор Спудей, монах иерусалимского храма Воскресения Христова, сообщают о наличии большого количества крепостей в Лазике (Схимарис, Скоторис, Буколу, Суания, Факурия Фуста), во главе которых стоял специальный наместник (ἄρχων), обладавший титулом патрикия и магистра (Maximus the Confessor 2002. P. 144, § 11; πατρικίου καὶ μαγίστρου τῆς αὐτῆς τῶν Λαζῶν χώρας. – «патрикия и магистра той же земли Лазов». – Ibid. P. 154, § 5).

В каждой такой крепости размещались регулярные византийские гарнизоны – например, крепость Схимарис возглавлял комит по имени Мистриан (κόμης Μιστριάνος), который охранял данную местность «вместе со своими воинами» (μετὰ τῶν ἑαυτοῦ στρατιωτῶν. – Ibid. P. 162, § 9). Поскольку комиты возглавляли банды – небольшие *регулярные* подразделения византийской армии численностью до 200 человек (Haldon 2014. P. 149–151), можно предположить, что в Лазике размещались отряды армии Армениак. Именно эта армия ближе всего располагалась к землям Лазики, поскольку ее войска находились в провинциях Каппадокия, Пафлагония, Эленопонт.

Тем не менее в результате новых походов арабов в Армению в 662 и 664/65 гг., ситуация вновь изменилась в пользу халифата – Армения признала верховную власть халифа (Шагинян 2014. С. 90–91). Примерно через двадцать лет, в 686/87 и 687/88 гг., император Юстиниан II предпринял завоевательные походы в земли Армянского княжества (Шагинян 2011. С. 148–150; 2014. С. 101–102), в результате которых Армения и Картли вернулись под покровительство (верховную власть) византийского императора, а во главе Армянского княжества был поставлен влиятельный нахарар, глава рода Арцруни Нарсес Камсаракан. Почему именно он?

Греческая печать из коллекции Г. Закоца (Byzantine Lead Seals 1972. P. 1219, n. 2210) упоминает патрикия и стратига Нарсеса (Θεοτόκε, βοήθει Нарσῆ πατρικίῳ καὶ στρατιγῶ – «Богородица, помоги Нарсею, патрикию и стратигу»). Судя по всему, обладателем печати был именно Нарсес Камсаракан: ни один другой византийский чиновник с именем Нарсес, живший в VI–VII вв. и известный по источникам, не носил титула патрикия и не занимал одновременно должность стратига (The Prosopography

1992. P. 933–935, sv. Narses 10; P. 916, sv. Narses 1). Очевидно, к 687/88 г. Нарсес Камсаракан занимал должность стратига армии Армениак.

Следовательно, в 687/88 гг. Юстиниан II не только назначил Нарсеса Камсаракана ишханом (великим князем) Армении, но и разместил в Армении регулярные войсковые подразделения армии Армениак, а часть подразделений этой армии вновь перевел в Лазику. Доказательством в пользу прямого византийского контроля над Лазикой в этот период служит печать из коллекции Г. Закоса, опубликованная в 2001 г., – она упоминает Сергия, «апоипата, патрикия и стратига Лазики» (Σεργίου ἀπὸ ὑλάτων πατρικίου συνστρατηγῶ Λαζικῆς – Cheynet 2001. P. 78–80, n. 40a-b), т.е. византийского наместника Лазики, который управлял этим регионом до 696/97 гг., когда он поднял мятеж и признал верховную власть халифа над землями Лазики (Prosopographie 2001. S. 97, n. 6543).

Итак, весь рассмотренный выше материал подводит нас к выводу, что в течение всей второй половины VII в. византийская армия Армениак не только принимала прямое участие в контроле империи над ее армянскими и западно-кавказскими владениями, но и играла в этом главную роль, по сути была главным средством контроля. Сведения ал-Баладзури и ал-Йакуби позволяют предположить, что сама армия Армениак во многом возникла благодаря дружинам нахараров Четвертой Армении, которые вошли в состав более старой экспедиционной армии Армении в середине 650-х годов. Эти дружины получили статус элитных регулярных войсковых подразделений, они позволили увеличить численность экспедиционной армии Армении и преобразовать ее в новую войсковую группировку. Впоследствии многие подразделения этой группировки периодически размещались и в Лазике, а многие знатные нахарары, такие как Нарсес Камсаракан, занимали в ее внутренней структуре ведущие командные должности. С учетом этого совершенно не удивительно, что в правление Юстиниана II именно армия Армениак во главе с Нарсесом Камсараканом отвоевала Армянское княжество у арабов и установила византийский контроль над данной территорией. К концу VII в. сила и эффективность этой армии

были достаточно высоки, чтобы осуществлять столь сложные и крупномасштабные боевые операции.

Примечание

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-09-00010 А «Ат-Табари, Мухаммад б. Джарир (838–923) и другие основоположники арабо-мусульманской литературы (IX–X вв.) о странах и народах Кавказа, Армянского нагорья и смежных регионов Передней Азии».

Источники и литература

- История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939.
- Шагинян А.К.* Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011.
- Шагинян А.К.* Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014.
- Шагинян А.К.* Арабо-мусульманская историография IX в. о странах и народах Кавказа, Армянского нагорья и смежных областей. СПб., 2018.
- Acta Conciliorum Oecumenicorum. Series Secunda. B., 1992. Vol. 2: Concilium Universale Constantinopolitanum Tertium, pars 2: Concilii Actiones XII–XVIII. Epistulae. Indices / Ed. R. Riedinger. Byzantine Lead Seals / Eds. G. Zacos, A. Veglery. Basel, 1972. Vol. 1, part 2. Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine. P., 2001. Durliat J. Magister militum – ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΗΣ dans l'empire Byzantin (VIe–VIIe siècles) // BZ. 1979. Bd. 72, Heft 2. 306–320. Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. B., 1967. T. 1. Haldon J. A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI. Washington, 2014. Kaegi W.E. Al-Balâdhuri and the Armeniak theme // Byzantion. 1968. Vol. 38. P. 273–277. Maximus the Confessor and His Companions. Documents from Exile / Ed. B. Neil, P. Allen. Oxford, 2002. Mordtmann A. Sur le sceaux et plombs byzantins. P., 1873. Preiser-Kappeler J. MAGISTER MILITUM PER ARMENIAM (Ο ΤΩΝ ΑΡΜΕΝΙΑΚΩΝ ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Beiträge zum Symposium „Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien“ / Hrsg. von W. Hörandner, J. Koder. Wien, 2004. S. 348–365. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit / Hrsg. von F. Winkelmann, R.-J. Lilie. Abt. 1 (641–867). B., 2001. Bd. 4 (№ 6266–8345). The Prosopography of the Late Roman Empire / Ed. J.R. Martindale. Cambridge, 1992. Vol. IIIA–B. Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.*

**СЛЕДЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
И АЗИАТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ:
БУЛГАРЫ В ИТАЛИИ (VI–VIII вв.)**

Заселение различных территорий Италии булгарами привело к многостороннему социокультурному взаимовлиянию романского, византийского, тюркского и германских миров. Это нашло отражение во всех сторонах жизни – от образования новых провинций, топонимов, до изменений вооружения и тактики, экономическо-хозяйственного уклада и религии. Письменными источниками фиксируются как минимум четыре миграции болгар (протоболгар) на территорию Италии в VI–VII в.

I. Булгары на постоянной службе в армии Византии первой половины VI в. (Прокопий 1950. С. 85, 91, 156, 159, 168–169, 178–179, 276, 288, 291, 295, 322, 435–436, 463, 467, 476; The Chronicle of Marcellinus 1995. P. 52, 139; Gregoire 1980. P. 94).

II. Булгары, пришедшие с лангобардским королем Альбоином в 568 г. и другими народами, давшие названия новым местам (Павел Диакон 2008. С. 80–81).

III. Переселение орды Алзеко из Карантании в лангобардское герцогство Беневенто в 660-х годах (Там же. С. 165).

IV. Миграция части населения Великой Булгарии в Пентаполь в последней трети VII в. (Чичуров 1980. С. 36–37, 60–61, 153–154, 161–162).

Булгарские топонимы отмечены почти по всей территории Италии – *Bulgaria*, *Bulgarograsso*, *Bolgare*, *Bulgarno*, *Polcari*, *Bulgheria*, *Volgaria*, *Bulgaretta*, *Bulgari* и т.д. (Vlaevska 2016).

Западнее Милана был создан *comitat Bulgaria* вдоль р. Тичино (Schneider 1924. P. 35, 153; Данилченко 1988. С. 234). Дж. Джулини перечисляет населенные пункты Булгарии (Giulini 1760. P. 125–128), которые позволяют очертить ее примерные земли (Cavanna 1967. P. 17, 24–25, 42, 68, 84, 86, 91). Территорией концентрации болгарского населения также был морской Пентаполь (Polverari 1969. P. 6, 11; 2014. P. 45–48), где существовали как минимум две Булгарии: *terra Bulgarorum* на р. Чезано, где сохранилась церковь *St. Gervasio di Bulgaria*

(Ottonis III 1893. P. 823; Bernacchia 2013. P. 779) и *Bulgaria (fine Bulgarisca)* у г. Гамбеттола (Breviarium Ecclesiae Ravennatis 1985. P. 24–25; Heinrich II 1903. P. 226). А. Гийу указывает, что болгары в византийских Пентаполе и Экзархате выполняли военные функции (Guillou 1969. P. 100).

Земли болгар в Сепино, Бойано и Изернии стали основой для провинции Молизе, а Алзек стал ее основателем (Sarno 2012. P. 55–56, 67; Polverari 2014. P. 48). Его тюркский титул до миграции в Баварию, Карантию и Италию неизвестен. Участие в борьбе за трон Аварского каганата в 631 г. (Chronicarum quae dicuntur Fredegarii 1888. P. 157; Ditten 1980. P. 69) допускает довольно высокий статус. Вначале Алзек имел титул *dux*, равный рангу герцога Ромуальда, что стало причиной понижения его титула до германского *Gastald* (The Prosopography. 1992. P. 40).

Вероятен симбиоз лангобардской модели административного управления с тюркской, для которой были характерны разделение на два крыла и дуумвират. Этим, как версией, можно объяснить одновременное использование двух некрополей с одинаковой обрядностью у Кампокиаро (Виченне и Моррионе), находящихся примерно в 800 м друг от друга и связываемых с булгарами Алзеко. Прекращение их использования в начале VIII в. может быть вызвано переходом от тенгрианства к христианству. Гетерогенность археологического материала некрополей Кампокиаро усложняет типологический и генетический анализ азиатского, позднероманского и лангобардского влияния. Из более чем трехсот захоронений некрополей Кампокиаро – более двух десятков захоронений с конем (Нестеров 1990. С. 71, 84–85, 118). Разработка критериев различения болгарских и лангобардских конских захоронений началась относительно недавно (Fedele 2017), однако исследователи не сомневаются, что захоронения Кампокиаро генетически относятся к азиатской традиции (Genito 2000. P. 233). Инвентарь погребений носит гетерогенный характер, указывающий на сильное влияние локальных культур на азиатскую традицию, которая была дополнена местными предметами и оружием (Ceglia, Marchetta 2012. P. 217, 221).

Восточные наконечники копий, луки с костяными накладками и трехлопастными наконечниками стрел (Ceglia 2007. P. 473–474) дополнены европейскими мечами – спатами и саксами

(Staffa 2004. P. 238). P-образные крепления ножен встречаются в кочевнических погребениях конца VI – начала VII в. (Комар, Кубышев, Орлов 2006. С. 280; Curta 2019. P. 54). Ко времени захоронения этот тип креплений уже вышел из обращения, что может означать, что погребенные были оторваны от кочевой традиции с 630-х годов. Это говорит в пользу версии об их долгом проживании в Карантании (Мингазов 2017. С. 160–164). Геральдические ремни сопровождалась металлическими пряжками с посеребренными личинами, изготовленными по лангобардским и баварским технологиям и художественным традициям (Daim, Koch, Samu 2017. P. 243–244). Важнейшим компонентом вооружения, принесенным аварами из Азии и распространявшимся булгарами в Италии, были стремена. Стремена некрополей Кампокиаро являются одними из первых в Европе (La Salvia 2007. P. 160–166). Керамические комплексы захоронений отличаются многообразием, а аналогии находятся в разных местах Европы, усложняя поиск генетических и типологических связей. «Вождь» из погребения № 33 в Виченне с полным набором вооружения имел перстень – символ власти в лангобардских герцогствах (Arslan 2000. P. 335). Наконец, палеоантропологический анализ костей показал разницу в рационе погребенных и местного населения: погребенные потребляли больше белков и протеинов, что может быть объяснено привычным мясным рационом кочевников (Rubini 2004. P. 157).

Литература

- Данилченко К. Българско-славянски местни имена в Италия // II Международен конгрес по българистика. София, 1988. Т. 5. С. 227–251.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 245–374.
- Мингазов Ш.Р. Болгары Алзеко в Баварии, Карантании и Италии как пример автономной части этнокультурной общности // ВЕДС-XXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 160–164.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб., 2008.
- Прокотий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.

- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Текст, пер., коммент. М., 1980.
- Arslan E.* L'anello, il cavaliere e il duca. La tomba 33 di Campochiaro – Vicenne (CB) // *Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche*. Lugano, 2000. Vol. 29. P. 333–356.
- Bernacchia R.* La Bulgaria del basso Cesano tra tarda antichità e alto medioevo // *Polidoro*. Spoleto, 2013. P. 773–796.
- Breviarium Ecclesiae Ravennatis* (Codice Bavaro). Secoli VII–X. Roma, 1985.
- Cavanna A.* Fara sala arimannia nella storia di un vico longobardo. Milano, 1967.
- Ceglia V.* La necropoli di Campochiaro (Italia) / Roma e i Barbari. Venezia, 2007. P. 469–475.
- Ceglia V., Marchetta I.* Nuovi dati dalla necropoli di Vicenne a Campochiaro / La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Cimitile, 2012. P. 217–238.
- Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV* / Ed. B. Krusch // *MGH. SS RM*. Hannoverae, 1888. T. 2. P. 1–193.
- Curta F.* Ethnicity in the steppe lands of the northern Black Sea region during the early Byzantine times // *Archaeologia Bulgarica*. 2019. T. 23/1. P. 33–70.
- Daim F., Koch U., Samu L.* Mit dem Bauchladen ins Awarenland // *Forschungen in Franconofurd*. Regensburg, 2017. S. 239–254.
- Ditten H.* Protobulgaren und Germanen im 5.–7. Jahrhundert // *Bulgarian Historical Review*. 1980. Vol. 8/3. P. 51–77.
- Epitaphium Arichis ducis* / Ed. E. Dummler // *MGH. Poetae Latini Aevi Carolini*. 1881. T. 1. P. 66–68.
- Fedele A.* La deposizione del cavallo nei cimiteri longobardi: dati e prime osservazioni // *Archeologia dei Longobardi*. Mantova, 2017. P. 59–82.
- Genito B.* Archaeology of the Early medieval nomads in Italy: the horseburials in Molise (7th century) south-central Italy // *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jh*. Budapest, 2000. P. 229–247.
- Giulini G.* Memorie spettanti alla storia, al governo ed alla descrizione della città e campagna di Milano. Milano, 1760. Pt. IX.
- Gregoire le Grand*. Dialogues / Ed. A. de Vogue, trad. P. Antin. P., 1980. T. 3.
- Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin au VII-e siècle. Roma, 1969.
- Heinrich II*. Diplomata // *MGH. Diplomatum Regum et Imperatorum Germaniae*. Hannoverae, 1903. T. 3. P. 1–692.
- La Salvia V.* La diffusione della staffa nell'area merovingia orientale alla luce delle fonti archeologiche // *Temporis Signa*. 2007. Vol. 2. P. 155–171.
- Ottonis III*. Diplomata / Ed. T. von Sickel // *MGH. Diplomatum regum et Imperatorum Germaniae*. Hannoverae, 1893. T. 2, pars 2. P. 385–875.
- Polverari A.* Una Bulgaria nella Pentapoli. Longobardi, Bulgari e Sclavini a Senigallia. Senigallia, 1969.

- Polyerari A.* Monteporzio e Castelveccio nella storia. Ancona, 2014.
- Rubini M.* Il popolamento del Molise durante l'alto medioevo // I beni culturali nel Molise. Campobasso, 2004. P. 151–162.
- Sarno E.* Campobasso da castrum a città murattiana. Roma, 2012.
- Schneider F.* Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien. B., 1924.
- Staffa A.R.* Bizantini e Longobardi fra Abruzzo e Molise (secc. VI–VII) // I beni culturali nel Molise. Campobasso, 2004. P. 215–248.
- The Chronicle of Marcellinus / Trans. and comm. B. Croke. Sydney, 1995.
- The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. J.R. Martindale. Cambridge, 1992. Vol. IIIA.
- Vlaevska A.* A proposito delle orme (proto) bulgare in Italia tra leggenda e memoria storica // Etudes balkaniques. Sofia, 2016. T. LII/4. P. 722–771.

И.А. Миролюбов

«НАШ ГОСПОДИН» И «НАРОД РИМСКИЙ»: ЗРЕЛИЩА В НАЧАЛЕ IV в.

В рамках римской политической традиции император обычно находил опору в «народе Рима» (*populus Romanus*). С крушением полисной структуры и распространением прав гражданства само понятие «народ Рима» приобретает все более абстрактные черты. В период ранней империи роль «народа Рима» играет городское население Рима, а затем других городов, которые становятся местопребыванием императоров и их дворов (Corcoran 2006. P. 42–43). Однако взаимодействие, общение императора и «народа» сохраняет значение, и площадкой для такого взаимодействия являются зрелища (гладиаторские бои, гонки колесниц, театральные представления), на которых оба субъекта отношений присутствуют. Общение это строилось по особым правилам, которые подразумевали уважение императора к «народу Рима». Показателен сохраненный Кассием Дионом анекдот о том, как глашатай не решился объявить римлянам суровый и грубый приказ императора Адриана замолчать, а предпочел успокоить толпу жестами (Cass. Dio Hist. Rom. LXIX.6.1–2). Отличительной чертой «хорошего» императора, согласно данным традиции, было «демократичное» поведение – открытость, дос-

тупность (в том числе и для критики) и щедрость. Это подчеркивается, к примеру, в биографиях Августа (Suet. Aug. 43.1; 45.1), Клавдия (Suet. Calud. 21.5), Марка Аврелия (SHA M. Ant. 15.1; 17.7) и Вера (SHA Verus 6.2).

На рубеже III–IV вв., в эпоху Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337), императорская власть постепенно абсолютизируется (Машкин 2006. С. 587–588). Среди прочего, это выразилось в усвоении императорами, которые изначально были первыми гражданами (*principes*), титула «наш господин» (*dominus noster*). Повсеместное его употребление в это время фиксируют данные нумизматики и эпитафики. В контексте этой абсолютизации любопытно рассмотреть эволюцию практики «общения» императора, который теперь стал «господином», и народа, который, по мнению Т. Моммзена, должен был превратиться в «рабов» (Моммзен 2002. С. 420).

При Диоклетиане публичный образ императора меняется (Weisweiler 2015. P. 20). Для более эффективного управления государством им была создана четверная императорская коллегия (тетрархия), включавшая двух августов и двух младших соправителей цезарей (тетрархи). Пребывание у власти четырех человек одновременно было очевидным новшеством, которое Диоклетиан попытался подкрепить идеологически. Им был создан образ «коллективного императора»: в преамбулах указов, по чьей бы инициативе они ни были выпущены, перечислялись все четыре тетрарха (яркий пример – эдикт о ценах: ILS 642). Их групповые портреты почти полностью лишены индивидуальности, лишь некоторые схематично обозначенные возрастные признаки должны маркировать пару августов и пару цезарей (об этих портретах: Kleiner 1992. P. 400–406). Усложняется императорское облачение, равно как и весь придворный церемониал. Все эти мероприятия приводят к превращению императора в недостижимого идола, символическую фигуру, олицетворяющую мощь государства. Каким образом выстраивается взаимодействие императора и «народа Рима»? И Диоклетиан, и его соправители постоянно пребывают в разъездах, что вызвано сложной ситуацией в государстве. Но, судя по данным традиции, Диоклетиан и не стремился к публичному диалогу (Corcoran 2006.

Р. 42). Хотя в его столице – Никомедии – и был построен цирк (Уильямс 2014. С. 260), у нас нет внятных свидетельств о том, как Диоклетиан устраивал там зрелища и как себя вел на них. Лактанций сообщает, что игры по случаю освящения цирка были устроены между двумя приступами затяжной болезни императора (*De mort. pers.* 17.4). Диоклетиан присутствовал на них, но никакие детали этого появления на публике нам не известны. Более интересно сообщение этого же автора о пребывании императора в Риме в ноябре 303 г. по случаю юбилея правления. Диоклетиан с трудом выдержал месяц столичной атмосферы и уехал, даже не дождавшись вступления в должность консула 1 января 304 г. (*Lact. De mort. pers.* 17.1–3). Основным раздражающим фактором для Диоклетиана названа *libertas populi Romani*. Таким образом, можно сделать вывод, что на первом этапе абсолютизации император пытается дистанцироваться от «народа» и свернуть практику диалога во время зрелищ.

С уходом Диоклетиана из политики его система рухнула: вместо союза соправителей над империей властвовало множество противоборствующих императоров (хронология императоров этого периода: Kienast 2004. S. 264–265). Осознавая исчерпанность идеологического инструментария тетрархии, они ищут свои пути укрепления личной власти. В рамках этого поиска возрождается и практика опоры на «народ Рима». Константин, властвующий в Галлии, особенно подчеркивает факт своей поддержки со стороны жителей подконтрольных провинций (*Eutrop. Brev.* X.3.2), а у провозглашенного в Риме Максенция «народ Рима» и вовсе выступает в качестве источника власти, *auctor imperii* (о его провозглашении народом: *Aur. Vict. De caes.* 40.5). Поколение новых императоров возобновляет и практику диалога с «народом» во время зрелищ. К примеру, Лактанций дает яркую картину использования этого инструмента в момент кризиса власти. Зная о подходе Константина к стенам Рима, Максенций устраивает зрелища по случаю шестилетия пребывания у власти и безуспешно ищет на них поддержки населения Рима (*De mort. pers.* 44.7).

Очень внимательное отношение к зрелищам обнаруживает Константин (Миролюбов 2019. С. 209–217). Уже в 307 г. он, стремясь продемонстрировать подконтрольным ему провинциям свои успехи в деле обороны Рейнской границы, устраивает гладиатор-

ские сражения и бросает на растерзание зверям плененных им франкских вождей. В основанном им Константинополе – «Новом Риме» – был сооружен ипподром (Müller-Wiener 1977. S. 64–65; Bardill 2012. P. 151–158), который стал не только местом проведения конных ристаний, но и сосредоточием общественной жизни империи. Здесь император устраивает торжества (в том числе отмечает день рождения города), использует эту площадку для осуществления императорского культа, представляет народу новую императорскую инсигнию – диадему (Миролюбов 2018. С. 52–58), ведет с публикой прямой диалог. Любопытно, что ничего подобного применительно ко времени Константина традиция не сообщает о форумах Константинополя, между тем как именно форум в римской практике был сосредоточием общественной жизни.

Итак, на двух хронологических границах интересующего нас периода установления домината мы видим разное отношение к зрелищам как к площадке диалога между императором и народом. В контексте абсолютизации императорской власти произошла вполне ожидаемая попытка свертывания этой практики, однако в конечном итоге при Константине она вновь возрождается. Любопытно замечание историка Аммиана Марцеллина о поведении во время зрелищ сына Константина Великого, известного своей надменностью императора Констанция. Присутствуя в Риме в 357 г., он устроил конные ристания, в ходе которых, как сообщает автор, «он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания» (Res Gest. XVI.10.13, в пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). При этом Аммиан особенно подчеркивает в числе свойств «народа Рима» «прирожденную свободу» (*libertas coalita*). Таким образом, то, что в свое время раздражало Диоклетиана, сохранилось в эпоху правления Константина и его династии: несмотря на изменившийся статус императора, зрелища по-прежнему играли роль площадки для его диалога с народом, построенного на основе почтения и уважения. Представляется, что подобный вывод дает основания оспаривать мысль о превращении «народа Рима» в «рабов» и подданных. Это, в свою очередь, может стать перспективной основой для более глубокого понимания социальной опоры императорской власти и общественно-политического климата в эпоху Позднего Рима.

Литература

- Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 2006.
- Миролюбов И.А. О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58.
- Миролюбов И.А. Зрелища в правление императора Константина Великого: к постановке вопроса // Восток, Европа, Америка в древности. М.; СПб., 2019. Вып. 4: Сб. науч. тр. Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 209–217.
- Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002.
- Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. М.; СПб., 2014.
- Bardill J. Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. N.Y., 2012.
- Corcoran S. Emperor and citizen in the era of Constantine // Constantine the Great: York's Roman Emperor. York, 2006. P. 41–51.
- Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 2004.
- Kleiner D.E.E. Roman Sculpture. New Heaven; L., 1992.
- Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. Tübingen, 1977.
- Weisweiler J. Domesticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth Century AD // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. N.Y., 2015. P. 17–41.

Д.Е. Мишин

ОБЫЧАЙ МЕСТИ ЗА УБИЙСТВО В ДОИСЛАМСКОЙ АРАВИИ

Настоящий доклад представляет собой общее изложение основных тезисов, которые автор этих строк намеревается в более полном виде представить в отдельной статье.

1. Корни, применяемые для обозначения понятия «месть» (с. 'р., н.қ.м.), встречаются на очень раннем этапе; мы видим их, например, в сафайтских надписях. Однако основным источником сведений являются арабские сказания, донесенные до нас в повествовательных источниках. Поэтому воссоздаваемая далее историческая картина относится к периоду VI – начала VII в.

2. Обычай мести был укоренен в арабском обществе и имел мифологический и общественный аспекты. Первый из них со-

стоял в представлениях о живущей внутри человека птице, которую в отдельных случаях отождествляли с душой. Считалось, что, если человек погибал неотмщенным, птица вырывалась наружу из его головы и начинала громко кричать, призывая напоить ее; это заканчивалось только после свершения мести. Кажется, в этом отражаются представления о том, что умершему была нанесена обида, за которую он должен был, но уже не мог поквитаться и потому взывал к близким и соплеменникам.

3. Общественный аспект мщения состоял в восстановлении ранее существовавшего баланса между общностями, к которым принадлежали убийца и убитый. Это можно было сделать двумя путями: именно:

(а) реально или фиктивно поставить стороны в такое положение, в каком они были бы, если бы убийства не было (под «реальным» понимается возвращение человека к жизни, под фиктивным – условное восполнение потери с помощью компенсации – выкупа, о котором см. ниже);

(б) поставить обе стороны в положение одинаково худшее по сравнению с тем, в котором они были до убийства.

При выборе решения важнейшую роль играло общественное положение убитого. Чем более высокое положение он занимал, тем большие потери должна была понести сторона, к которой принадлежал убийца.

Примером этих решений могут служить переговоры между племенами бану Бакр и бану Таглиб, последовавшие за убийством таглибитского вождя Кулайба бакритом Джассасом Ибн Муррой. Таглибиты требовали от Мурры, отца Джассаса, оживить Кулайба, выдать им Джассаса или его брата Хаммама, занимавшего видное положение, либо предать себя в их руки, чтобы быть убитым. Поскольку никто другой, по их мнению, не соответствовал по рангу Кулайбу, они не соглашались убить за него никого кроме названных людей. Знаменитый поэт доисламской Аравии Имру'-ль-Қайс был сыном киндитского царевича Худжра, который правил племенем бану Асад. Асадиты убили его, и Имру'-ль-Қайс отправился мстить им. Он не согласился убить никого из асадитов, ибо никто из них не был равен Худжру по общественному положению, и в дальнейшем воевал с ними.

Если речь не шла о вожде, равным которому признавался не каждый, месть могли обратить как на убийцу, так и на любого его соплеменника. Во время войны между племенами банū ‘Абс и банū Зубйāн ‘абсит Уард Ибн Хāбис убил Харима Ибн Дамдама из племени Музайна. Война окончилась, но Хусайн, брат Харима, еще не отомстил за него. Тогда он поклялся убить Уарда или кого-либо из его соплеменников и в конце концов убил одного ‘абсита. Вероятно, такие случаи были особенно многочисленны во время войн, когда близкие убитого могли не знать имени убийцы.

Необходимо иметь в виду, что мстили не только за кровного родственника, но и за близкого человека – например, за жившего под покровительством пришельца (*джāр*) или союзника (*халиф*). В этом случае месть могла быть обращена на *джāр*-а или *халиф*-а племени, к которому принадлежал убийца. Когда вождю племени банū Сахм сообщили, что один его *джāр*-иудей убит человеком из племени банū Джаушан, жившим у более крупного племени банū Сирма, он велел убить другого иудея – *джāр*-а банū Сирма.

4. Выкуп (*дийа*, ‘*акль*) был условной компенсацией, приемлемой для близких убитого и призванной поставить их пусть и не в то положение, в котором они были прежде, но в схожее. Он заслуживает отдельного исследования, и здесь мы ограничимся лишь рассмотрением его соотношения с мезтью. В источниках встречается сказание о том, что Қайс Ибн Зухайр из племени банū ‘Абс убил приехавшего к нему сына Хузайфы Ибн Бадра из племени банū Фазāра, принадлежавшего к объединению банū Зубйāн. Қайс уплатил выкуп, однако после этого Хузайфа убил его брата по имени Мāлик. Возмущенные ‘абситы потребовали вернуть выкуп, т.к. считали убийство Мāлика мезтью за сына Хузайфы. В их глазах фазāриты, получив выкуп, отказались от права на осуществление мести. Реализовав это право впоследствии, они лишили выкуп его компенсационной функции, сделали его предоставленным ни за что, т.е., говоря современным языком, неосновательным обогащением, подлежащим возврату. Хузайфа согласился вернуть верблюдиц, хотя отказался отдать рожденных ими детенышей, на которых, как на часть неосновательного обогащения, тоже претендовали ‘абситы.

**КРЫМ ИЛИ НИЖНИЙ ДУНАЙ:
К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОЗДНЕ-
АНТИЧНЫХ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ**

Исторические судьбы Крымского полуострова и Нижнедунайского региона были тесно переплетены на протяжении столетий. Близость климата и рельефа, расположение в бассейне Черного моря приводило к тому, что они параллельно находились в зоне влияния греческой, римской и византийской цивилизаций. Через эти территории часто проходили (а нередко и селились здесь) одни и те же народности. Как результат, источники зафиксировали употребление аналогичных географических названий по отношению к отдельным частям Крыма и Нижнего Дуная. Это в первую очередь касается терминов «Скифия» и «Готия». И как следствие, в отечественной и зарубежной историографии происходили и продолжаются дискуссии: на какой регион указывал автор того или иного сочинения. Мы на ряде примеров попытаемся рассмотреть вопрос о том, как различные исследователи пытались локализовать такие «спорные» территории.

Феофил Готский. В числе участников Первого Вселенского собора в Никее (325 г.) указан готский митрополит Феофил (Васильев 1921. С. 11–14). Мнения исследователей о месте нахождения возглавлявшейся им церковной административно-территориальной единицы разделились. Большинство авторов полагали, что Феофил представлял дунайских готов (архиепископ Макарий, Ф.А. Браун, Д.Н. Беликов, Н.Н. Мурзакевич, П.И. Кеппен, В.Г. Васильевский, А.Ф. Вельтман, В.В. Болотов, Ю.А. Кулаковский, А. Харнак, А.А. Васильев, А.И. Айбабин, В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан др.). Данная точка зрения является господствующей и у зарубежных авторов. Иные локализовали Готскую митрополию в Крыму (Арсений, Е.Е. Голубинский, В. Томашек, Л. Шмидт, Ф.К. Брун, С.П. Шестаков, Р. Леве, Дж. Манси, И.С. Пиоро, Н.Н. Болгов и др.). В.Ю. Юрочкиным было выдвинуто предположение, что резиденция Феофила находилась на Боспоре, но он в тоже время мог быть митрополитом всех готов, где бы они не про-

живали. Это мнение осторожно поддержали М.Г. Щукин и Н.А. Ганина (см. подробнее: Могаричев 2013. С. 337–340).

Как известно, полного и достоверного перечня лиц, присутствовавших на соборе, до наших дней не дошло, равно как нет в нашем распоряжении и его протоколов. Списки участников собрания церковных иерархов 325 г. представлены копиями, восходящими к оригиналу конца VII–VIII вв. Но об участии готского митрополита в соборе иерархов в Никее сообщали уже ранние историки церкви. Можно предполагать, резиденция готского митрополита в 325 г., вероятнее всего, располагалась на Дунае. Однако, вполне возможно, его паства могла проживать и за пределами этого географического региона.

Готы письма Иоанна Златоуста к Олимпиаде. Не поддается однозначной интерпретации сюжет из письма Иоанна Златоуста диаконисе Олимпиаде, касающийся назначения епископа неким готам. В 404 г. Иоанн был сослан в г. Кукуз в Армении, где прожил два года. Оттуда он вел переписку со своей паствой. В одном из писем к диаконисе Олимпиаде (404 г.) ссыльный архиепископ сообщал:

...диакон Модуарий прибыл со сведением, что Унила, оный удивительный епископ, которого я рукоположил и послал в Готию... умер, и он (Модуарий) пришел и принес письмо короля готов с прошением, чтобы был послан им епископ. Так как я не вижу другого средства исправления против угрожающей катастрофы, как промедление и отсрочку – ибо невозможно совершить плавание к Боспору и в те районы теперь, – устрой дело так, чтобы они отложили пока [отъезд] из-за зимы (Байер 2001. С. 32).

Подавляющее большинство исследователей считали, что Хризостом писал о готах, живших на Боспоре Киммерийском. Такое мнение подкреплено авторитетом крупнейших исследователей: В.Г. Васильевского, Е.Е. Голубинского, Ю.А. Кулаковского и А.А. Васильева, М.И. Артамонова, Г.В. Вернадского и др. Правда, уже В. Томашек полагал, что Иоанн Златоуст упоминал готов Нижнего Дуная. Эту точку зрения поддержали А.И. Айбабин, М.Б. Щукин и др. (Могаричев 2013. С. 340–342).

Анализ текста рассматриваемого послания не позволяет однозначно установить местонахождение упоминаемой там Готии. С

одной стороны, упоминание Боспора может означать, что это всего лишь ближайший европейский порт на пути в Готию, но даже туда, в условиях зимы, невозможно добраться. Отметим, Хризостом отделяет Боспор от «тех районов» (очевидно припонтийских), где находились готы и их король. С другой стороны, источники знают готов – христиан, ориентировочно проживавших в IV в. и в районе Боспора. Это так называемые готы-тетракситы, о которых упоминает Прокопий Кесарийский (Война с готами. VIII. 4).

Епископ Ефрем. Согласно Житиям епископов Херсонских, в период правления Диоклетиана, иерусалимский епископ Ермон направил двух миссионеров: Ефрема в Туркию (Скифию), Василия в Херсон (Могаричев и др. 2017. С. 523–551). Большинство исследователей «направляют» Ефрема в Северное Причерноморье. Однако упоминание в ряде версий житий Скифии как места для проповедей Ефрема позволило ряду авторов считать его епископом Скифской епархии с центром в Томах (см. например: Атанасов 2011. С. 36). Версия о епископстве Ефрема именно в Балканской Скифии появляется уже к XVIII в. Так, иерусалимский патриарх Досифей ссылаясь на деятельность Ефрема, когда обосновывал давние духовные связи между Добруджей и Иерусалимом. О епископстве Ефрема у дунайских скифов писал и Димитрий Ростовский (1700 г.).

Скорее всего, в древнейшей версии Житий епископов Херсонских или, по крайней мере, в тексте, послужившем основой для сохранившихся ранних редакций, местом миссионерской деятельности Ефрема была определена область, расположенная в Северном Причерноморье (Могаричев и др. 2017. С. 315–317).

Готский представитель на VII Вселенском соборе в Никее (787 г.). Материалами VII Вселенского собора в Никее (787 г.) зафиксирован некий монах Кирилл, представитель Готской епархии. Вопреки традиционной гипотезе, что инок был посланцем из Таврики, скорее всего, Кирилл, представлял дунайских готов. Готская же епархия в Крыму, вероятно, официально была учреждена позднее 787 г., возможно, через некоторое время после подавления восстания Иоанна Готского (784–786 гг.), когда хазарам на некоторое время удалось установить контроль над большей частью византийских владений в Крыму. Византийские территории в Юго-Западной Таврике теперь являлись

частью Херсонской епархии, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия (Могаричев и др. 2017. С. 434–441).

Низменная Готия Жития Стефана Нового. Согласно Житию Стефана Нового, когда к святому пришли скрывавшиеся от иконоборцев монахи, он дал им совет:

Есть три области, которые не приняли участие в этой нечестивой ереси (иконоборчестве. – *Ю.М.*) ...во-первых, северные склоны берегов Евксинского Понта, бережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Боспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направлению к Готии низменной (Васильевский 1912. С. 324–325).

В.Г. Васильевский на этом основании сделал вывод, что в иконоборческий период Крым занимал иконопочитательскую позицию и сюда бежали от преследований монахи-иконопочитатели. Эту концепцию поддержали С.П. Шестаков, А.А. Васильев, а еще позже А.Л. Якобсон, Е.В. Веймарн, О.И. Домбровский, Д. Оболенский, А.И. Романчук и др. При этом практически незамеченным осталось мнение А.Л. Бертье-Делагарда, что упоминаемая в этом житие «Низменная Готия» является не Крымской, а Придунайской. А.Г. Герценым и Ю.М. Могаричевым было аргументировано мнение: иконопочитательская ориентация таврических светских и церковных властей – не более чем историографический миф, а упоминаемая Стефаном Новым Готия расположена на Нижнем Дунае. В Житии Стефана Нового в отношении Северного Причерноморья указываются не конкретные географические, а лишь общие ориентиры. Боспор, Херсон и Никопсис, упоминаемые в тексте, выступают как ориентиры – церковные центры Зихийской епархии, известные по «*Notittiae episcopatum*». Юго-Западный Крым нельзя считать «низменной» Готией, учитывая ярко выраженный горный характер местности. В отношении этой области источник указывает направление на запад, а именно в Дунайскую Готию. Название же «Готия» по отношению к Горному Крыму впервые неоспоримо фиксируется только в Житии Иоанна Готского (первая половина IX в.). Позднее Готия как административно-политическая и церковная единица фигурирует в различных источниках (Могаричев и др. 2017. С. 429–433).

Дискуссия «Крым или Дунайский регион» проходила и в отношении сведений так называемой **Записки готского топарха**. Однако в 1971 г. американский византист И. Шевченко убедительно показал, что это не что иное, как подделка. Его подержали и современные исследователи (Медведев 2003).

Литература

- Атанасов Г.* Раннохристиански светци-мъченици от Българските земи I–IV в. София, 2011.
- Байер У.Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму. Пг., 1921. Ч. 1: Известия Государственной академии Истории материальной культуры, вып. 1. С. 265–344.
- Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1912. Т. 2, вып. 2. С. 297–350.
- Медведев И.П.* К вопросу о подлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160–172.
- Могаричев Ю.М.* Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии // Преслав Сборник. Велико Търново, 2013. Т. 7. С. 337–353.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.* Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017.

В.Я. Петрухин

К ТИПОЛОГИИ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ И ЗЕМЛЯНЫЕ ГОРОДИЩА

Отечественная историография была традиционно ориентирована на марксистскую схему урбанизации: рвы, окружавшие стены городов, были могилой родового строя, замки воплощали процесс феодализации. Таковым был подход С.А. Плетневой в отношении кочевых обществ («от кочевий к городам» – Плетнева 1982), таковым оставался подход специалистов по славяно-русской археологии: характерно название обобщающего тома в серии «Археология СССР» – «Древняя Русь: Город, замок, село» (1985).

Полемика по поводу «городов» и «замков» началась в 2000-х годах в связи с интерпретацией археологических памятников Хазарского каганата: отражает ли археологическая салтово-

маяцкая культура государственную культуру каганата, и является ли крепостная архитектура свидетельством сложения государственности в Хазарии (ср.: Афанасьев 2001; обзор проблематики см.: Флёров 2011; 2019). Эта полемика затрагивает весь круг гипотез, связанных с хазарами: можно ли сводить государственную территорию к предполагаемой этнической территории хазар на нижнем Дону, какую реальность отражает салтовомаяцкая культура, если ее коммуникации несводимы к этническим контактам? Наконец, можно ли считать сеть хазарских крепостей свидетельством урбанизации, если к «городам», обладающим всеми традиционными признаками города (ремесло, торговля, дворцовая архитектура и т.д.) можно отнести лишь столицу Итиль (Флёров 2019)?

Последний вопрос требует иной постановки: строительство греками Саркела явно отражает византийскую городскую архитектурную традицию, договор о строительстве – сложившиеся дипломатические *межгосударственные* отношения. Археология демонстрирует, что эти отношения не сводились к уникальному договору о строительстве кирпичной крепости на левом берегу Дона: построенные из белокаменных хорошо отесанных блоков крепости на правом берегу Дона по убеждению участников полемики также отражают византийскую городскую традицию. Более того, ту же традицию демонстрирует черепица, обнаруженная не только на донских крепостях, но и в степной глубинке, на Маныче. В.С. Флёров предположил даже, что эта традиция может предполагать «неизвестную византийскую миссию в Хазарию» (Флёров 2017).

Скорее, сеть хазарских поселений, построенных с элементами византийской традиции, отражает определенную тенденцию в формировании хазаро-византийских отношений. От кого стремилась защитить хазар Византия? Лишь историографической инерцией (восходящей к взглядам Б.А. Рыбакова) можно объяснить гипотезу об угрозе некоего Русского каганата, не известного ни археологии, ни письменным источникам. По предварительной датировке (ни одна из крепостей не исследована целиком) сеть крепостей формировалась в первой трети IX в. Если русь и появилась в Восточной Европе, то только в Ладоге на так называемом Земляном городище. Романтические представления

о ней, как первой русской столице (ср.: Кирпичников, Сарабьянов 2013; скептический взгляд о «хакане рос» и т.п. в Ладоге: Носов 2018. С. 59 и сл.) иногда доводят до конструкций Русского каганата на севере, в Нижнем Поволховье, но угроза Хазарии со стороны поселившейся в нескольких больших домах ладожской дружины не могла быть реальной.

К историографическим недоразумениям относится и представление о раннем (начало IX в.?) уничтожении русью центра хазарской власти над летописными северянами в левобережье Среднего Днепра городища Битица на р. Псёл, выдвинутое А.В. Григорьевым (Григорьев 2012. С. 113–114). Кризис на востоке Хазарии нуждается в специальном исследовании. Явно не с этим кризисом связано крепостное строительство под эгидой Византии. Греков интересовало укрепление степной границы Хазарии, и это увязывается с начавшимся в первой трети IX в. продвижением венгров к Дунаю, традиционной границе Византии, где они впервые оказались в 830-х годов (ср.: Петрухин 2019. С. 87–89). В сфере влияния Византии на Тамани и в Крыму появление хазарских («салтовских») поселений VIII – первой половины IX в. очевидно не связано с завоеванием, они концентрируются в степных регионах и лишены мощных оборонительных сооружений. Их упадок во второй половине IX в. объясняется продолжающимся конфликтом в причерноморских степях. На смену венграм идут печенеги (Могаричев и др. 2017. С. 168–187).

Но строительные усилия греков не ограничивались степью. На Северном Кавказе (Карачай), на «алано-абхазской границе» из тесаных блоков была выстроена огромная (с 14 башнями) крепость в Хумаре (Флёров 2011. С. 120–123; Афанасьев 2011. С. 118) и другие укрепления. С.Н. Малахов предположил, что эта строительная программа Византии была связана с обострением арабо-хазарских отношений в середине IX в. (Малахов 2004; Афанасьев 2011. С. 118).

Византия выстраивала оборону Хазарии как своего союзника в Евразии. Главную угрозу представляла экспансия халифата, византийская дипломатия стремилась активизировать все силы, чтобы преодолеть эту угрозу. Эти усилия способствовали появлению руси (дружины скандинавского происхождения) на международном арене: послы народа «рос» в Константинополе и

Ингельхайме (Бертинские анналы, 839 г.), по давнему предположению (Петрухин 2019. С. 60–71), были частью хазарского посольства, просившего греков прислать строителей Саркела.

Начальная Русь не знала крепостей, подобных хазарским (не было и подобного строительного материала). Сеть «земляных» городищ, подобных Староладожскому, стала формироваться на магистральном для Руси пути «из варяг в греки» не ранее середины IX в. Так датируется Новгородское «Рюриково» Городище, дискутируется ранняя дата городища в Гнёздове, киевский Подол по данным дендрохронологии был заселен к концу IX в.

Невыразительность земляных укреплений позволила в 1970-е годы отнести эти поселения к «открытым» (ОТРП – открытые торгово-ремесленные поселения). Более существенной, с точки зрения археологической типологии, представляется их «квартальная» планировка с ориентацией на водный путь, объединяющая эти поселения не только со Старой Ладогой, но и с балтийскими виками (Бирка, Хедебю, Рибе – см.: Сагайдак 2007). Судьба этих поселений, в XI в. уступивших место средневековым городам, провоцирует, как и в случае с хазарскими крепостями, на то, чтобы отличить эти поселения от собственно городов – их стремятся именовать протогородами, эмбрионами городов и т.п.

Показательно, что материал этих поселений содержит свидетельства ранних (середина IX в.) контактов с Византией. Это – монеты Феофила, к которому было отправлено посольство хазар и народа «рос», обнаруженные в максимальном количестве в Гнёздове (11 экз., преимущественно фоллисы). Единичные находки известны на Новгородском Городище и в Бирке (примечательно, что, как правило, они обнаружены в комплексах X в.). Эти монеты не могут считаться свидетельствами торговли, т.к. фоллисы не имели хождения на международном рынке – скорее, речь может идти о престижном свидетельстве контактов с империей. Более определенно о дипломатических контактах говорят византийские печати середины IX в., обнаруженные на тех же поселениях – на Новгородском Городище (Булгакова 2010), в Хедебю, Рибе и датской королевской усадьбе Тиссё (Duczko 2004. Р. 36; Петрухин 2019. С. 71). Очевидно, что греки пытались привлечь на свою сторону не только хазар, но и подвижные дружины с Балтики и рек Восточной Европы. Эти свидетельства

напоминают нам о конструкции, предложенной Д. Оболенским и вызвавшей скепсис отечественных византинистов: ученый усматривал в дипломатической практике Византии идею «Византийского содружества наций» (Оболенский 1998).

Можно заключить, что византийские усилия, как в области крепостной архитектуры в Хазарии, так при установлении контактов на поселениях начальной руси и скандинавов на Балтике, характеризуют разные стороны процессов *урбанизации* и ведущую административную роль формирующихся городских центров (ср. о механизме этих процессов в связи со становлением государств: Urban Network Evolutions 2018; Крадин 2019).

Литература

- Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 5–15.
- Афанасьев Г.Е.* Кто же в действительности построил Левобережное цимлянское городище? // РА. 2011. № 3. С. 108–119.
- Булгакова В.И.* Византийская печать IX в. с Рюрикова Городища // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 25–27.
- Григорьев А.В.* Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // ДГ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 97–127. 72-178
- Древняя Русь: Город, замок, село /* Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. (Археология СССР).
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога – первая столица Руси. СПб., 2013.
- Крадин Н.Н.* Является ли город критерием государственности? // ВЕДС-XXXI: Ранние этапы урбанизации. М., 2019. С. 138–144.
- Малахов С.Н.* Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Тез. докл. XVII Всерос. науч. сессии византинистов. М., 2004. С. 120–122.
- Мозаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.* Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017.
- Носов Е.Н.* Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб., 2018. С. 45–65.
- Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая: историко-археологические очерки. М., 2019.

- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Сагайдак М.А.* К истории градообразования на территории древней Руси, VI – первая половина XI в. // История русского искусства. М., 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси: IX – первая четверть XII в. С. 81–108.
- Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата: археологическая реальность. М., 2011.
- Флёров В.С.* О первых публикациях местонахождений Башанта. Незвестная византийская миссия в Хазарию? // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 281–295.
- Флёров В.С.* В поисках хазар на поселениях и в крепостях // ВЕДС-XXXI: Ранние этапы урбанизации. М., 2019. С. 254–259.
- Duczko W.* Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston, 2004.
- Urban Network Evolutions: Towards a high-definition archaeology / Ed. R. Raja, S.M. Sindbæk. Aarhus, 2018.

А.В. Подосинов

**«ЛУКАНОВСКИЕ» СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАРТЫ
И ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ОСНОВА В «ФАРСАЛИИ»
ЛУКАНА: К ВОПРОСУ ОБ АНТИЧНЫХ ИСТОКАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТОГРАФИИ**

Историки античной и средневековой картографии до сих пор не могут прийти к единому мнению в вопросе о преемственности или разрыве между ними. Одним из важнейших аргументов в пользу существования преемственности признается тот факт, что некоторые средневековые карты дошли до нас в составе рукописей, в которых находились произведения античных авторов, и служили иллюстрациями к их текстам. Речь идет о «Югуртинской войне» римского автора Гая Саллюстия Криспа, написанной в конце 40-х годов до н.э. и об эпической поэме Марка Аннея Лукана (39–65 гг. н.э.) «Фарсалия», повествующей о гражданской войне между Цезарем и Помпеем. Эти карты так и называются – «саллюстиевы» и «лукановские». Часто предполагается, что они восходят к картографическому творчеству самих античных авторов.

При этом известно, что большинство карт Средневековья, как и «саллюстиевы» и «лукановские», имеют восточную ориентацию, т.е. восток находится наверху карты. В то же время мы знаем, что сохранившиеся античные карты ориентированы на север. Это и карта части черноморского побережья, нарисованная краской на кожаной обшивке щита римского легионера из сирийской крепости Дура Европос середины III н.э. (возможна, правда, западная ориентация карты), и незаконченная карта Пиренейского полуострова на знаменитом «папирусе Артемидора» I в. до н.э., и карты Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.), и латиноязычная так называемая Певтингерова карта, создание которой относят то к периоду эллинизма, то к эпохе Августа, то к 300 г. н.э., и карта мира Косьмы Индикоплова VI в. н.э., очевидно, продолжавшая традиции греческой картографии.

Разная ориентация карт ставит вопрос об обстоятельствах и хронологии возникновения восточной ориентации средневековых карт. Обычно причиной такой ориентации считают общехристианскую ориентационную практику, отразившуюся в архитектуре, церковных ритуалах, направлении молитвы, погребениях, местоположении Рая и других сферах, где восток почитался как сакральная сторона света, и тогда восточную ориентацию карт следует считать особенностью именно средневековой картографии.

Некоторые же исследователи полагают, что уже в поздней античности карты (особенно римские) были ориентированы на восток. Отсюда и предположение о Лукане и Саллюстии как творцах карт с восточной ориентацией.

Трехчастный мир, присущий средневековым *mapae mundi*, содержащий три континента – Европу, Азию и Африку, столь часто присутствующий на Т-О картах, каковыми являются и большинство карт Саллюстия и Лукана, также часто выводят из позднеантичных, как правило, римских карт. Конечно, это членение ойкумены на три материка было общим местом всей античной географии и стало таким же общим местом средневековой географии и картографии, которая при этом населила эти три континента, согласно библейской традиции, потомками трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Яфета. Но отсутствие античных картографических артефактов такого типа не позволяет вывести напрямую Т-О карты из античных образцов.

Посмотрим, как обстоит дело с Луканом как творцом «лукановских» карт. Для этого обратимся к тексту самого поэта, давшему повод считать его представителем восточной картографической ориентации.

Вот как описывает ойкумену Лукан (IX, 411–420, перевод Л.Е. Остроумова):

Ежели верить молве, то является Ливия третьей
Частью земли; но если судить по ветрам и по небу,
Это – Европы лишь часть, ибо Нил не ближе, чем скифский
Брег Танаиса, лежит от крайнего города – Гадов,
Там, где от Ливии край Европы бежит и в изгибе
Морю место дает: гораздо большие земли
В Азии только одной. В то время как первые вместе
Нам источают Зефир, – Борей ее слева объемлет.
Справа же Нот, а она, без конца на восток простираясь,
Эвром владеет одна.

Tertia pars rerum Libye, si credere famaе
cuncta velis; at, si ventos caelumque sequaris,
pars erit Europae. Nec enim plus litora Nili
quam Scythicus Tanais primis a Gadibus absunt,
unde Europa fugit Libyen et litora flexu
Oceano fecere locum; sed maior in unam
orbis abit Asiam. Nam, cum communiter istae
effundant Zephyrum, Boreae latus illa si_ostrum
contingens dextrumque Noti discedit in ortus
Eurum sola tenens.

Желая проиллюстрировать этот географический текст картографически и выбирая ориентацию будущей карты, невольно склоняешься к восточной: автор текста мысленно находится на западной точке ойкумены у Гибралтарского пролива (*Gades*), уходящей от него на восток, перед ним Средиземное море, слева от него север и Европа, справа – Африка (Ливия) и далее на востоке – Азия, простирающаяся в ширину на такое же расстояние, как Европа и Африка, вместе взятые. На одном расстоянии от Гибралтара находятся реки Нил и Танаис, которые, следовательно, лежат на одной линии. При этом дано обозначение ветров, дующих на ойкумену с четырех сторон (Зефир, Борей, Нот, Эвр). Вот и готовая схема ориентированной на восток *mapa mundi* с двумя географическими реперами – Нилом и Танаисом, образующими по-

перечную перекладину на Т в Т-О картах; такая карта и производится с IX в. в рукописях, содержащих «Фарсалию».

Возникает вопрос, составил эту карту сам Лукан или на основании этого описания ее начертил какой-то книжник спустя почти десять веков после создания текста. Сторонники античного происхождения такого рода карт не осознают, что Луканов порядок описания географии ойкумены (начиная с Гибралтара двигаться на восток, описывая Европу слева и Африку справа) свойствен многим античным авторам, вовсе не претендующим на обладание или составление восточноориентированной карты, и описание Лукана следует этому канону.

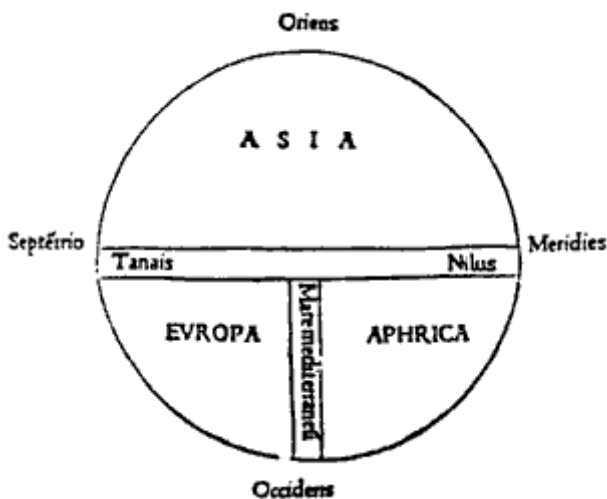

Рис. 1. Т-О карта мира (XV в.)

Вот, например, как построено начало описания ойкумены у римского автора Помпония Мелы, современника Лукана (I, 6–8):

...Море [Средиземное], сначала будучи узким – не более десяти миль в ширину – раздвигает сушу и входит в нее... 7. Узкий вход в начале моря [Гибралтар] мы называем Проливом... 8. Этим морем и двумя знаменитыми реками – Танаисом и Нилом – вся [суша] делится на три части. Танаис, текущий с севера на юг, впадает приблизительно в среднюю часть Меотиды; а с противоположной стороны в море [впадает] Нил. Все земли, прилегающие к этим рекам,

мы называем – по одну сторону от пролива – Африкой, по другую – Европой: до Нила [тянется] Африка, до Танаиса – Европа. Все, что за этими пределами, – Азия.

Плиний Старший, если говорить о римской геокартографии, также начинает описание ойкумены из Гибралтара, но, упоминая Мавретанию, говорит об островах Блаженных в Атлантике, что они находятся «слева от Мавретании» (VI, 202: «*laeva Maur-etania*»). Странники восточной ориентации римских карт с удивлением отмечают, что это выражение означает северную ориентацию.

Важно отметить, что в литературном тексте географические описания, использующие выражения «спереди», «выше», «ниже», «справа», «слева», вовсе не означают, что автор пользовался картой с определенной ориентацией, но лишь указывают на направление его описания.

Тот же Оросий, который считается одним из «отцов» восточноориентированных средневековых карт (или продолжателей позднеримских), может быть заподозрен (в глазах некоторых исследователей) в использовании карт с западной ориентацией, когда, описывая рубежи Азии, он как бы смотрит на ее очертания с востока (I, 2, 13–14): «Азия в центре восточной стороны (*ad mediam frontem orientis*) имеет вдающуюся в восточный океан реку Ганг, слева (*a sinistra*) мыс Калигардаманы, недалеко от которого на юго-востоке находится остров Тапробана (Шри Ланка)... 14. Справа (*a dextra*), где завершается Кавказ, она имеет мыс...» и т.д. См. также I, 2, 2: «Азия... на западе справа (*a dextra*) примыкает к Европе, начинающейся близ северного полюса, слева (*a sinistra*) же оставляет Африку» (перевод В.М. Тюленева).

Таким образом, текст Лукана «невинен» с точки зрения картографии, но вполне мог дать позднейшим интерпретаторам, желающим проиллюстрировать его текст с помощью карты, импульс для создания восточноориентированной карты.

На самом деле в нашем распоряжении есть очень немного примеров того, чтобы автор географического текста упоминал сопровождающую его карту или хотя бы указал на карту, с которой он работал.

Так, например, говоря об античных истоках средневековых карт, можно сразу признать, что средневековые Макробиевы карты, построенные на «Комментарии на Сон Сципиона» Амвросия Феодосия Макробия (ок. 395–436 гг.) к шестой книге диалога Цицерона «О государстве», вполне соответствуют античным представлениям. Передавая идею о зональности Земли, понимаемой как шар, они могут рассматриваться как продолжение античной традиции, хотя от самой античности такие карты до нас не дошли.

Одним из аргументов в пользу такого континуитета может служить тот факт, что Макробиевы карты ориентированы, как правило, на север, что, как я отмечал, свойственно античной картографической традиции и расходится со средневековой практикой ориентирования. Так, в II, 5, 16 Макробий называет северную обитаемую зону, где «живут римляне, греки и всякие варварские народы» *superior* («находящуюся выше»), очевидно, имея в виду североориентированную карту (см. также II, 5, 14: «*est enim superior septentrionalis, inferior australis extremitas*»). Вероятно, о карте идет речь, когда Макробий говорит (II, 5, 8), что «если иметь перед глазами расположение зон, то будет легче воспринимать прочее» («*situ eorum [cingulorum = zonarum] ante oculos locato cetera erunt intellectui proniora*»), и что «уму легче понять смысл *descriptione quam sermone*» (II, 5, 13): противопоставленное здесь «речи» (*sermo*) слово *descriptio* (букв. «описание») вполне может означать «изображение» (схему), тем более что далее Макробий действительно показывает с помощью точек и линий, как должны выглядеть зоны на *orbis terrae*. Судя по дальнейшему изложению Макробия, он вполне мог изготовить схемы, отражающие идеи пяти зон, и даже разместить в «верхней умеренной» ойкумену (см. II, 9, 7: «Всё это может разместить перед глазами приложенное описание (*descriptio* = карта?), в котором ты можешь обнаружить и начало Нашего моря, у которого оно единственное, и начало Красного и Индийского морей, и откуда начинается Каспийское море»).

Итак, у Макробия мы встречаемся с редким случаем, когда автор литературного географического текста тут же сообщает о создании или существовании его картографического варианта, который здесь же и присутствует, отражая содержание текста.

Еще один такой случай зафиксирован в тексте «Комментария к Апокалипсису» (между 776 и 786 гг.) Беата из Лиебаны, который сообщил, что он приложил к тексту рисунок (Comment. in Apoc. Prol. 3, 21: «subjectae formulae pictura demonstrat»), чтобы показать, где апостолы распространяли христианство в мире. Поэтому можно заключить, что богатая традиция «беатовских» карт, помещаемых в рукописях с «Комментарием» Беата, могла иметь протограф в рукописи самого Беата.

Таким образом, если мы и не можем прямо к Лукану возводить средневековые «лукановские» карты, то сами лукановские тексты давали возможность раннесредневековым интеллектуалам III–VII вв. рисовать Т-О схему мира в качестве маргинальных схолий, составлявшихся в традиции ученых комментариев.

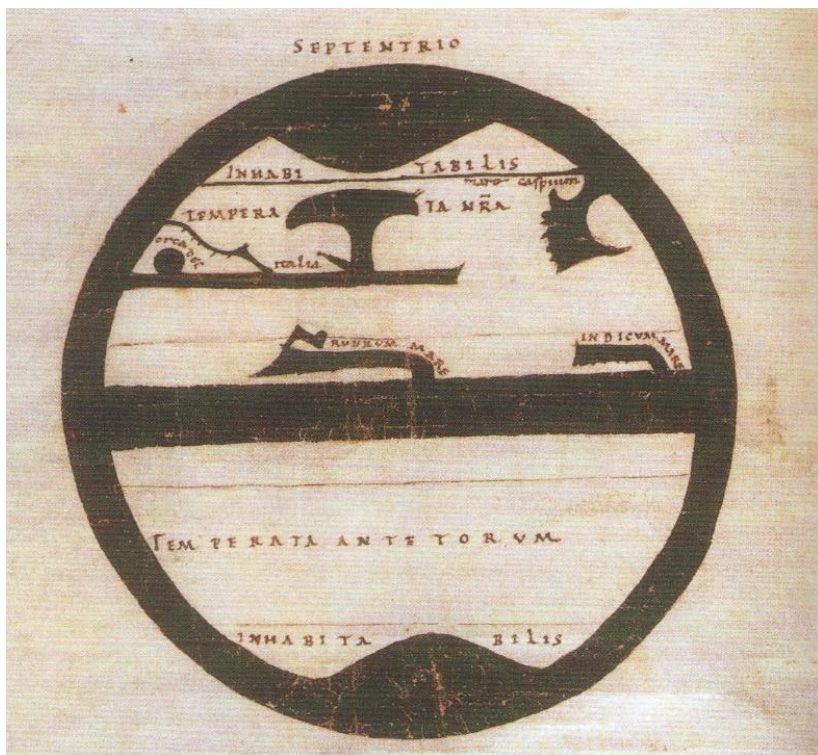

Рис. 2. Макробиева карта (вторая половина X в.)

**«ИГУМЕН РУССКОЙ ЗЕМЛИ»,
АНДАЛУЗСКИЙ ФАКИХ И РАВВИН ИЗ РЕГЕНСБУРГА В
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.
ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ПРАКТИКА В XII в.**

В докладе я сосредоточусь на анализе сочинений трех авторов, принадлежавших к трем различным культурам и в разное время посетивших Ближний Восток, и так или иначе связанных с Восточной Европой: черниговского игумена Даниила, раввина Петахии из Регенсбурга и факиха из Андалусии Абу Хамида ал-Гарнати. Немного объединяет этих трех авторов. Они жили в разное время, а маршруты их путешествий почти не пересекались. Тем не менее сравнение обстоятельств и особенностей возникновения созданных ими текстов может оказаться полезным для понимания социокультурных практик, стоявших за возникновением произведений космографического жанра и итинерариев к святым местам.

Паломничество стало важным фактором возникновения всех трех рассматриваемых в данной статье источников. В «Хожении» игумена Даниила описание совершенного им, вероятно, в 1104–1107 гг. (Глушакова 1963. С. 82) путешествия в Палестину к святым местам составляет основное содержание и цель создания произведения. Более того, вторая редакция «Хожения» представляет собой переработку основного текста, ориентированную на его использование в качестве путеводителя по святым местам (Федорова 2007. С. 368–369). Целью путешествия р. Петахии также было в первую очередь посещение «святых могил» праведников, мудрецов и пророков в Вавилонии и Стране Израиля.

В отличие от путешествий Петахии и Даниила, странствия ал-Гарнати были результатом его поездок на восток мусульманского мира с целью совершенствования его бого-

словского образования. Возможно, эти поиски стимулировало стремление андалузского путешественника преуспеть и заработать в торговых делах, и также, возможно, благодаря участию в дипломатических миссиях. Тем не менее ал-Гарнати в череде своих странствий тоже принимает на себя роль паломника, совершая в 1162 г. хадж в Мекку, достопримечательности которой описывает в своих трудах (Abu Hamid al-Garnati 1990. P. 2; Abu Hamid al-Garnati 1991. P. 255–256, 157–158 [арабск. текст]). В отличие от Даниила и Петахии, он не посещал Иерусалим, находившийся в его время под властью крестоносцев и лишь эпизодически упоминаемый в его сочинениях (Abū Hāmid al-Garnāṭī 1990. P. 92; Abū Hāmid al-Garnāṭī 1990. P. 276, 172 [арабск. текст]).

При этом Петахия, как и Даниил (но, возможно, в отличие от ал-Гарнати) не был профессиональным купцом или торговцем, вопреки разного рода спекуляциям, существующим на этот счет в русскоязычной литературе (Плетнева 2010. С. 140–141). В отличие от своего старшего современника Вениамина из Туделы, неоднократно отмечающего популярность различных городов и местностей у пребывающих из разных стран торговцев (Itinerary 1907. P. XIII, 2, 12, 76, πδ–πθ, τ^ο, λ), Петахия никогда не проявляет интереса к торговым делам.

Восточная Европа и в рассказах р. Петахии, и в сочинении ал-Гарнати предстает в роли культурной периферии, соответственно, еврейской диаспоры и исламского мира. Мусульманский путешественник из Андалусии берет на себя роль духовного наставника единоверцев в православном Киеве и католической Венгрии (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971. С. 37; 40–42). Похожим образом ведет себя и Петахия, обучая «евреев страны Кедар» (Grünhut 1905. P. 4) или «страны Хазарии» (согласно новооткрытой варшавской рукописи его сочинения; см.: David 1996. P. 255) раввинистическому ритуалу, принятому у него на родине. Таким образом, паломник и купец поневоле оказывается

также и миссионером среди единоверцев, отрезанных от главнейших центров своей религии.

Путешествия, и в том числе самостоятельные поездки паломника, были делом весьма рискованным, а поддержка и заступничество влиятельных лиц и наличие рекомендаций от них зачастую становились условием выживания. Так р. Петахия в своих поездках по общинам и местам погребения праведников пользовался рекомендательным письмом главы багдадской йешивы Самуила бен Али (ум. 1194) (Grünhut 1905. P. 12; David 1996. P. 261). Видимо, реальные впечатления еврейского паломника отражают его свидетельства о диковинных для жителей центральной Европы обычаях давать специальные клятвы и совершать при этом незнакомые ему ритуалы, встреченные им в половецкой степи (Grünhut 1905. P. 2; David 1996. P. 255). Согласно сообщениям Петахии, к помощи вооруженной охраны, нанятой его покровителями, ему приходилось обращаться во время путешествий по Ираку (Grünhut 1905. P. 13; David 1996. P. 261). Об опасностях путешествий к святым местам много и подробно говорится в «Хожении» Даниила. Так, русский игумен вынужден был растратить весь свой «худой добыточек» (Житье и хоженье 2007. С. 16–17) на помощь провожатых. Особенно опасной считалась дорога между Яффо и Иерусалимом из-за нападений со стороны Аскалона, до 1153 г. остававшегося неподконтрольным крестоносцам (Там же. С. 24–25; Мельникова 2001. С. 370). Именно через Аскалон и далее Баальбек и Дамаск ал-Гарнати продолжил свое путешествие из Египта в Ирак в 516 г.х. (1123/24 г.) (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971. С. 8). Небезопасным для Даниила было и путешествие на север в Галилею, которое он смог совершить, только сопровождая в походе войско Балдуина I (Житье и хоженье 2007. С. 92–93).

Характерно, что описания путешествий иудейских паломников второй половины XII в. (Петахии и его старшего современника – Вениамина из Туделы) уже не содержат

упоминаний военных тревог и опасностей на территории Иерусалимского королевства, поскольку оба автора путешествовали в относительно мирные годы. Петахия – за двенадцать лет до разгрома крестоносцев при Хиттине и взятия Иерусалима в 1187 г. Салах ад-Дином (David 1996. P. 239–240). Вениамин же побывал в Палестине как минимум десятилетием ранее (Itinerary 1907. P. 1–2).

Любопытной особенностью в описаниях Иерусалима и прочих святых мест в еврейских источниках является их почти полная бесстрастность и отсутствие эмоций (Grünhut 1905. P. 32–34; David 1996. P. 269; Itinerary 1907. P. 22–25, 12–13), столь резко контрастирующая с описанием Даниила: «и бывает тогда радость велика всякому христианину, видевше святыи град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитье бывает от верныхъ человекъ. Никтоже бо может не проследитися, узревъ желанную ту землю и места святаа вида, идеже Христось Богъ нашъ претръпе страсти нас ради грешныхъ. И идуть вси пеши с радостию великою къ граду Иерусалиму» (Житье и хоженъе 2007. С. 26–27). Среди современных еврейских авторов лишь Иегуда га-Леви позволяет себе в своих стихах, не скрывая своих чувств, писать о стране Израиля. Однако его религиозная лирика уже никак не связана с паломнической литературой, и к тому же она была создана им еще в Испании или на пути в Египет и Палестину. Тем более что о завершении его путешествия туда какие-либо ясные сведения отсутствуют (Иегуда га-Леви 2011. С. 154).

Наконец, еще одна особенность отражения паломнических практик в еврейских источниках – огромная роль Вавилонской диаспоры как важнейшего центра еврейской жизни, с которым, конечно, не могли сравниться немногочисленные сумевшие уцелеть под властью крестоносцев палестинские общины. Именно Вавилонии Петахия посвящает большую часть описания своего путешествия на Восток, тогда как палестинские известия, сохранившиеся в тексте его сочинения, по своему объему относительно невели-

ки. Похожим образом Рим и Константинополь выступают не менее значимыми центрами как Восточной, так и Западной части христианского мира. Что же касается мира ислама, то в нем литература, посвященная достоинствам Иерусалима (арабск. *фадаил ал-Кудс*), возникнет лишь в более позднюю эпоху после отвоевания города Салах ад-Дином (Крачковский 2004. С. 501).

Литература

- Глушакова Ю.П.* О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 79–87.
- Житье и хоженье Даниила Руськыя земли игумена // Хожение Игумена Даниила в Святую Землю. СПб., 2007. С. 14–159.
- Иегуда га-Леви. Песни Сиона / Изд. подгот. З. Копельман и Ш. Крол. М., 2011.
- Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Кругосветное путешествие р. Петахии из Регенсбурга (иврит) / Ed. E.H. Grünhut. Frankfurt, 1905.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001. С. 363–436.
- Плетнева С.А.* Половцы. М., 2010.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971.
- Федорова И.В.* Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила // Хожение Игумена Даниила в Святую Землю. СПб., 2007. С. 339–398.
- Abū Ḥāmid al-Garnāṭī (m. 565/1169). Tuḥfat al-Albāb (El regalo de los espíritus) / Presentación, traducción y notas por A. Ramos. Madrid, 1990.
- Abu Hamid al-Garnati (m. 565/11690. Al-Mu‘rib ‘an ba‘d ‘a‘ya‘ib al-Magrib (Eulogio de algunas maravillas del Magrib) / Introducción, edición i traducción por I. Bejarano. Madrid, 1991.
- David A.* Новая версия путешествия р. Петахии (иврит) // Kovets al-Yad. 1996. P. 237–269. T. 13.
- The Itinerary of Benjamin of Tudela / Critical text, translation and commentary by M.N. Adler. L., 1907.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА НА РУСИ И В ГОСУДАРСТВАХ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТОПОС ИЛИ СЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИИ?

Хрестоматийный рассказ о крещении князя Владимира Святославича начинается соревнованием представителей различных конфессий и религий (волжских болгар, немцев, «жидов козарских» и, наконец, византийцев в Киеве). Однако правитель Киева, посоветовавшись со своей дружиной, решает отправить десять «добрых и смысленых» мужей для дополнительной проверки, «кто како служит Богу». Пораженные красотой богослужения в константинопольском храме св. Софии, послы русов отдают предпочтение «закону греческому», к этому же, в итоге, подводит Владимира совет бояр и пример собственной бабки Ольги. Возникает вопрос о месте принятия крещения, которое князю советуют принять, «где ему любо». Через год он все-таки определился с местом, но вместо ожидаемой поездки к епископу и подготовки к принятию таинства совершил вооруженное нападение на Корсунь (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84–109; Т. 2. Стб. 71–97). Лишь после победоносного завершения похода на Корсунь князь принимает крещение от херсонского архиепископа, а также венчается с византийской принцессой, прибывшей по его требованию из Константинополя. Исследователи давно обратили внимание на сложную структуру летописного нарратива. Не подлежит сомнению его позднейшая редактура и наличие вставок (Шахматов 1906. С. 1–8).

Примечательно и близкое сходство летописного сюжета с повествованием о выборе веры хазарским каганом, сохранившимся в «еврейско-хазарской» переписке. Конкретные обстоятельства победы иудаизма в Хазарии, равно как и степень влияния новой веры в повседневной жизни кочевого общества, остаются дискуссионными (Бубенок 2016). Однако, независимо от споров о хронологии событий, тексты различных письменных традиций согласно сообщают о диспуте представителей христианства, ислама и иудаизма, предварявшего выбор веры каганом. Так, по сведениям письма царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту,

каган Булан повелел провести дебаты между посланцами «царя Эдома» (христианами), «измаильтянами» и мудрецом из числа «сыновей Израиля». Представители христиан и мусульман отстаивали превосходство собственного вероучения, но при этом отдавали предпочтение иудаизму в сравнении с религией своих оппонентов. Выслушав их доводы, каган склонился к выбору веры Авраама. Окончательное установление иудаизма в Хазарии относится к заслугам внука Булана, Обадии, содействовавшего строительству синагог и школ и собравшего раввинов, способных толковать Писание, Мишну и Талмуд (Коковцов 1932. С. 75–80, 93–97).

Несколько иначе ход событий передает письмо анонимного еврея (так называемый Кембриджский аноним). В этом тексте делается попытка объяснить причины разделения власти между каганом и беком, или «шадом». Анонимный автор этого письма утверждает, что у хазар изначально не было царей, а иудеи выдвинулись среди них благодаря воинской доблести. Тем не менее в центре повествования также соревнование христианских, исламских и иудейских мудрецов (Коковцов 1932. С. 115–116; Голб, Прицак 2003. С. 138–140). Житие Константина Философа описывает религиозную полемику в Хазарии в более выгодном для христиан свете. Несмотря на то, что, согласно житию, Константин Философ одержал победу в споре, ему удалось обратить к вере только двести человек, а сам каган не поддался проповеди. Более успешным был дипломатический аспект миссии – освобождение ромейских пленников (Климент Охридски 1973. С. 96–103).

В раннем Средневековье подобная ситуация наблюдалась и на противоположной, восточной окраине Великой Степи – в Уйгурском каганате. После успешного похода на Лоян в 762 г. Бёгю-каган обратился в манихейство (Golden 2007. P. 128–129). Дополнительные подробности этого приводит персидский историк Ала ад-Дин Ата-Мелик ибн Мухаммед Джувейни. По его сведениям, в период правления «Буку-хана» состоялись дебаты между сторонниками традиционного для кочевников тенгрианства («камами») и «номистами» (буддистами), в ходе которых «камы» потерпели поражение (Juvaini 1958. P. 59–60). Вероятно, поздний автор перепутал манихейство с буддизмом (Гумилев

1967. С. 384). Нельзя исключить и перенесения в прошлое реалий Монгольской империи, в которой буддизм противостоял традиционным верованиям степняков. Специалисты отмечают общий контекст религиозной трансформации в Уйгурском и Хазарском каганате, где победу в итоге одержали представители «гонимых» вероучений (Golden 2007. P. 128–129; Петрухин 2014. С. 159). Традиционно эти сюжеты исторических нарративов интерпретируют, прежде всего, в контексте взаимного влияния и трансформации литературного топоса. Однако позднейшие свидетельства о религиозной полемике при дворе кагана в Монгольской империи и улусах Чингизидов приводят к мысли о том, что за литературно оформленной фабулой скрываются и некие реалии.

Сбор сведений о религиях мира в империи монголов служил прагматическим целям, помогая великому каану выстраивать политику по отношению к различным странам, а религиозные миссии часто совмещались с дипломатическими, разведывательными и военными задачами (Юрченко 2013. С. 288–298). Так, в 1254 г. накануне Пятидесятницы состоялся диспут при дворе Менгу, в котором участвовали монах-минорит Гильом де Рубрук, популярные в Центральной Азии несториане, манихеи, буддисты и сарацины. Убедительность аргументов Рубрука, его перевес в споре с буддистом, однако, не привел к практическим результатам: каан в итоге так и не стал христианином. По мнению странствующего монаха, для эффективности ему не хватило умения творить знамения, подобно Моисею (Itinerarium 1929. P. 292–300). Однако верховный правитель монголов не собирался стеснять себя рамками конкретного вероучения, несмотря на то, что и несториане, и мусульмане, и буддисты считали его своим приверженцем. В 1258 г. религиозные дебаты между даосами и буддистами устроил брат Менгу, Хубилай (Россаби 2009. С. 78–80). Формальное предпочтение представителям одной из религий или даже личное обращение кого-то из Чингизидов не приводило к ликвидации монгольского имперского ритуала. В задачи политики монголов входило не только подчинение территорий, но и приобретение благосклонности новых божеств. Подобно тому, как в политической сфере верховная власть каана не упраздняла полномочия местных правителей, требуя от

них лояльности, так и монгольская «черная вера» не предусматривала искоренения конкурентных культов, лишь приобщая их к системе общегосударственных обрядов и празднеств (Юрченко 2012. С. 27, 31). Те же тенденции наблюдаются и в Золотой Орде. В истории обращения в ислам хана Узбека снова встречаются религиозный диспут и соревнование вероучений. Узбек больше всего впечатлялся магией, и язычники показывали ему трюки с самостоятельно перемещающимися чашами. Четыре мусульманских мудреца посрамили оппонентов, но лишь чудо, совершенное Баба Тукласом, вошедшим в раскаленный танур, предопределило исход полемики (de Weese 1994. P. 155–158; Утемиш-хаджи 2017. С. 44–46).

Сравнительное изучение данных различных источников свидетельствует не только о книжном топосе соревнования мудрецов, но и о существовании традиции, общей для государств и обществ Великой Степи, а также пограничных с ней территорий. Религиозные споры для повелителей степных империй служили не столько богословским целям, сколько задачам реальной политики, дипломатии и разведки. Эти традиции неизбежно трансформировались и переосмыслились составителями нарративов, зачастую тенденциозно.

В этом контексте события, которые стали поводом для создания летописного сюжета о выборе веры князем Владимиром Святославичем, вписываются в целый ряд аналогичных прецедентов в государствах Великой Степи, а значит, этот летописный нарратив не был простым воспроизведением стереотипных литературных образцов.

Литература

- Бубенок О.Б.* Так когда же хазары приняли иудаизм? // Хазарский альманах. 2016. Т. 14. С. 65–81.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М., 2003.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Климент Охридски.* Събрани съчинения / Подгот. Б.Ст. Ангелов и Х. Кодов. София, 1973.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Петрухин В.Я.* Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // *Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 159–183.

- Россаби М.* Золотой век империи монголов. СПб., 2009.
- Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Общ. ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2017.
- Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906.
- Юрченко А.Г.* Хан Узбек: между империей и исламом. Структуры повседневности. СПб., 2012.
- Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013.
- de Weese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
- Golden P.B.* The Conversion of the Khazars to Judaism // The World of the Khazars. Leiden, Boston, 2007. P. 123–162.
- Itinerarium Willelmi de Rubruck* / Ed. A. Van den Wyngaert // Sinica Franciscana. Quaracchi-Firenze, 1929. Vol. 1. P. 147–332.
- Juvaini Ala ad-Din Ata-Malik.* The History of the World Conqueror / Transl. by J. Boyle. Cambridge, 1958. Vol. 1.

В.И. Ставиский

О СМЫСЛОВОЙ НАГРУЗКЕ РИТУАЛА «ПОКЛОНЕНИЯ КУСТУ»

Успешные завоевательные походы монгольского войска на территории Восточной Европы вынудили местные элиты активно взаимодействовать с монголами, поневоле осмысливая новые для них дипломатические практики. В Галицко-Волынской летописи (ГВЛ) в описании поездки кн. Даниила Романовича в ставку к хану Бату осенью–зимой 1245/46 г. сообщается о некоем комплексе ритуальных требований монголов к прибывавшей к ним знати покоренных земель. Среди них выделяется ритуал «поклонения кусту», о необходимости исполнения которого, в том числе, русскими князьями в этом тексте сообщается трижды. Формализовался этот ритуал в хождении вокруг «куста» и суть его заключалась в поклонении навсегда «оумршимъ въ адѣ» предкам монголов, т.е. как язычникам, не имевшим надежд на Спасение (Ставиский 2011): «приходяща цѣри и князи . и велможѣ . слнцо и лоунѣ . и земли . дьяволоу . и оумршимъ въ адѣ вѣмъ ихъ . и дѣдомъ . и мѣрмъ . водаше вколо ко(у)ста . поклонатиса имъ . в сквѣрнаѣ прелестъ ихъ . се же слыша велми нача

скорбѣти... » (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806). Ниже мы узнаем, что якобы суздальский кн. Ярослав ранее уже «кланялся кусту» в ставке Бату: «Ярославлю члѣкоу. Сьньгоуроуви . рекшоу емоу . бра^ѣ твои Ярославъ кланальса . коустоу и тобѣ кланати^ѣ . и ре^ѣ емоу дьаволь глѣтъ из оустъ ваши^ѣ (вариант – твоих). Бѣ загради оуста твоа . и не слышано боудеть слово твое (вариант – и)» (Там же. Стб. 807). Далее сообщается, что за отказ выполнить поклонение кусту пострадал и черниговский кн. Михаил Всеволодович: «Михаила княза Чернѣговского не поклонившоуса коустоу . съ своимъ богариномъ Феодором . ножемъ заклана бы^ѣста» (Там же. Стб. 808). Все три сообщения связаны между собой сюжетно: обязательность выполнения поклонения кусту подчеркнута в тексте ссылкой на «приходящаа цѣри и князи. и велможѣ» и дополнена упоминанием негативного опыта других князей.

Однако ни одним другим источником не подтверждается известие о выполнении поклонения кусту кн. Ярославом; рассказ о посещении кн. Михаилом ставки Бату переставлен вопреки реальной хронологии до поездки к монголам кн. Даниила. Это заставляет подозревать искусственность литературной конструкции, и все три известия о поклонении кусту считать интерполяцией. В ГВЛ последовательно развивается мысль о том, что, благодаря своим христианским добродетелям и Божьей помощи, сопутствовавшей ему, Даниил избежал печальной судьбы своих родственников. Но у нас есть пример того, как позиционирование Даниила в тексте ГВЛ в качестве добропорядочного христианина возникло под пером редактора текста ГВЛ не ранее 1288 г. (Ставиский 2018). И в этом случае упоминание о языческом обряде монголов, возможно, тоже является дополнением редактора.

В первом фрагменте очевидно безупречное построение фразы, в результате которого при его переводе Л. Махновец вынужден был исправить текст с помощью купюры, вставленной в инфинитивную конструкцию сказуемого, произведя перестановки в тексте «по смыслу», а О. Лихачева перевела глагол в словосочетании «покланяться имѣ» как существительное. Первоначальный смысл описания поклонения кусту в обоих случаях был утрачен.

Объем вставки, в которой читается исследуемый фрагмент, значительно шире и может быть определен между словами «ѡтоуда же ѣха къ Коуремѣсѣ» и «ѡтоуда же приде к Батыеви на Волгоу» (Ставиский 2011). Двукратное включение в нее синтаксической конструкции *начноу + инфинитив* датирует ее появление концом 80-х годов XIII в. Очевидное нарушение грамматики в словосочетании «оумрѣшимъ въ адѣ ѡцѣмъ ихъ. и дѣдомъ. и мтрѣмъ. водаше ѡколо ко(у)ста. покланатиса имъ» и появление повторного словосочетания «велми нача скорбѣти» после указания «нача болми скорбѣти», понижающего уровень трагизма ситуации, могут свидетельствовать в пользу повторно редактирования этой интерполяции.

Сообщение о поклонении кусту, якобы совершенном кн. Ярославом, также появилось в тексте в результате редактирования, о чем говорит повтор глагола «прийти»: «приде к Батыеви на Волгоу. хоташоу сѧ емоу поклонити. пришедшоу же Ярославлю члвкоу». Частица *же* указывает на продолжение действия, связанного с кн. Даниилом, и не может относиться к «человеку Ярослава». В конце вставки возникло непреодолимое смысловое противоречие – «избавленъ бы^с Бмѣ (вариант – быс). и злого и^х бѣшениа . и кудѣшьства. и поклониса по вбъчаю ихъ. и вниде во вежю юго». Становится не понятно, как «избавлением» от поклонения кусту объяснить свершившееся поклонение «по вбъчаю ихъ». Также возникает соблазн прочитать фразу как «избавленъ бы^с Бмѣ... и вниде во вежю юго», т.е. Бога. Исключив вставку о поклонении кусту, мы получаем грамматически и стилистически безупречную конструкцию, не требующую домыслов: «приде к Батыеви на Волгоу. хоташоу сѧ емоу поклонити . пришедшоу же. [] и поклониса по вбъчаю ихъ. и вниде во вежю юго».

В сообщении об отказе кн. Михаила от поклонения кусту Р.-В.п. словосочетания «Михаила княза Чернѣговского» не согласуется с продолжением, представленным частью в Д.п. «не поклонившоусѧ коустоу». С последним действием связана отсылка к вставленному до описания поездки Даниила рассказу о поездке к Бату кн. Михаила, как источнику основной информации: «еже преди сказахомъ. кланание ихъ». Существительное «кланание» означает «поклонение», т.е. этим термином напо-

миналось не о «заклании», а о поклонении кусту. Но при описании поездки Михаила ничего не говорится о поклонении кусту. Ремарка и указание на поклонение кусту кн. Михаила в тексте о поездке Даниила появились после внесения изменений в структуру текста ГВЛ.

Из первоначальной редакции «Истории монгалов» Плато Карпини, посетившего ставки Курумши, Маучи, Бату и Гуюка в то же время, когда там побывали князья, упомянутые в описании поездки Даниила, становится известно, что основным объектом поклонения монголов являлся «идол, который они делают для императора и... в полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые имь подчинены». В частности, кн. Михаилу они сказали, «чтобы он поклонился на полдень Чингиз-хану. Тот ответил, что... не поклонится изображению мертвого человека». Плато Карпини добавляет, что, «если татары получают единовластие, то они всех заставят поклоняться этому идолу». Кроме того, он сообщает, что монголы «набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле...». Очевидно, что перечни объектов культа монголов в древнерусском тексте и у Плато Карпини в целом совпадают. Однако, как видим, Карпини при этом ни словом не обмолвился о поклонении кусту (Плато Карпини 1911).

Единственным текстом, содержащим описание ритуала поклонения кусту, является текст Жития Михаила Черниговского Андреевой редакции, известный из псковского пролога 1313 г. (Лосева 2009. С. 300, 301, 303). Очевидно, что он не мог быть источником информации об этом обряде в ГВЛ. Развивая идею В.Т. Пашуто о включении в текст ГВЛ выдержек из гипотетической Киевской летописи середины XIII в., мы предположили, что этот источник стал общим для ГВЛ и Андреевой редакции Жития Михаила Черниговского (Ставиский 1991. С. 200–203). Появившаяся возможность связать информацию о поклонении кусту в ГВЛ с деятельностью позднего волынского редактора исключает необходимость оперировать гипотетической Киевской летописью. Обозначение ритуала поклонения умершим предкам, известного Плато Карпини как «поклонение идолу Чингиз-хана», видимо, приобретает узлокальную окраску «поклонения кусту».

Ритуалы, входившие в порядок дипломатического приема при дворах Чингизидов, становятся понятны в контексте традиционной монгольской культуры. Они были направлены на сохранение «благодати» / «счастья» монгольских лидеров (Жуковская 1988. С. 87–91). По-тюркски мероприятия, направленные на сохранение этой благодати, обозначались термином «кут» (Древнетюркский словарь 1969. С. 471). Возможно, что пожелание счастья и процветания роду Чингиз-хана тюркоязычные переводчики связывали с поклонением душе Чингиз-хана, связанной с неким идолом, т.е. его «куту». Это слово могло трансформироваться по созвучию в славянское «куст». Термин «куст» является простонародным и его применение характерно для части текста ГВЛ, описывавшей события после 1265 г., а интерес к редкой тюркской терминологии был характерен для одного из авторов, вносившего правки в предшествующий текст ГВЛ (Ставиский 2014). Обозначение монгольского ритуала как «поклонение кусту», очевидно, является идиоматическим выражением, возникшим на Волыни в конце XIII в.

Источники и литература

- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Иоанн де Плано Карпини. История монгалов / Введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1911.
- Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М., 1991.
- Ставиский В.И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 190–204.
- Ставиский В. Читаем Галицко-Волынскую летопись // Ruthenica. Київ, 2011. Т. 10. С. 241–250.
- Ставиский В. Песни половецкие // Ruthenica. Київ, 2014. Т. 12. С. 172–178.
- Ставиский В.И. К истории одного паломничества // ВЕДС-XXX. М., 2018. С. 266–271.

ШИЛЛИНГИ НА РУСИ, ИЛИ «ШУТКИ» ЛЕТОПИСЦЕВ

В Начальной летописи упоминается денежная единица под названием «щеляг». В списках «Повести временных лет» (ПВЛ) имеются два упоминания – под 6393 (885) и 6472 (964) гг. – в сообщениях, соответственно, об обложении данью радимичей князем Олегом и о подчинении князем Святославом вятичей, которые до него платили дань хазарам. Второе из этих сообщений находит соответствие в Новгородской I летописи младшего извода (НIмл.) и должно восходить к «Начальному своду». Первое (о радимичах) следует считать плодом творчества составителя ПВЛ (Стефанович 2014. С. 43–46). Сообщение о вятичах выглядит так: Святослав «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: Кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ по щьлягу и от рала даемъ» (далее сообщалось о войнах Святослава с хазарами и подчинении вятичей. – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65; Т. 3. С. 117).

В литературе давно уже высказывались разные догадки по поводу того, что представлял собой этот «щеляг». В последнее время наиболее популярной стала версия, что слово передавало английское понятие (счетно-денежную единицу) «шиллинг». Опирается эта версия, прежде всего, на вывод лингвистов о заимствовании в древнерусский язык из древнеанглийского или древнескандинавского: *skillinġr* / *scilling* → *щьлязь* (Фасмер 2007. С. 508). Однако с исторической точки зрения эта версия выглядит несообразно: совершенно непонятно, каким образом мог вписаться шиллинг в древнерусскую «дирхемно-гривенную» денежную систему и почему вятичи стали вдруг платить хазарам (а потом руси) дань в шиллингах, к тому же такую большую (в одном шиллинге 12 денариев). В конце концов, колебания историков привели к признанию одним из них, что летописец, перенеся английский шиллинг в Восточную Европу, просто «пошутил». Автор, разглядевший в летописи «шутки», склонен рассматривать не только это, но и несколько других известий о взимании русью дани с разных племен как

литературную конструкцию, лишенную всякой исторической достоверности (Цукерман 2019).

Я не могу согласиться с таким «юмористическим» подходом к древнерусскому летописанию. На мой взгляд, работа К. Цукермана наглядно показывает, что сравнительно-исторические поиски в решении «проблемы щеляга» зашли в тупик. Разумеется, это не значит, что сам сравнительный метод плох. Просто надо изменить направление поиска. Как выясняется, перемена курса возможна на пути расширения «источниковой базы» – помимо летописного упоминания щеляга есть еще один случай употребления этого слова в древнерусских текстах, упущенный из виду историками.

Слово употребляется в переводе Жития Марка Арефусийского, вошедшего в состав Пролога (под 29 марта; соответственно, в «мартовском полугодии» Пролога). Оно использовано во фразе святого Марка, обращенной к его мучителям-язычникам: «реч(е) яко: ни единого щляга дамы вамъ». Согласно современным исследованиям, перевод греческого Синаксаря, легшего в основу древнерусского Пролога, был осуществлен группой переводчиков, включавшей болгар и русских, скорее всего, на Руси в конце XI – начале XII в. (см. в специальных работах, отмечающих *щеляг* как «русизм»: Лосева 2009. С. 32; Пичхадзе 2011. С. 90). Слово присутствует в списках Пролога, отразивших его древнейшую редакцию (напр.: РГАДА, Тип. 172, л. 24в; Тип. 177, л. 36а), и должно восходить к оригинальному переводу (см. о текстологии: Прокопенко 2011). *Щьлягъ* в переводе Жития передавало греч. ὀβολός – так в Ватиканской рукописи XII–XIII вв. греческого синаксаря в редакции, наиболее близкой славянскому Прологу (Vat. Gr. 2046, f. 205d; ср. также в издании Синаксаря по другим рукописям: Delehaye 1902. Col. 566; благодарю Л.В. Прокопенко за сообщение о чтении в греческих рукописях и за консультацию). И в греческом оригинале, и в славяно-русском переводе соответствующие слова употреблены в значении «(самая) мелкая монета». В списках, отразивших позднейшую редакцию Пролога, в этом месте слово *щьлягъ* могли заменять другими словами – например, *пѣназь* (см., на-

пример: ГИМ, Син. 245, л. 37г). Исходили, очевидно, из того же смысла – мелкая монета, но просто редкое слово заменяли на синонимичное более ходовое.

Из этого свидетельства следует, что слово *цьлазь* было в употреблении к началу XII в., обозначая вообще мелкую монету (в таком значении слово было известно и позднее в текстах с конца XIV в., а в разговорном языке дожило до XIX в. – Срезневский 1912. Стб. 1615–1616; Зварич 1978. С. 188). Откуда могло взяться такое значение?

На мой взгляд, важным обстоятельством является то, что у слова *цьлазь* была пара – старо- и церковнославянское слово *стьлазь/скълазь*, сохранившееся в рукописной традиции. Лингвисты предполагают, что это было более древнее заимствование того же слова «шиллинг» из какого-то германского языка в праславянский (Фасмер 2007. С. 508). Не берусь судить, насколько необходимо предполагать именно два разных заимствования, а не трансформацию старославянского *стьлазь / скълазь* в древнерусское *цьлазь*. Но в любом случае, в древнерусском узусе родственная связь этих двух слов должна была ощущаться. Об этом свидетельствует, например, замена старославянского *стьлазь* древнерусским *цлазь* в одной из статей Пространной и Сводной редакций «Закона судного людем» (при сохранении в других статьях «стелязей»; Закон судный людем 1961. С. 96, 142).

Между тем старославянское *стьлазь/скълазь* претерпевало в древнерусской книжности явные семантические сдвиги. В кирилло-мефодиевских текстах это слово более или менее последовательно предавало греческое νόμισμα (например, в том же «Законе судном людем»), обозначая соответствующую монету (золотой византийский солид) (ср.: ССЯ IV. 1997. С. 97, 195). Однако в позднейшей рукописно-книжной традиции Руси слово могло чередоваться с разными другими обозначениями монет – такими как *цата*, *пъназь* и др., – которые все оказывались в одном синонимическом ряду, указывая вообще на некую монету. Показательно, например, одно место в Евангелии от Матфея – пассаж со знаменитой максимой «кесарю кесарево» (разумеется, бывший у всех на слуху и памяти). В четвѣм переводе Евангелия (который теперь считают вроде бы первоначальным), фраза

«Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий (Ἐπιδείξατέ μοι τὸ νόμισμα τοῦ κίησους. Οἱ δὲ προσήνευκαν αὐτῷ δηνάριον)» (Мф. 22:19) выглядит так: «покажите ми склазь киньсьны. Они же принеса ему пѣназь» (Евангелие от Матфея 2005. С. 119; здесь же в примечаниях указаны другие варианты).

В этом евангельском месте *стьлазь/скълазь* должно было восприниматься просто как синоним «пенязя» (серебряного динария-пфеннига). В любом случае, в ряду подобных чтений слово теряло первоначальный смысл номизмы как золотой монеты и воспринималось как «абстрагированное» обозначение всякой монеты. Поскольку в хозяйственно-коммерческой сфере на Руси абсолютно преобладали серебряные монеты, неудивительно, что эти древние *стьлязи* могли быть легко ассоциированы в первую очередь именно с серебряными монетами. Так в одном семантическом поле древнерусское (разговорное?) *щълазь* сближалось с книжным *стьлазь/скълазь*, обозначая просто некую серебряную монету.

Как бы то ни было с историей «дублета» *щълазь* vs. *стьлазь/скълазь*, упоминание щеляга в славяно-русском переводе греческого Синаксаря (Прологе) в значении «мелкая монета» проясняет смысл этого слова в Начальной летописи. В сообщении о подчинении вятичей Святославом летописец имел в виду, что вятичи давали хазарам по монете с домохозяйства. При учете, что на практике такой монетой должен был быть арабский дирхам, такой размер дани представляется вполне правдоподобным. Нет оснований подозревать в летописи «шуток» и историко-литературных мистификаций.

Литература

Евангелие от Матфея в славянской традиции / Подг. А.А. Алексеев и др. СПб., 2005.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. Изд. 3-е. Львов, 1978.

Закон судный людем пространной и сводной редакций / Подгот. Л.В. Милов и М.Н. Тихомиров. М., 1960.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

- Прокопенко Л.В.* Текстология Синаксаря (Пролога) за сентябрь-февраль // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 2: Указатели. Исследования / Подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2011. С. 690–759.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912.
- Стефанович П.С.* Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правдѣ, безо всакие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 19–74.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. и дополн. О.Н. Трубачева. 4-е изд. М., 2007. Т. 4.
- Цукерман К.* Английский след в ранней летописи, или Летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. СПб., 2019. С. 457–482.
- Delehaye H.* Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis. Bruxellis, 1902.

И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ ПРОТОТИПАМИ

Как всем прекрасно известно, античные греки были индоевропейцами, но с исключительно сильным доиндоевропейским субстратом (возможно, имеет смысл говорить даже о нескольких разнородных субстратах). Субстрат этот вполне очевиден на языковом уровне (см.: Откупщиков 1988; впрочем, нужно учитывать, что книга эта – достаточно проблемная, вызвавшая принципиальную критику: Молчанов 1991), но он, несомненно, должен был проявляться и на уровне социокультурных реалий.

Кстати, именно поэтому гениальный индоевропеист Ж. Дюмезиль (из его монографий укажем главную, переведенную на русский язык: Дюмезиль 1986), ныне, к сожалению, как-то несколько подзабытый (а зря; в свое время его книги производили эффект «разорвавшейся бомбы»), оперировавший в своих работах данными из самых разнообразных индоевропейских

обществ (индоарийского, римского, древнегерманского, даже осетинского и др.), мало привлекал древнегреческий материал, ссылаясь как раз на то, что Эллада не дает «чистоты картины»: там, дескать, слишком силен доиндоевропейский субстрат (что, повторим, соответствует действительности), который не позволяет реконструировать этиологию феноменов во всей ее чистоте. Впрочем, дело, как увидим далее, не только в этом.

Отметим также, что чрезвычайно важные наблюдения по проблематике, о которой идет речь, были сделаны другим выдающимся индоевропеистом – Э. Бенвенистом – в труде, который, хотя скромно назван словарем-*vocabulaire*, в действительности представляет собой великолепное исследование целого ряда фундаментальных вопросов (Бенвенист 1995). В нем как раз о древнегреческих институтах говорится немало, и без учета этого этапного труда ныне невозможны какие бы то ни было рассуждения по такого рода компаративистике. Сказанное, конечно, не означает, что какие-то конкретные положения, высказываемые Бенвенистом, не могут быть оспорены.

Коснемся сюжета о терминах царской власти. У остальных индоевропейцев мы здесь встречаем лексемы либо от корней *rāj-* (санскрит), *rex* (латинский), *-rix* (кельтские, в именах) – Бенвенист не без удивления замечает, что это существительное (оно одно и то же) «появляется лишь на двух противоположных окраинах индоевропейского мира и отсутствует в центре» (Бенвенист 1995. С. 249); либо от корня *xšau* (иранские); либо, как у германцев и славян, в корне, проявляющемся в немецком *König*, английском *king*, русском *князь*. Все эти корни имеют прекрасные индоевропейские этимологии.

Совсем иначе – у греков. В связи с царской властью мы встречаем у них две лексемы – βασιλεύς и ἄναξ (в микенскую эпоху – *Fánaξ*, если транскрибировать *wa-na-ka* линейного алфавита В, используя *дигамму*). Относительно этих терминов Бенвенист пишет, что они «в равной мере не поддаются строгому этимологическому анализу; у них нет соответствий в других языках и невозможно даже найти хотя бы отдаленно родственные слова в самом греческом» (Бенвенист 1995. С. 258).

Что касается термина βασιλεύς, с этим можно только согласиться. Перед нами явно субстратное слово; в линейном В оно имеет вид *qa-si-re-u*, что предполагает лабиовелярное *g^w* (*g^wasileus*), впоследствии перешедшее в *b*. Модель далеко не уникальная; именно так, в частности, финикийский город Губла у греков стал Библом. А вот говоря о термине ἄναξ, мы допускаем, что он вполне греческий и что его можно, «не мудрствуя лукаво», прямо связать с глаголом ἀνάγω «выводить» (особенно часто применительно к войску). Царь – тот, кто выводит войско на войну; разве это не согласуется с тем, что мы знаем как о микенской, так и о гомеровской Греции? При всех различиях в характере монархии в эти две хронологически близкие, но очень непохожие эпохи функция царя как военного предводителя оставалась крайне важной.

Далее, едва ли не главное, с чем ассоциируется вышеупомянутый Ж. Дюмезиль, – его знаменитый тезис о трехфункциональном членении индоевропейских обществ. Последнее опять же было найдено им и у индоариев, и у римлян (триада «Юпитер – Марс – Квири́н»), и у германцев, и у периферийных осетин... А у греков – нет! Однако рудименты такого рода деления, кажется, и у них все-таки удастся обнаружить. Речь идет об институте фил.

Термин «фила» (φυλή) сплошь и рядом бездумно переводится как «племя». А между тем, по справедливому суждению Э. Бенвениста (Бенвенист 1995. С. 175 и сл.), филы, с большей вероятностью, являются не этническими, а социальными категориями, представляющими собой не племена, а, видимо, образования наподобие древнеиндийских варн. Как известно, у большинства индоевропейских народов общество делилось на три или четыре крупные сословные группы. Не могло ли быть так, что и древнегреческое общество на заре своей истории делилось на аналогичные сословия, и они-то как раз и назывались филами? Со временем их изначальные функции отмерли, их истинное происхождение стерлось в памяти греков, но сами филы остались.

У дорийцев насчитывались три исконные филы: гиллы, диманы, памфилы. У ионийцев – четыре исконные филы: аргады, гоплеты, гелеонты, эгикореи. Впоследствии во многих полисах, и дорийских, и ионийских, обнаруживается иное (как правило,

большее) количество фил. Но это продукт различных реформ, здесь же мы говорим именно об исконном делении. Как оно соотносится с индоарийским варновым делением? Решающими оказываются тут как раз классические выкладки Ж. Дюмезиля о троичном членении древнейшего индоевропейского общества. Грубо говоря, это слой жрецов, слой воинов, слой производителей материальных благ.

Заметим, что в Индии, как и в Греции, тоже был крайне силен доиндоевропейский субстрат. Вторгшиеся арии подчинили себе местное население. Аналогично на юге Балканского полуострова вторгшиеся греки подчинили себе местное население. Соответственно, должны, по идее, наблюдаться какие-то аналогии и в структуре социума. Они действительно есть!

В Индии древнейшая трехчленная структура (брахманы-жрецы, кшатрии-воины, вайшьи-производители) дополнилась четвертым элементом – «чужаками», уже поэтому поставленными в самое приниженное положение. Это варна шудр. В Грецию же ионийцы пришли, судя по всему, уже в первой половине II тыс. до н.э. и, соответственно, должны были как-то решать проблему покоренного местного населения, включить ее в свою общность. Поэтому у них сложилась система из четырех фил (три слоя «своих» плюс «чужаки», как в Индии). Дорийцы явились на юг Балкан позже и вели себя brutальнее, поэтому они свою систему из трех фил оставили неизменной, «чужаков» включать в нее не стали.

Что касается четырех исконных ионийских (следовательно, и аттических) фил, Э. Бенвенист (Бенвенист 1995. С. 193–194) трактует их так. Гелеонты связаны с Зевсом, стало быть, это, скорее всего, жрецы; эгикореи – воины, они связаны с Афиной и ее эгидой, отсюда и название; аргады – земледельцы, здесь связь с ἄργος, что в древнейшие времена означало равнину; гоплеты (не путать с позднейшими гоплитами) – ремесленники, здесь ὄπλα фигурирует не в значении «доспехи, вооружение», а в значении «орудия».

Таким образом, можно постулировать следующую (разумеется, во многом условную и небезоговорочную) корреляцию: гелеонты – брахманы, эгикореи – кшатрии, аргады – вайшьи, гоплеты –

шудры, «чужаки» (в Афинах и впоследствии чужакам, метэкам, не дозволялось заниматься ничем иным, кроме как ремесленно-торговой деятельностью). Интересно, что у Геродота (Herod. V. 66) доклизфеновские аттические филы перечисляются именно в таком порядке: гелеонты, эгикореи, аргады, гопплеты. В другом раннем памятнике, «Ионе» Еврипида, старые филы перечисляются в несколько ином порядке: гелеонты, гопплеты, аргады, эгикореи (Eur. Ion. 1579 sqq.). Но это, полагаем, связано с соображениями метрики, а древнюю семантику названий и функций фил драматург второй половины V в. до н.э. помнить был совершенно не обязан. Но, кстати, даже он утверждает, что Гелеонт, эпоним филы гелеонтов, – «первый» (πρῶτος). Возможно, и тут сохранилась чрезвычайно древняя память о высшей «филе-варне».

Латинский же термин «триба» (*tribus*), всегда сопоставляемый с греческим термином «фила», тоже имеет самое прямое отношение к праиндоевропейскому числительному, обозначающему 3, в чем совершенно невозможно усомниться (да, в общем-то, никто и не сомневается). Таким образом, и здесь троичное членение социума налицо.

Оговорим еще, что, помимо проблем с субстратом, специфической трансформации индоевропейских институтов в Греции чрезвычайно способствовало появление в архаический период феномена полиса. В полисных условиях, в частности, дюмезилевскую «воинскую функцию» ждала совершенно особая судьба. По формулировке Ж.-П. Вернана, у греков она вообще отмерла как особая функция (Vernant 1980. P. 37), а по формулировке Видаль-Накэ – не исчезла, а распространилась на весь полис (Видаль-Накэ 2001. С. 128). Но это, в общем-то, одно и то же. «Военного сословия» просто не было, оно совпадало с гражданским коллективом. В сущности, схожим образом обстояло дело и с «жреческой функцией» – у эллинов I тыс. до н.э. не существовало и сословия жрецов.

В результате всех этих процессов пресловутая «индоевропейская троичность» оказалась в Элладе как бы «стусшеванной» до полной неочевидности, и ныне, чтобы отыскать ее рудименты, ученому приходится сильно потрудиться, в то время как у соседних римлян она предстает несравненно более рельефно. Раз-

личия между двумя индоевропейскими античными народами оказываются и тут весьма существенными, как и в ряде других отношений, о которых нам доводилось писать ранее (Суриков 2015. С. 15–32; 2018. С. 575–605).

Литература

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
Молчанов А.А. [Рец. на:] Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат: у истоков европейской цивилизации. Л., 1988 // ВДИ. 1991. № 3. С. 180–186.
Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат: у истоков европейской цивилизации. Л., 1988.
Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. М., 2015.
Суриков И.Е. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты. М., 2018.
Vernant J.-P. Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980.

D.V. Sukhino-Khomenko

DEBATES ON THE NORWEGIAN ‘CIVIL WARS’ AND THEIR ROLE IN THE SCANDINAVIAN POLITOGENESIS: A COMPARATIVE PERSPECTIVE

Continental Europe and Great Britain saw the heyday of the classic ‘constitutional history’ (*Verfassungsgeschichte*) in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries. This obviously coincided with moulding of national states in their current shape which explains the increased attention to the processes of ethno-, socio- and politogenesis and, on the contrary, the subsequent ‘recoil’ after the Second World War (Буд 2019. С. 197–202). It would be an exaggeration to claim that the problem has exhausted itself, however, by and large, we have not found any vivid debates lately. Aspects of social transformations attract more attention (Janson 2004; Метлицкая 2003; Щеглов 2001), while state-formation problem seems to have migrated more into the realm of historical anthropology (Гринин и др. 2006).

Against this background, the recent heated discussion in the Norwegian periodicals on the ‘civil wars’ of the 12th–13th centuries, their causes, and consequences, stands particularly out. Overall, it constitutes an integral element of the broader historiography on Scandinavian politogenesis. Given the continuous interest in comparative studies in the Russian medieval historical community (Shinakov, Yerokhin 2013; ВЕДС 2011; Шинаков 2009; Щавелев 2013; Литовских, Щавелев 2014; ДГ 2016), introducing the key points of this polemic into the Russian discourse may indeed stimulate further research.

In his lengthy 1986 article, Sverre Bagge, departing from Marshall Sahlins’ preceding anthropological work on the Melanesian and Polynesian material (1963), studied the problem of medieval socio-political transformations in the Norwegian kingdom. The thesis had it that in the 11th century Norway was a pre-state society (*førstatligt samfunn*) with no formal hierarchy, centralisation, or state apparatus, the political fabric was woven from personal relationships and smeared by gift-giving and reciprocity; the king is first and foremost a charismatic chieftain and military leader. The antithesis runs that by the 14th century we witness a Norwegian state society (*statligt samfunn*), centralised and hierarchical, headed by a *rex justus* regardless of his personal qualities who rules the politically limited population through servile nobility. The synthesis explained that the transition must have occurred during (because of?) the ‘civil wars’ from 1130 to 1240, and Bagge further studied the ideological accompanying changes in the 1996 monograph. In 1999, he published on the political fractions during the ‘civil wars’ and elucidated their mostly arbitrary nature. In 2002, there followed his article on the relationships between St. Olaf and the aristocracy, the conclusion being that the Norwegian socio-political landscape in the 11th century already contained embryos of the future state society.

In 2014, Hans Jacob Orning questioned Bagge’s explanatory mechanism. Bagge postulated that the ‘civil wars’ had been caused by a latent century-long resource crisis due to the wane of the Viking raids and the parallel redistribution of the wealth in favour of the newly established Church at the kings’ behest. Orning denied the 12th-century crisis in the first place as a later historiographical construct and, using *Morkinskinna* as, in his opinion, the least biased depiction of the events in 1025–1157, postulated that constant vying

for power was the normal condition at the time. He objected that in post-Carolingian Europe the re-orientation from extensive (plundering) to intensive (exploitation of the peasantry) sources of wealth led to magnates' enrichment, and Thomas Lindkvist (1999) earlier suggested a similar model for Sweden. Likewise, up until the introduction of the Gregorian reform in 1152/53, the Norwegian Church was largely *Eigenkirche* ('private church') in the aristocratic hands. Thereafter, however, the 'rules of the game' changed due to the already mentioned Church reform and a new less tolerant ideology, and the end of the Danish 'civil wars' and Valdemar I's sole rule from 1157. Orning's conclusion was that the new monarchical régime was coincidental and externally conditioned.

In 2015, Bagge replied that plundering had been a greater source of income in Norway, and, conversely, that in Western Europe the Church endowment occurred long before the halt of the predatory external warfare. He conceded that we might not possess enough data to postulate a resource crisis by the 1130s, but the presence of multiple political rivals destabilises any social system. Of the peaceful century prior to the 'civil wars', 75 years saw sole reigns and furthermore, in 600–1200 nearly 23% of all European kings were killed, whereas in 1200–1800 their number reduced to 7,5%. Bagge explained this dynamic by the enforcement of more orderly succession principles. He also saw the Danish factor as subordinate to the internal ones. In the end, Bagge refused to replace the explanation of politogenesis as something inevitable with another as something accidental and discarded anyone's premeditation behind it. At the same time, the formation of the state was an expected outcome of, and solution to, the political rivalry: it limited autocratic tendencies and led to the modern democracy (*sic*).

The final word in the debate was Orning's, and he reinforced his arguments about the lack of resource crisis with additional references. He was of the opinion that the pre-civil-war multi-actor Norwegian political society was a balanced and decentralised but not necessarily harmonic system. The less violent 1200s may owe the peace not to one-king reigns but to the absence of succession crises. Orning politely reprimanded Bagge's teleology, too: in the 1200s, no one envisaged the future democracy, the fight was for personal power. Finally, Orning indicated that his point was to strip the me-

dieval society of the uncomplimentary historiographical stain of chaos, not to idealise it.

As it stands, both disputants, despite their differences, implicitly agree on three major points. One is the semi-positivistic reliance on the saga material. In his 2002 article, Bagge went at great length to prove the sagas' fundamental reliability. Though Orning frequently criticises his opponent(s) for the eager acceptance of, for example, Snorri Sturluson's data, yet he too uses these and similar sources. The other is the acceptance of the anthropological paradigm, harshly criticised by Knut Helle (2009; see Orning's response: 2010). Thirdly, striking is the scope limitation in the dispute. No attempts at comparisons or treating the Norwegian 'civil wars' *viz.* politogenesis as parts of broader phenomena are undertaken. Bagge passes in silence over Birgit Sawyer's criticism of his methodology (Sawyer 2003b). Neither he nor Orning makes use of her own original take on the 'civil war' period in Scandinavian history, in which she questioned the justifiability of the very term and adopted a pan-Scandinavian dynastic explanation (Sawyer 2003a). No mention is made of Philip Line's voluminous study on the Swedish medieval politogenesis (Line 2007), neither is there any reference to the similar debate between Rikke Malmros and Niels Lund over the Danish institute of kingship and *leding* system (Lund 2006; Malmros 2006). Discussing at large the anthropological theory of statehood, the disputants could have found relevant observations in the Anglo-Saxon history of ideas (Foot 2005). Finally, opportunities of comparisons between Scandinavian and European precedents are equally regretfully missed: from a stadial perspective, the Scandinavian 'civil wars' as a whole merit comparison with the dynastic struggles in Rus' in the 970s and after 1054 as well as, for example, Carolingian 'civil wars' and the subsequent socio-political transformations.

The current article, it is hoped, has briefly elucidated the importance of the recent Norwegian historiographical debate on the Northern state formation and has made a point for associating this particular case study to a broader field of historical comparative studies.

References

- Восточная Европа в древности и средневековье: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2011.
- Вуд И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» // *Vox Medii Aevi*. 2019. Vol. 1 (4). P. 175–202.
- Древнейшие государства Восточной Европы, 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2016.
- Литовских Е.В., Щавелев А.С. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (к сравнению двух ранних языческих государств) // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 163–173.
- Метлицкая З.Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание: аналитический обзор. М., 2003.
- Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина и др. Волгоград, 2006.
- Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.
- Щавелев А.С. Две «карьеры» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хёвдинг Торольв Квельдульвссон // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 4 (3). С. 72–78.
- Щеглов А.Д. «Феодалная революция» и насилие: дискуссия в журнале «Past and Present» // *Средние века*. 2001. Т. 62. С. 187–194.
- Bagge S. Borgerkrig og statsutvikling i Norge i middelalderen // *HT (N)*. 1986. B. 65. S. 145–197.
- Bagge S. From Gang Leader to the Lord's Anointed. Odense, 1996.
- Bagge S. The Structure of the Political Factions in the Internal Struggles of the Scandinavian Countries during the High Middle Ages // *Scandinavian Journal of History*. 1999. Vol. 24, No. 3–4. P. 299–320.
- Bagge S. Mellom kildekritikk og historisk antropologi. Olav den Hellige, aristokratiet og rikssamlingen // *HT (N)*. 2002. B. 81. S. 173–212.
- Bagge S. Borgerkrig og statsutvikling: svar til Hans Jacob Orning // *HT (N)*. 2015. B. 94. S. 91–110.
- Foot S. The Historiography of the Anglo-Saxon 'Nation-State' // *Power and the Nation in European History*. N.Y., 2005. P. 125–142.
- Helle K. Den primitivistiske vendingen i norsk historisk middelalderforskning // *HT (N)*. 2009. B. 88. H. 4. S. 571–609.
- Janson H. Danmarks 1100-tal och andra perspektiv. Reflektioner kring nya problem och gammal forskning // *Ett annat 1100-tal / Red. av P. Carelli, L. Hermanson, H. Sanders*. Göteborg, 2004. S. 340–367.
- Lindkvist T. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt: Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid / 3. uppl. Uppsala, 1999 [1988].

- Line P.* Kingship and State Formation in Sweden, 1130–1290. Leiden; Boston, 2007.
- Lund N.* Leding, skjaldekvad og bønder // HT (D). 2006. B. 106, H. 1. S. 253–263.
- Malmros R.* Fyrstedigtningens kildeværdi – en diskussion med Niels Lund // HT (D). 2006. B. 106, H. 1. S. 243–252.
- Orning H.J.* Norsk middelalder i et antropologisk perspektiv: svar til Knut Helle // HT (N). 2010. B. 89, No. 2. S. 249–262.
- Orning H.J.* Borgerkrig og statsutvikling i Norge i middelalderen – en revurdering // HT (N). 2014. B. 93, No. 2. S. 193–216.
- Orning H.J.* Hvorfor vant kongene? // HT (N). 2015. B. 94, No. 2. S. 285–292.
- Sawyer B.* The ‘Civil Wars’ Revisited // HT (N). 2003. B. 82. P. 43–73. (a)
- Sawyer B.* Sverre Bagge om “wie es eigentlich gewesen”: Snorres skildring av Olav Haraldsson och hans samtid // HT (N). 2003. B. 82. S. 191–197. (b)
- Shinakov E., Yerokhin A.* The Process of Politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus’: A Comparative Aspect // Social Evolution & History. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 102–119.

С.Ю. Темчин

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ «ПРЕДСМЕРТНОЙ» ФРАЗЫ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Статья 1014 г. «Повести временных лет» (ПВЛ) содержит «предсмертную» фразу киевского князя Владимира Святославича: «и рече Володимерь. требите путь и мостите мость. хоташеть бо на Ярославѣ ити на сна своего. но разболѣса» (Лаврентьевский список: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130); «и рече Володимирь. теребите путь и мосты мостите. хоташе бо ити на Ярославѣ. на сна своего. но разболѣса» (Ипатьевский список: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 114). Выражение *мостите мость* Лаврентьевской летописи появилось вторично из первоначального **мостите мосты* (ср. Ипатьевскую летопись) в результате влияния предшествующего контекста *требите путь*, где существительное употреблено в ед.ч. (см. подробнее об этом текстологическом явлении: Темчин 1998. С. 214–217).

Так Владимир среагировал на отказ своего сына Ярослава, княжившего тогда в Новгороде, давать ему в Киев традицион-

ную новгородскую дань. Это последняя фиксируемая ПВЛ фраза крестителя Руси: следующая погодная статья сообщает о том, что Владимир, послав своего сына Бориса против печенегов, умер. Читатели летописи вполне могли оценивать эту фразу как «предсмертную», ведь после нее в тексте прямая речь Владимира уже не встречается.

Попытки интерпретации этой фразы в реалистическом ключе (как реального распоряжения начать подготовительные работы перед военным походом) наталкиваются на значительные трудности, тогда как признание за ней символического смысла (в свете новозаветных преломлений Мф 3.3, Мк 1.3, Лк 3.4–6, Ин 1.23 ветхозаветных стихов Ис 40.3–5) позволяет увидеть в ней соотнесение киевского князя Владимира Святославича с Иоанном Крестителем, а новгородского князя Ярослава Владимировича – с самим Иисусом Христом. Такая библейская интерпретация древнерусской ситуации была возможна лишь в правление Ярослава Мудрого, поскольку «предсмертная» фраза Владимира выполняет роль его посмертного завещания, «предсказывая» и легитимируя «предстоящее» киевское княжение Ярослава (Темчин 2019а).

Этот вывод верифицируется и типологически подкрепляется иными древнерусскими текстами домонгольского периода: соотнесение Владимира Святославича с Иоанном Предтечей обнаруживается в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (Темчин 2019б), а соотнесение Ярослава Мудрого с Иисусом Христом – в «Сказании о Борисе и Глебе» (Темчин 2012).

Интересно, что та же фраза имеет отчетливые восточнославянские фольклорные параллели (в колядках и особенно свадебных песнях), где выражение *мосты мостити* (признаваемое стилистической «окаменелостью») означает строительство не столько мостов, сколько дорог, т.е. укладку бревен (Плисецкий 1982. С. 184).

В свадебном фольклоре сосуществуют несколько образов, связанных с мощением мостов (Потебня 1883. С. 127–151):

- а) невеста в ожидании жениха мостит мосты для его прихода;
- б) невеста сама идет через мост;
- в) жених переводит невесту через мосты;
- г) жених строит мост для невесты.

С созданием мостов связаны лишь первый и последний образы, но именно первый признается основным, наиболее древним и распространенным: мощение мостов совершается для торжественного приезда молодого и даже становится символом ожидания желанного (Плисецкий 1982. С. 184–186).

Любопытно, что тот же образ приобретает более широкое фольклорное значение родственной связи вообще (Потебня 1883. С. 132), что важно для интерпретации «предсмертной» фразы Владимира, сказанной по поводу его отношений с сыном Ярославом.

Какие бы фольклорные персонажи ни ходили по мосту и куда бы ни направлялись, призыв *мостите мосты* и подобные (с формой повел. 2 л. мн.ч.) обычно обращен не к ним, а к принимающей стороне, ожидающей прихода гостей, не обязательно желанных (курсив введен мною):

Масці кладку, заві ў хатку

(Валачобныя песні 1980. С. 54, 121, 144, 147, 152, 156, 163).

Да грозна, грозна громовая туча,
Грозней того нет, – ко мне свекор едет,
Ко мне свекор едет со лютой свекровью.
Вы *мостите мосты* – гнилые колоды,
Забивайте гвозди – еловые шишки,
Чтобы мост обломился, лютый свекор залился!

(Великорусские народные песни 1896. С. 503).

В причитании невесты по приезде домой кажется, что мост строится идущей стороной, но в действительности обращен к родне – ближайшему окружению родителей (принимающей стороны), с которым она идет в родительский дом, где и должен быть выстроен мост:

Я объездила, душа красная девушка,
По милой по родимой сторонушке,
Зазвала свою родню-породу сердечную
Во частую любимую гостьбицу.
Вы ступайте, мои крестовья кумушки,
К моим светам-сердечным родителям <...>
Правьте тут дорожку широкою,
Мостите мосточки дубовые <...>

Чтобы лязя пройти душе красныя девушке
Со кумами да со подружками
Ко своим светам-сердечным родителям

(Песни 1910. С. 86–87).

Если она ждет родителей к себе, то мост строится у нее как принимающей:

Ой, *мостите мосты* з зеленой бросты,
Сподѣвалась свого батенька та до себе в гости

(Потебня 1865. С. 22).

Когда направление движения не указано, очевидно, что мосты строятся ожидающими для проходящих (праздников или людей):

Ой вы, кузницы, куйте топоры!
Рубите сосны, *мостите мосты*:
Там будут идти святителя:
Первый святитель – Рождество Христово,
Второй святитель – Василий великий,
Третий святитель – Иван Креститель

(Иванов 1907. С. 44).

Колите доски,
Мостите мосты,
Нам... да очески весть,
Хозяина поздравить

(Песни 1911. С. 295).

Даже когда в тексте указано движение *туда*, все равно подразумевается, что гости придут сначала сюда (где и строится мост) и лишь потом пойдут дальше (туда):

Тешите брусся, *мостите мосты*,
Туда будуть ити праздничка

(Дембовецкий 1882. С. 524).

В весеннем хороводе «Мосты» группа девушек обращается от имени (приходящего) жениха к группе (принимающей) невесты и получает ответ: «Царівно, *мостіте мости*, ладо моє, мостіте мости! – Царенку, вже й помостили, ладо моє, вже й помостили». Издатель особо отметил, что «в песне мостят мосты отдающие девицу <...>, так что идти по ним (=проходить в ворота) должны берущие» (Потебня 1883. С. 127–128).

Мотив строительства моста, предназначенного для прихода божественных персонажей, праздников, колядников, широко известен у всех славян (Виноградова 2004. С. 306), что дополнительно подчеркивает глубокую архаичность фольклорной стилистической «окаменелости» *мостити мосты*.

Иногда наряду с мощением мостов упоминается выравнивание пути (ср. выше: «Правьте тут дорожку широкую, Мостите мосточки дубовые»), что весьма близко по смыслу к летописному тексту (**требите путь и мостите мосты*).

Итак, библейские и фольклорные параллели к «предсмертной» фразе Владимира дают одинаковый результат, указывая на подготовку пути не для самого Владимира, а для будущего прихода Ярослава, что противоречит прямому смыслу и объяснению самой летописи (хоташеть бо на Ярослава ити на снѣ своего).

Это противоречие мнимо. В ПВЛ есть еще пример, когда произнесенная фраза (предсказание кн. Олегу смерти от своего коня под 912 г.) была понята участниками событий в прямом значении, оказавшемся впоследствии ложным: время раскрыло истинность иного – переносного смысла (князь умер не от самого коня, как он думал, а от укуса змеи, выползшей из конского черепа, т.е. пророчество оказалось верным не дословно, но по сути).

Автор статьи 1014 г., писавший в Киеве уже при Ярославе, вложил в уста Владимира двусмысленную «предсмертную» фразу, показав фактическую неверность ее прямого значения (ведь поход на Новгород не состоялся) и историческую истинность ее иного – пророческого – смысла, на который указывали прецедентные тексты: библейские и фольклорные. В летописи Владимир Креститель уподоблен Иоанну Крестителю: стоя одной ногой в Законе, а иной – в Благодати, он стал пророком и предтечей Ярослава.

Литература

- Валачобныя песні / Сост. Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. Мінск, 1980.
Великорусские народные песни / Сост. А.И. Соболевский. Т. 2. СПб., 1896.
Виноградова Л.Н. Мост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 303–307.
Дембовецкіі А.С. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном,

- сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Т. 1. Могилев, 1882.
- Иванов П.В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда, Харьковской губернии. Харьков, 1907 (Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Вып. 17).
- Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1: Песни обрядовые / Под ред. В.Ф. Миллера, М.Н. Сперанского. М., 1911.
- Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. 2-е изд. Т. 3. М., 1910.
- Плисецкий М.М.* Героико-эпический стиль в восточнославянских колядках // Обряды и обрядовый фольклор / Под ред. В.К. Соколовой. М., 1982. С. 179–212.
- Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
- Потебня А.А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1883.
- Темчин С.Ю.* Текстологическая семья Мстиславова евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // Slavistica Vilnensis 1998 (Kalbotuga 47 (2)): XII Международный съезд славистов (Краков, 27.08–2.09.1998). Доклады литовской делегации. Вильнюс, 1998. С. 133–233.
- Темчин С.Ю.* СЕ НЕСТЬ УБИЙСТВО, НО СЫРОРЕЗАНИЕ: Агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа борисоглебского культа // Именослов: История языка. История культуры / Под ред. Ф.Б. Успенского. М., 2012. С. 216–230 (Труды Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН. Вып. 2).
- Темчин С.Ю.* Библейские истоки «предсмертной» фразы киевского князя Владимира Святославича в Повести временных лет // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Мат-лы X Междунар. конф-ции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 196–198. (а)
- Темчин С.Ю.* Владимир Креститель как Иоанн Предтеча в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / Под ред. Ю.А. Петрова. М.-СПб., 2019. С. 416–427. (б)

СРАВНЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ХОРЕЗМА И ДЕРЖАВЫ ЧИНГИЗ-ХАНА ПО АРАБО-ПЕРСИДСКИМ ИСТОЧНИКАМ

В рамках доклада хотелось бы обратить внимание на особенности взаимодействия двух могущественных правителей Востока первой четверти XIII в. – хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и Чингиз-хана. Обмен посольствами и торговыми караванами, выстраивание дипломатических отношений – всё это в конечном итоге обернулось военными столкновением между двумя мощнейшими военными и политическими образованиями. Гибель Хорезмийской державы и последующие за этим монгольские завоевание нашли свое отражение в различных и весьма многочисленных арабо-персидских источниках, однако нам хотелось бы обратить внимание на описание средневековыми авторами событий, предшествующих этому. Было бы крайне интересным сравнить особенности описания дипломатических действий Хорезма и монгольской стороны до начала открытого военного конфликта: прежде всего, это позволит выделить основные оценочные суждения по данному поводу в текстах антимонгольски настроенных историков и представителей придворной монгольской историографии. Кроме того, отдельно хотелось бы выделить возможность сравнения образов двух упомянутых правителей, которые складываются в арабо-персидских исторических сочинениях, проследить их эволюцию в рамках данной историографической традиции. Несомненно, подобного рода сравнения не только позволят лучше понять, как менялась модель «свой-чужой» в средневековых текстах, но и выделить факторы, повлиявшие на это изменение. Ниже нами будут выделены те памятники арабо-персидской исторической мысли, которые наилучшим образом и наиболее подробно отражают особенности дипломатических действий Хорезма и державы Чингиз-хана. Мы попытаемся провести сравнение этих исторических источников по тем критериям, которые были нами обозначены и таким образом очертить особенности эволюции нар-

ратива в ранних текстах и в составе придворной монгольской историографии.

Первые арабо-персидские сочинения, на которые следует обратить внимание применительно анализу дипломатических отношений между Хорезмом и державой Чингиз-хана, это – труды Ибн ал-Асира и ан-Насави. Сочинение первого, «ал-Камил фи-т-тарих» или «Полный свод истории» (Ибн ал-Асир 2006), завершённое автором описанием событий 1230–1231 гг. и представляющее собой «всеобщую историю», является наиболее ранним дошедшим до нас текстом, в котором описываются события монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии. В той части своего труда, где этот арабский историк пишет о времени до начала монгольского нашествия, мы находим большой объём информации относительно обмена посольствами и выстраивания дипломатических отношений между Хорезмом и монгольской державой. Ибн ал-Асир указывает на то, что концом этих мирных взаимоотношений становится «Отрарский инцидент» или убийство монгольского каравана в упомянутом городе по приказу хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, на чем настаивает арабский историк (Там же. С. 348). Однако при этом дихотомия «свой-чужой» в «ал-Камил фи-т-тарих» решается в пользу мусульманского правителя, Ала ад-Дина Мухаммада, который, несмотря на «Отрарский инцидент», описывается в положительном ключе на фоне монгольского предводителя. В качестве свидетельства этому можно привести отдельную главу из труда Ибн ал-Асира «Повествование о личных качествах хорезмшаха и образе его поведения», где мы видим лишь позитивные его характеристики (Там же. С. 357).

Другой ранний историк, ан-Насави, с одной стороны более критически описывает правление Ала ад-Дина Мухаммада, в том числе негативно высказываясь о его дипломатических шагах. С другой стороны, в его сочинении «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» виновником развязывания войны с монголами становится один из наместников хорезмшаха, а вовсе не он сам (ан-Насави 1973. С. 79). При этом ан-Насави столь же подробно, как и Ибн ал-Асир, описывает начало дипломатических отношений между Хорезмом и монгольской державой, приводя по этому поводу зачастую уникальные сведения, которых нет в труде

арабского историка. Еще одной тенденцией, которая продолжена в труде ан-Насави, связана с наличием в тексте очевидно негативных характеристик Чингиз-хана при описании развития экономических и политических связей с Хорезмийской державой. Последнее не отменяет, впрочем, того факта, что в «ал-Камил фи-т-тарих» противопоставление двух этих правителей выглядит намного более очевидным, а у ан-Насави «хорошим оппонентом» монгольского завоевателя становится не Ала ад-Дин Мухаммад, а Джалал ад-Дин Манкбурны.

Как в других синхронных, так и в более поздних памятниках можно выделить две любопытные тенденции. Первая из них связана с тем, что в большинстве арабо-персидских исторических сочинений в качестве «разжигателя войны» выступает Ала ад-Дин Мухаммад, который является виновником «Отрарского инцидента» (Рашид ад-Дин 2002. С. 188; Khondamir 1954. J. 2. S. 648; *Les invasions mongoles* 1995. P. 26; Ibn Battuta 1969–1970. J. 1. S. 415).

Когда процессия прибыла в Отрар, правителем того города был некий Инальчик, который являлся родственником матери султана, Теркен-хатун, и получил титул Гаир-хан. А среди купцов был индус, знавший правителя в прежние времена. И он обратился к нему, назвав его просто Инальчик; и гордясь силой и могуществом своего хана, он не показывал страха перед ним, но и не стремился получить для себя выгоду. Это смутило Гаир-хана и вызвало у него досаду; к тому же он пожелал захватить их добро. Поэтому он поместил их под стражу и направил посольного в Ирак сообщить о них султану. Не раздумывая долго, султан разрешил пролить их кровь и признал захват их товаров законным, не зная, что его собственная жизнь вскоре станет противозаконной и, более того, преступной и что птица его удачи потеряет перья и лишится крыльев (Джувейни 2004. С. 258).

Таким образом, формируется историографическая традиция, восходящая к сочинению Ибн ал-Асира, в то время как точка зрения ан-Насави практически не получила развития. Вторым важным моментом следует признать, особенно в рамках придворной монгольской историографии начиная с «Истории завоевателя Мира» Джувейни, изыятие любых негативных характеристик представителей монгольской правящей элиты, прежде

всего Чингиз-хана. Дипломатические отношения между ним и хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом описываются как взаимовыгодные, динамично развивающиеся и не имеющие при этом противоречий вплоть до «Отрарского инцидента». Последнее событие, таким образом, выбивается из общего ряда успешных и выгодных дипломатических действий обеих сторон, в более поздних арабо-персидских текстах становясь досадным стечением обстоятельств и следствием жадности наместника Отрара одновременно.

Таким образом, сравнивая ранние и поздние арабо-персидские источники по интересующей нас проблематике можно отметить постепенное исчезновение противопоставления «свой-чужой» при описании дипломатических отношений между Хорезмом и державой Чингиз-хана накануне монгольского нашествия. Помимо этого, поздние авторы старательно избегают оценочных характеристик действий правителей обоих политических образований, а конфликт между ними объясняют действиями третьих лиц. Несомненно, главной причиной подобной эволюции является формирование придворной монгольской историографии, где складывается особая традиция описания событий до начала войны между Хорезмом и монголами. Сравнительный анализ исторических источников позволяет выявить и то, что, возможно, ускользает от внимания исследователя: постепенную замену Ала ад-Дина Мухаммада в качестве лидера Хорезма накануне и во время монгольского нашествия его сыном, Джалал ад-Дином Манкбурны. Благодаря тем же сравнительным приемам, эта тенденция заметна и в труде ан-Насави, и в позднейших арабо-персидских источниках.

Источники и литература

Ибн ал-Асир. «ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаковой, Ш.С. Камолидина. Ташкент, 2006.

ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1973.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитоновой. М., 2004.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса, Ю.П. Верховского, О.И. Смирновой, Л.А. Хетагурова. М., 2002. Т. 1, кн. 2.

Khondamir. Tarih-e habib. Tehran, 1954. J. 1–2.

Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha / Trad. M. Djebli. P., 1995.

Ibn Battuta. Safar nama-i Ibn Battuta / Tardjoma-i Muhammad Ali Muvvahid. Tehran, 1969–1970. J. 1–3.

В.В. Тишин

К ГЕНЕЗИСУ ДВУКРЫЛОЙ СИСТЕМЫ У КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: КАГАНАТЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ОГУЗО-ТУРКМЕНСКАЯ ТРАДИЦИЯ*

Одной из черт, в той или иной степени характерной для всех кочевнических обществ Евразии, является практика разделения всего политического объединения на так называемые крылья – два или три, – реализовывавшаяся в существовании реальных военно-административных единиц или же отраженная в представлениях о генеалогической структуре племенного объединения.

Некогда В.В. Трепавлов попытался обобщить данные о кочевнических политических образованиях степной Евразии на предмет практики их разделения на крылья как важнейшего признака института соправительства (Трепавлов 1993. С. 134–135, 137–138). Вопрос о происхождении последнего («дуального правления»), в том числе в связи с практикой разделения объединений номадов на два крыла, наиболее подробно был рассмотрен в свое время А. Альфёльди (Alföldi 1943). Конкретно касательно природы последнего явления высказывались разные мнения (Трепавлов 1993. С. 75–76).

Представляется, что происхождение трехкрылой системы хорошо просматривается в тактическом построении, практиковавшемся у номадов во время облавных охот и также военных действий (Зуев 2002. С. 33); в то же время двукрылая система, а точнее – дуальное разделение племен в общем объединении, поскольку оно отмечено для кочевнических обществ различной степени сложности, имеет совершенно иную природу.

Согласно одной из гипотез, главенствующее крыло составляли племена, принадлежавшие к ядру созданного политического объединения, второе крыло – племена, некогда покоренные. С

этой гипотезой согласуется этимологизация известных у древних тюрков (в широком лингвокультурном значении, подразумевающим включение в это понятие всего тюркоязычного населения степной Евразии в период VI–X вв.) наименований двух крыльев, выдвинутое П.А. Бодбергом: *tölis* ‘original, parent’ < *töl* ‘Nachkommenschaft’, *tarduš* ‘branching, emigrant’, ср.: *tart* ‘ziehen’, *tartil-* ‘herausgezogen werden’ (Boodberg 1979. P. 117). Лингвистическая сторона гипотезы может быть несколько скорректирована, а ниже мы рассмотрим исторический материал.

В истории Тюркского каганата, с самого начала разделенного на две части, с подчиненным положением западной стороны, по крайней мере дважды достоверно отмечается деление восточной части на три крыла (Liu Mau-Tsai 1958. S. 25, 42–43), и еще три случая могут быть выявлены косвенно: три человека носили титул *ту-ли* 突利 (при этом в их ведомстве были покоренные племена) (Liu Mau-Tsai 1958. S. 814 [Index]), сопоставимый с *töläs/tölis*, наименованием восточного крыла Второго Восточно-тюркского каганата. Также имя второго правителя западно-тюркских владений, **tardu* (кит. Да-тоу 達頭; греч. Τάρδοϋ), сопоставимо с наименованием *tarduš*, соответственно, западного крыла (Boodberg 1979. P. 117). Западно-тюркские владения характеризуются разделением на два крыла, по крайней мере в период 587–612 гг. (Ôsawa 2006. P. 487–488, 490), и далее – официальным выделением в 635 или 638 гг. двух крыльев, без каких-либо общих предводителей, но включавших по пять племен (по факту – восемь) во главе с собственными вождями (Golden 2012. P. 166–170). Центральные племена Восточно-тюркского каганата на начало 30-х годов VII в. также делились на два крыла, при нахождении главенствующего племени в правом, хотя их состав сформирован отчасти искусственно (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 266–267, 643–645, 1008; Liu Mau-Tsai 1958. S. 151, 584 [Anm. 784]). Дуальное разделение отмечено у *се-янь-то* 薛延陀, тюргешей и уйгуров. При этом у первых крыло *tarduš* имеет старшинство (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 475–477, 894, 895).

В Хушо-Цайдамских текстах от лица тюркского правителя Бильге кагана покоренные *токуз огузы* именуются каганом

«своим народом», что в данном случае подразумевает восприятие их непосредственно как подданных (László 1942). Они также наравне с народом *тюрк* выступают адресантом обращений кагана. Этот момент может быть объяснен за счет привлечения сравнительного материала.

Наглядное представление о сущности дуальной организации племенных объединений номадов дает эпическая традиция огузов в Средней и Передней Азии, согласно которой они делились на правое и левое крыло, представленные, соответственно, подразделениями *boz oq* и *üç oq* или разделением на внешних (*taş*) и внутренних (*iç*) огузов, различавшихся по статусу и правовому положению (Sümer 1972. S. 381, 394–401). На практике это реализовывалось, в частности, во время соблюдения на общих собраниях (*toj*) не только порядка размещения вождей племен на определенных местах (*orun*), но и очередности получения ими своей доли мяса (*ülüş*), представленной также определенной частью тела животного (İnan 1931). При этом сведения «Китаб-и Дэдэм Коркуд» и Рашід ад-Діна показывают разное положение известных племен. В первом источнике племена, отнесенные Рашід ад-Діном к левому крылу, имеют главенствующее положение, у персидского автора старшим является правое крыло.

С.П. Толстов, сопоставляя сохранившиеся списки огузских племен у Махмұда ал-Қашғарі и Рашід ад-Діна, а также перечень туркменских племен на начало XX в., попытался показать устойчивость представлений о делении на 24 племена в генеалогической традиции, при текучести самого состава этой структуры, связанной с изменением таксономического статуса племенных подразделений, исчезновением и разделением каких-то племен, появлением новых (Толстов 1947. С. 78–83, 94–99). Он же высказал предположение о том, что и зафиксированная у уйгуров (у него – огузов) система деления на *tölis* и *tarduş* подразумевала включение в каждое из крыльев по шесть племен.

В надписи Могойн Шинэ Ус упомянуто сочетание *on ujur toquz oyuз* ‘десять уйгуров и девять огузов’, и далее уйгуры, составлявшие в объединении *девяти огузов* одно из подразделений, воюют с «восемью огузами» (*säkiz oyuз*) в период 747–754 гг. Одна из гипотез, объясняющих упоминание десяти подразделений у уйгуров, хотя в китайских источниках их девять,

подразумевает создание нового подразделения, связанного с правящим кланом и его ставкой (Katona-Kiss 2007).

В представленном в Тариатской (Терхинской) надписи уйгурского правителя Элетмиш Бильге кагана перечне присутствовавших при ее составлении (Северная сторона, стк. 2–4, ок. 754–755), кроме стражи и чиновников каганской ставки, называются подчиненные сыновьям кагана с титулами *ı̄abǵu* (старший сын) и *ı̄ad*, командовавшими, соответственно, крыльями *tarduš* и *töläs*. Среди первых это племена *toŋra*, *ädä* (?), ...-*ı̄q-lı̄q* (?), *qaj* (?), *ablı̄q* / *balı̄q* (?), *ı̄ič qarluq*, среди вторых – *toquz bajırqu*, *qalı̄q* / *aqlı̄q* (?), *basmıl*, *toquz tatar*. Из тех племен, что идентифицированы, некоторые никогда не состояли в объединении *toquz oƷuz*.

Манускрипт Штайля-Гольштейна, хотано-сакский документ, датировемый 925 г. (Pulleyblank 1954), говоря уже об уйгурах в Восточном Туркестане, также дает перечень племен, разделенных на два крыла – *ttülisä* и *ttarädüsa*, т.е. *tölis* и *tarduš*. К первому приписаны наименования *yahä:đakǵrä* (др.-тюрк. *jaylaqar*; кит. 牙-洛-葛 藥羅葛), *ađapahüttä*, *bäkü* (кит. 牙-古 僕骨/僕固), *bäsäkättä*, *kurabirä* (кит. 呼-羅-勿-掘-羅-勿 囉羅勿掘羅勿), *käräbarä*, ко второму – *sı̄qarä* (кит. 牙-乞-結 斯結/思結), *ttaugara* (др.-тюрк. **toƷra* < **toŋra*; кит. 牙-同 同羅), *ayabirä* (кит. 牙-牙 奚耶勿/牙-牙 奚牙勿), *caraihä:*, *yabüttäkarä* (кит. 牙-牙-葛 藥勿葛) (Henning 1938. P. 555–558; Bailey 1951. P. 3, 19–22; Hamilton 1962. P. 41–45; Hamilton 1977. P. 516–520). Мы видим здесь наименования четырех подразделений племени *ı̄yǵur* и, по меньшей мере, три названия собственно племен, некогда входивших в объединение *toquz oƷuz*.

В полуполюгендарном рассказе Рашı̄д ад-Дüна о когда-то существовавших двух объединениях уйгуров, *он ı̄yǵur* и *токуз ı̄yǵur* (sic!), будто называвшихся по числу рек, на которых жили племена, в названиях десяти рек, связанных с группой *он ı̄yǵur*, могут быть гипотетически обнаружены известные наименования племен (Hamilton 1962. P. 46–48), но, в целом, перечень не совпадает с каким-либо списком подразделений уйгуров или токуз огузов. У этого же автора дается список названий подразделе-

ний племени (*қаўм*) *джәлайр*, наименование которого может быть связано с правящим кланом уйгуров *йаглакар*, но среди них нет известных ранее наименований (Зуев 2002. С. 291–297).

В трактате ал-Марвази «Табә'и' ал-хайавән» (ок. 1120 г.), сохранившем сведения, относящиеся к более раннему периоду, среди принадлежащих к *тюрмам* (в широком значении, согласно мусульманской традиции) двенадцати (sic!) племенам сырдарьинских *огузов* (*гузз*) некоторые именуется **токуз огуз* [t.ğ.zğ.r], некоторые **уйгур* [ʼy.r], некоторые – [ʼwh.r], что исправляется на *[ʼw]ğ.r], т.е. **ūč (o)ğur* (~ **ūč (o)ğuz?*) (Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī 1942. P. 29 (англ. пер.), 94 (коммент.), *18 (араб. текст); Göckenjan, Zimonyi 2001. P. 241, 242 [Anm. 4]). Здесь подразумевается, что 12-племенное объединение сформировали *токуз огузы* (под которыми в мусульманские авторы понимали все политическое объединение племен во главе с *уйгурами*), видимо, собственно *уйгуры* и некие *уч огузы* (? 'три огуза') (Göckenjan, Zimonyi 2001. P. 241, 242 [Anm. 2]).

Фактический материал показывает нам необходимость проводить различие между военно-административным и генеалогическим делением кочевнических племенных объединений на два крыла. На материале уже раннего периода истории Тюркских каганатов наблюдается не только существование вторичного деления выделенных военно-административных единиц, но и вариативность (условность?) соотношения старшинства крыльев. История уйгуров и токуз огузов показывает процесс перестройки состава крыльев во времени, сопровождавшийся также изменением таксономической иерархии в общей структуре социальной организации создававшихся объединений.

Примечание

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого».

Литература

Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Чтения памяти Л.С. Берга. 1960–1966. Л., 1968. Вып. 8–14. С. 118–134.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Толстов С.П.* Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55–102.
- Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Alföldi A.* Türklerde Çift Krallık // İkinci Türk Tarih Kongresi, İstanbul 20–25 Eylül 1937. Kongrenin çalışmaları, kongreye sunulan tebliğler. İstanbul, 1943. S. 508–519.
- Bailey H.W.* The Staël-Holstein Miscellany // Asia Major (New Series). 1951. Vol. 2. Pt. 1. P. 1–45.
- [*Boodberg P.A.*] Selected Works of Peter A. Boodberg. Berkeley; Los Angeles; L., 1979.
- Golden P.B.* Oq and Oğur ~ Oğuz // Turkic Languages. 2012. Vol. 16, № 2. P. 155–199.
- Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ğayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Hudūd al-Ālam, al-Bakrī und al-Marvazī). Wiesbaden, 2001.
- Hamilton J.* Toquz-Oğuz et On-Uyğur // Journal Asiatique, 1962. T. 250, Pt. 1. P. 23–63.
- Hamilton J.R.* Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1977. Vol. 40, No 3. P. 508–521.
- Henning W.B.* Argi and the ‘Tokharians’ // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1938. Vol. 9, No 3. P. 545–571.
- İnan, A.* “Orun” ve “Ülüş” Meselesi // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. 1931. Cilt 1. S. 121–133.
- Katona-Kiss A.* Észrevételek a „tokuz-oguz problémá”-hoz // A Wosinsky Mór Megyei Múzeum Évkönyve. 2007. XXIX. kötet. 237–241. o.
- László, F.* Die Tokuz-Oguz und die Köktürken // Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata. Budapestini, 1942. Vol. 1. S. 103–109.
- Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T’u-küe). Wiesbaden, 1958. I–II. Buch.
- Ôsawa T.* Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il’ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. Venezia, 2006. P. 471–504.
- Pulleyblank E.G.* The Date of the Stael-Holstein Roll // Asia Major (New Series). 1954. Vol. 4, No 1. P. 90–97.
- Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī* on China, Turks and India. L., 1942.
- Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara, 1972.
- Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉.* Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин, 1958.

**СРАВНЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ПЕТРОНЫ КАМАТИРА
О САРКЕЛЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ
О НИЖНЕ-ДОНСКИХ КРЕПОСТЯХ
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА**

Саркел не сходит со страниц историко-археологических исследований уже более полутора веков. Накопилась значительная библиография, которая сама может стать темой историографического изучения. Если до и некоторое время после раскопок Саркела в публикациях о нем преобладала археологическая тематика, то в последние два-три десятилетия возобладала историческая. В частности, продолжает муссироваться вопрос «против кого построен Саркел». Между тем археологические материалы раскопок самой известной из всех крепостей Хазарского каганата, как кирпичных, так и белокаменных, требуют более детального изучения, чем смогли выполнить авторы первых двух томов «Трудов Волго-Донской экспедиции». Едва ли не в первую очередь это относится к строительным материалам и технологиям.

Открытие строительных материалов, прототипы которых имеют византийское происхождение, связано, в основном, с раскопками Саркела, который отождествлен с Левобережным Цимлянским городищем М.И. Артамоновым (Артамонов 1958). Из современных авторов только Г.Е. Афанасьев сомневается в том, что Саркел располагался на месте Левобережного Цимлянского городища. Он предполагает, что руинами Саркела является Семикаракорская крепость. При этом он не упоминает то обстоятельство, что на Семикаракорском городище нет напластований древнерусского времени Белой Вежи (Афанасьев 2011).

План Саркела имеет прообразом кастели позднеимперского ранневизантийского времени IV–VI вв. с удлиненно-прямоугольным планом типа *Thamugadi*, Нумидия, имевшие особенности в разных регионах (Горбатов 2004. С. 31; 35, рис. 5(г)). Участие византийца Петроны Каматира в сооружении Саркела известно прежде всего из сочинения Константина Багрянородного: «...сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хе-

ландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек» (Константин Багрянородный. 1989. С. 171–173). В приведенном очень кратком описании упомянуты два вида связанных между собою строительных материалов, использование которых подтверждено раскопками – *кирпич* и *известь*. Сомнение вызывает способ получения извести путем обжига ракушек. На протяжении скольких же километров вдоль левого берега Дона необходимо было собирать ракушки, чтобы получить из них известь для соединения миллионов кирпичей? Не целесообразнее ли было добывать ракушечник, мощные пласты которого залежали на правом берегу Дона непосредственно против строительной площадки Саркела? Из этого вопроса проистекает другой: правильно ли переводчики теста поняли, из какого сырья получали известь, ракушек или ракушечника? Для изучающих строительные технологии Византии и Хазарского кагата вопрос немаловажный.

Вторая проблема, связанная со строительством Саркела, завершил ли его Петрона Каматира сам или ограничился только начальной организацией работ, включая геодезические и налаживание изготовления кирпича, после чего отбыл в Константинополь? М.И. Артамонов полагал, что строительство шло не один год, а роль в нем Петроны преувеличена (Артамонов 1958. С. 25–27). С другой стороны, в Хронике Продолжателя Феофана читаем: «Поскольку не было там камней, он [Петрона] выжег в печах из мелких речных ракушек известь, глину обжег, изготовил кирпичи и славно, хотя и с многими трудами, благодаря множеству благодаря множеству людей рабочих рук закончив порученное ему дело, вернулся в царственный город» (Продолжатель Феофана. 1962. С. 56–57).

Список строительных материалов в отчете Петроны Каматира перед Константином Багрянородным далеко не полный. Мало того, результаты раскопок на Нижнем Дону белокаменной Правобережной и сырцово-кирпичной Семикаракорской крепостей и открытие к югу от них ранее неизвестных местонахождений

(крепостей?) Башанта I и II в Калмыкии на р. Егорлык (Флёров 2017) требуют пересмотра всей истории и хронологии хазарской фортификации и появления в каганате византийских строительных технологий и материалов.

Общая картина распространения на Нижнем Дону строительных материалов византийского происхождения отражена в нижеследующей таблице (данная таблица расширена по сравнению с ранее опубликованной: Флёров 2014. С. 150).

Схематичная таблица не включает всего разнообразия керамических строительных материалов каждого вида. Так, в нее ввиду большого объема не вошли сравнительные статистические данные о размерах форм сырцовых и обожженных кирпичей каждой крепости. Для полноты представлений о кирпичах из Хазарского каганата должно было бы привести сопоставления с размерами и формами кирпичей крепостей Среднего Дона (Алексеевское, Колтуновское, Красное), городища Самосделка и др.

Сосредоточу, однако, основное внимание на *черепице*. До настоящего времени не привлекался к исследованию такой археологический источник, как керамиды и калиптеры Саркела (около 30 небольших обломков), принадлежащие к другим типам, нежели правобережно-цимлянские и семикаракорские (Раппопорт 1959. С. 35, 37). Совершенно иная черепица происходит из местонахождения Башанта I, расположенного в 160 км южнее Саркела. Наконец, несколько обломков черепицы обнаружены в районе г. Ставрополя (Ларенок, Завершинская 2017. С. 156, рис. 3, 4). Не исключено, что керамиды Бударки близки правобережно-цимлянским. На сегодня ареал находок черепицы правобережно-семикаракорских видов протянулся от Нижнего Дона до Ставрополя на примерно 300 км. Что касается типов черепицы из Саркела, то она найдена только здесь! Приходится делать вывод: в Хазарском каганате образцы черепицы для местного ее изготовления поступали из разных центров. Более распространенные прототипы для производства черепицы семикаракоро-правобережных типов происходят, вероятнее всего, из Крыма. Источник прототипов для черепицы Саркела еще не установлен. Отдаленно, только по степени изгиба, саркельские калиптеры напоминают калиптер из Мадары (Попов 1936. С. 37, рис. 50).

Табл. 1. Строительные материалы в крепостях Хазарского каганата на Нижнем Дону

Строительные материалы	Семикаракорская	Правобережная Цимлянская	Саркел
Кирпичи	+ В крепостных стенах абсолютно преобладают сырцовые. В зданиях Цитадели – обожженные	+ Сырцовые в хозяйственных постройках	+ Обожженные
Блоки из белого известняка		+ Тысячи. Единственный строительный материал для крепостных стен	–
Плиты из ракушечника и песчаника	–	+ Тысячи. В основании крепостных стен	+ Вымостка в Главных воротах
Черепица: керамиды и калиптеры	+ Сотни фрагментов; аналогичны правобережным цимлянским	+ Около 200 фрагментов; аналогичны семикаракорским	+ 30 фрагментов; отличаются от семикаракорских и правобережных
Плитка керамическая	? Упоминается: Артамонов, 1958, 7. В раскопках 1971–1974 гг. не найдена	+ Десятки фрагментов	?
Штукатурка	+ 2 фрагмента	+ В отдельных объектах; качество высокое, тонкая	+ Степень распространенности не установлена; «толстый слой»
Краска красная		+	+
Краска зеленая			+
Треугольные «кирпичи» из известнякового раствора		+	–

Еще больше вопросов вызывает распространение в крепостях Хазарского кагана *керамической плитки* (иногда ее ошибочно

относят к плинфе). В Саркеле ее нет, что удивляет (не опознали?). Наибольшее количество плитки найдено в Правобережной Цимлянской крепости, меньше в Семикаракорской крепости. Абсолютный аналог для ниже-донских – найденная в одном экземпляре плитка из Фанагории (Чхаидзе 2012. С. 191; 519, рис. 129: 19). Заметно сходство с плитками из Юго-Западного Крыма*.

Разнообразие видов и форм керамических строительных материалов, их постепенно расширяющий ареал, а главное, варианты их сочетания в каждом памятнике вызывают предположение, что не все они появились в Хазарском каганате исключительно в ходе миссии Петроны Катаматира.

Примечание

* Благодарю В.Н. Чхаидзе за устное сообщение о находке одной плитки правобережно-цимлянского вида в Среднем Зеленчукском храме, на расстоянии около 400 км от Нижнего Дона.

Литература

- Артамонов М.И.* Саркел–Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. (МИА; № 62).
- Афанасьев Г.Е.* Кто же в действительности построил Левобережное цимлянское городище? // РА. 2011. № 3. С. 108–119.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Ларенок П.А., Завершинская М.П.* Городище «Бударка» // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2017.
- Попов Р.* Материалы отъ разкопки и проучвания презЪ 1934/1935 г. // Мадара. Кн. II. София, 1936.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
- Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1959. (МИА; № 75).
- Торбатов С.* Терминология за фортификационните съоружения през римската и ранновизантийската епоха // Археология на българските земи. София, 2004. Т. 1. С. 31–48.
- Флёров В.С.* Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // *Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор Веры. М., 2014.
- Флёров В.С.* О первых публикациях местонахождений Башанта. Незвестная византийская миссия в Хазарию? // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15.
- Чхаидзе В.Н.* Фанагория в VI–X веках. М., 2012.

ВИЗАНТИЙСКИЕ АМУЛЕТЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЫМСКИХ ГОТОВ*

Исследователи локализируют в Юго-Западном Крыму область Дори, которая была населена союзниками Византии – готами, от окрестностей Алушты и до низовьев реки Черная, где выявлена единая археологическая культура, представленная однотипными могильниками, поселениями и крепостями, построенными византийцами для местного населения. Анализ погребальных сооружений и обряда, антропологического материала и находок позволяет заключить, что все эти памятники принадлежали одному смешанному гото-аланскому населению (Айбабин, Хайрединова 2017. С. 171).

В материальной культуре населения Юго-Западного Крыма довольно отчетливо прослеживаются «византийские компоненты». Со второй половины VI в. гото-аланские воины носили византийские геральдические наборные пояса. Женский костюм местного населения на протяжении долгого времени – с середины V и до конца VII в. – сохранял ярко выраженные восточно-германские черты. Однако к концу VII в. из одежды женщин исчезли парные двупластинчатые и пальчатые фибулы, а византийские поясные застёжки полностью вытеснили местные большие пряжки, лишив костюм этнического своеобразия. В первой половине VIII в. крымских готок нельзя было отличить по одежде от жительницы любой византийской провинции. К группе предметов, наглядно демонстрирующих византийское влияние, распространившееся не только на материальную, но и на духовную жизнь крымских готок, относятся амулеты, предназначенные для защиты от действий демонов, различных болезней и сглаза. Многие из них привезены из Египта, Сиро-Палестинского региона и Малой Азии, некоторые изготовлены местными мастерами по импортным образцам.

В погребениях VIII–IX вв. из могильников Скалистое и Эски-Кермен найдены серебряные цилиндры с запаянными боковыми сторонами и с петельками для подвешивания. С эпохи античности такие изделия служили футлярами для филактерий, специ-

альных заклинаний от злых сил, написанных на кусочке ткани или папирусе, либо процарапанных на металлических пластинах. В VI–VII вв. византийские женщины носили цилиндры – вместилища магических заклинаний на шее, часто на золотых цепях вместе с крестом (Heintz 2003. P. 275–305). В цилиндрах из Скалистого и Эски-Кермена сохранился тлен от дерева или ткани. В одном из захоронений второй половины VII в. из Скалистого из склепа 279 цилиндр для филиактерия лежал среди бус вместе с крестом (Веймарн, Айбабин 1993. С. 52). В качестве футляра для филиактерий использовались и полые украшения. Так, в могильнике у с. Лучистое в одном из женских захоронений первой половины VII в. обнаружена бронзовая серьга с полым многогранником, внутри которого сохранились фрагменты папируса, сложенного несколько раз и перевязанного веревочкой (Хайрединова 2013. С. 210, рис. 4, 1с).

В окрестностях Херсона найдена бронзовая листовидная подвеска, на лицевой стороне которой прорезано изображение святого всадника, пронзающего копьем женского демона, а на обороте – первые слова псалма 90 с предшествующим им крестом (Хайрединова 2014а. С. 158, 198, рис. 5, 1). По форме, размерам, иконографии святого всадника и стилю исполнения изображения, а также по палеографии и орфографии прорезанных на обороте первых двух слов псалма 90 подвеска идентична амулетам VI–VII вв., имевшим широкое распространение в Сиро-Палестинском регионе. Небольшие размеры подвесок позволяли разместить лишь первые слова псалма 90 или только его начальные буквы. В ранневизантийское время псалом 90 имел репутацию мощного отвращающего беду средства; его строки наносили на косяки окон и дверей, на стены жилых помещений и могил, а начальные слова гравировали не только на подвесках со святым всадником, но и на браслетах-амулетах и даже на перстнях (Le Blant 1896. P. 132–133; Feissel 1984. P. 576–577). К. Боннер предположил, что кулоны с началом псалма 90 могли быть амулетами против дурного глаза, поскольку некоторые из них своей вытянутой овальной формой напоминают глаз (Bonner 1950. P. 219).

Медальоны с изображениями святых всадника и Мины VII–VIII вв. из могильников у с. Лучистое и Суук-Су предназначались для защиты от злых сил и, прежде всего, от козней дьяволи-

цы Гиллу, которая угрожала беременным женщинам и новорожденным детям. Их делали местные мастера по привезенным из Египта образцам. Женщины детородного возраста носили медальоны на шее в ожерелье вместе с бусами. Младенцам амулеты также вешали на шею: девочкам – по одному в ожерелье с бусами, мальчикам – по два на кожаном шнурке. Некоторые женщины продолжали носить медальоны и в старости, но уже в качестве исцеляющего от болезней средства.

В Скалистом в склепе второй половины VIII – IX в. найден круглый бронзовый пластинчатый медальон, на котором видны прорезанные различные «магические» знаки и отдельные греческие буквы. Возможно, медальон был сделан в подражание «печатям Соломона» для защиты от злых сил. Жители Херсона пользовались настоящими, привезенными из Малой Азии медальонами, относящимися к группе «печатей Соломона». С магией Соломона связаны и перстни с выгравированным изображением пентальфы, найденные в Херсоне и в Лучистом. П. Пердризе обратил внимание на то, что в «Завещании Соломона», переданная богом печать описана как «маленькое кольцо с печатью, вырезанной на камне» и «эта вырезанная печать на кольце, которое тебе послано, – пентальфа» (Perdrizet 1922. P. 33). Пентальфа встречается рядом с изображением святого всадника на одном из египетских браслетов VI–VII вв. (Maspero 1908. P. 247). Перстни с таким декором широко бытовали в Византии и на сопредельных территориях.

К группе медицинских магических амулетов относится бронзовый перстень с изображением бога Хнубиса в виде змеи с головой льва в нимбе, найденный в Лучистом в одном из женских погребений первой четверти VII в. (Хайрединова 2014б). Изображение скопировано с гемм, широко распространенных в Египте в позднеримское время, предназначавшихся для улучшения пищеварения или для лечения болезней пищеварительного тракта. Перстень входил в состав нагрудного ожерелья и находился в области желудка носившей его женщины. Именно так рекомендовали носить амулеты против болей в желудке авторы магических и медицинских трактатов. Скорее всего, из Сиро-Палестинского региона был привезен найденный в районе с. Гончарное и хранящийся в частной коллекции круглый пластинчатый медальон с петелькой

для подвешивания, на котором прорезаны заклинания на греческом языке и схематически изображенная фигура львиноголового змея Хнубиса. И надписи, и изображение позволяют отнести предмет к защитным средствам, имевшим в представлении древнего человека терапевтические свойства.

Изображения апотропейного характера известны и на предметах одежды. В Юго-Западном Крыму в VII в. бытовали византийские бронзовые цельнолитые пряжки с прочерченным изображением льва на круглом щитке. На щитках большинства пряжек под львом схематически изображена змея и знаки, характерные для магических амулетов: пятилучевая или шестилучевая звезда, а также изображение глаза. Такие же изображения льва и змеи под ним фигурируют на ранневизантийских амулетах и на браслетах-амулетах из Сирии, Палестины и Малой Азии, которые предназначались для отращения всякого зла от носящего. Пряжки относятся к изделиям массового производства, распространенным на широкой территории – от Италии до Малой Азии и Крыма. Во всем ареале пряжки стандартны, что может свидетельствовать о едином центре их производства. Судя по размерам, эти поясные застёжки-апотропеи делались специально для детей. В Юго-Западном Крыму привозные византийские детские поясные застёжки использовались по назначению. *In situ* пряжки зафиксированы в могильнике у с. Лучистое: они зачищены на нижних позвонках в погребениях ребенка и девочки-подростка. Подпоясывая одежду ребенка поясом с такой пряжкой, родители стремились обезопасить его от всякого зла и от действий темных сил через дурной глаз.

Изучение амулетов позволяет не только расширить знания о предметах, бытовавших в раннесредневековое время, но и пополняет наши сведения о повседневной жизни и верованиях жителей раннесредневекового Крыма. Находки подобного рода свидетельствуют о единстве культуры в христианском мире и являются наглядным примером тесных экономических и культурных связей Крыма с Византийской империей в эпоху раннего средневековья.

Примечание

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

Литература

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Хайрединова Э.А.* Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2013. Вып. 18. С. 187–216.
- Хайрединова Э.А.* Медальоны с изображением святого всадника // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 147–210. (а)
- Хайрединова Э.А.* Перстень – амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 69–89. (б)
- Bonner C.* Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian // University of Michigan Studies. Humanistic Series. Vol. 49. Ann Arbor, 1950.
- Feissel D.* Notes d'épigraphie chrétienne (VII) // BCH. 1984. Vol. 108.
- Heintz M.F.* Magic, Medicine, and Prayer // Byzantine Women and Their World. Harvard, 2003. P. 275–305.
- Le Blant E.* 750 inscriptions de pierres gravées inédites // Extrait des Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P., 1896. T. 36/1.
- Maspero J.* Bracelets – amulettes d'époque byzantine // Annales du service des antiquités de l'Égypte. 1908. Vol. 9.
- Perdrizet P.* Negotium Perambulans in Tenebris, études de démonologie gréco-orientale // Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. Strasbourg, 1922. Fasc. 6.

Р.П. Храпачевский

КОЧЕВЫЕ ФЕДЕРАТЫ ИМПЕРИЙ ЛЯО И ЦЗИНЬ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ С СИНХРОННЫМИ ИМ «СВОИМИ ПОГАНЫМИ» НА ГРАНИЦАХ РУСИ

С конца X и по начало XIII в. на северных границах империи Ляо (киданей) и сменившей ее Цзинь (чжурчженей) существовали кочевые федераты, в документах этих империй называвшиеся «войска дяу». Этнический их состав был весьма пестрым – монгольские и монголоязычные племена, племена тюркского происхождения, с вкраплениями тибето-тангутских и тунгусо-маньчжурских родов, не говоря уже о группах иного происхождения. Несколько позднее, с XI в., на границах Руси появились кочевые тюркские племена («свои поганые» древнерусских летописей), которые признали сюзеренитет русских князей и служили им.

В данной работе для характеристики «своих поганых» в составе Древнерусского государства в основном используются сведения, собранные в известном цикле работ Д.А. Расовского о черных клобуках и половцах на Руси и в Венгрии. Для сравнительных с ними параллелей привлекаются сообщения официальных китайских историй «Ляо ши» и «Цзинь ши», а также тексты сунских и других авторов (Ли Синь-чуань, «Да Цзинь гочжи»). Русские переводы приведены в сводке данных: Храпаческий 2015.

Существование федератов на границах оседлых государств является распространенным явлением. В ее рамках основная роль зависимых или полунезависимых племен заключается в том, что они были пограничным буфером между «цивилизацией» и «варварской периферией». Однако и у «своих поганых», и у «войск дю» были и иные функции, на которые обычно мало обращается внимания.

Основная функция федератов заключалась в том, что кочевые народы *работали пограничниками*. На Руси эту функцию выполняли «черные клобуки» и зависимые от русских князей половцы. Аналогична была роль половцев в Венгрии. Этим же занимались и «войска дю» на северной границе Китая. Стоит специально отметить некоторые сходства и отличия в деле охраны границ Китая, Руси и Венгрии. Только в венгерских и цзиньских источниках де-факто пограничные федераты прямо называются «пограничными». Например, в указе императора Цзинь «войска дю» названы «пограничными войсками севера» (Цзинь ши. С. 236), а в Ляо они официально назывались частями «пограничной охраны северной стороны» (Ляо ши. С. 742). В русских же источниках такого точного определения нет (только иногда приводятся указания на «окраинную службу»).

С точки зрения анализа военных функций, между «своими погаными» на Руси и «войсками дю» в Китае наблюдаются значительные отличия. На Руси черные клобуки были неотъемлемой частью великокняжеского или удельно-княжеского (переславского, черниговского и т.д.) войска. Это была легкая конница, поддерживающая княжескую дружину. Для «войск дю» ситуация была другой. Хотя иногда они формально входили в войсковые реестры, но фактически не были составной частью армий Китая. Участие пограничных федератов в войнах на стороне Ляо и

Цзинь, в большинстве случаев, было сепаратным и носило скорее автономный «партизанский» характер. Авторы «Ляо ши» излагают причины этого и так характеризуют их применение:

Если была необходимость, то [из Ляо] отправляли послов для набора воинов [в этих племенах], или спускался [им императорский] указ самостоятельно идти походом [на указанного им врага] – что касается тех, кто не следовал [указам императора], то на них шли карательным походом. Помощь от войск [этих племен] была небольшой – они поступали по своему усмотрению и выставляли непостоянные [по численности] контингенты (Ляо ши. С. 429).

Общим для «своих поганых» и «войск дяо» является лишь то, что и те, и другие были мобилизационным резервом для набора легкой конницы. Кроме того, есть некоторое сходство в том, что «свои поганые» совершали самостоятельные рейды в половецкие степи, хотя это были редкие случаи.

Что касается социальных отношений, то данные источников о включении «черных клобуков» в социум Древнерусского государства крайне скудны. Можно только предполагать, что статус вождей «своих поганых» должен был быть схожим с племенными предводителями других народностей, признававших зависимость от русских князей (чудь и т.п.). Но наличие у них серьезной военной силы должно было делать их значимыми фигурами. Относительно «войск дяо» сведения источников более подробны, хотя они выражают исключительно взгляд китайских книжников. Согласно ему, «войска дяо» представляли собой ополчения так наз. «государств» или «владений», которые считались «дальними вассальными владениями» императора текущей династии. В соответствии с развитой и изощренной бюрократической системой Китая, унаследованной империями Ляо и Цзинь, вожди «войск дяо» получали формальные статусы – от «комиссаров» и «генерал-губернаторов» (*сянвэнь*, *аньфуши*, *цзедуши* и т.п.) до титулов владетельных князей-ванов. Они могли даже иметь своих «министров» и прочих «чиновников». Разумеется, это была фикция, точнее, просто традиция наделять «туземных князей» почетными званиями, которые им давались в подражание реальным званиям и должностям в бюрократической иерархии китайских государств. В этом отношении между

пограничными федератами Руси и северокитайских империй мало сходства ввиду сильного различия в степени развитости систем государственного управления.

Экономические же отношения пограничных федератов наоборот показывают схожие черты как для Руси, так и для Китая. Это вызвано схожим экономическим укладом – кочевым скотоводческим, что у тюркских племен «своих поганых», что у монгользычных и тюркских племен на границе с Китаем. И те, и другие жили за счет обмена продуктов скотоводства и своих традиционных ремесел на необходимые товары своих оседлых соседей. К ним добавлялись «пожалования» (или выплаты, в основном, товарами) от их верховных сюзеренов (русских князей или императоров Ляо или Цзинь) за их службу. Первый источник необходимых кочевникам материальных благ для «войск *дю*» частично оформлялся как «дань» или «подарки императору» со стороны кочевых племен, за которые их в свою очередь «отдавали». Фактически это была меновая торговля, но в престижных целях выдаваемая императорами за знак признания кочевниками их власти. Из «Ляо ши» и «Цзинь ши» мы знаем не только качественный, но и количественный состав этой торговли. По отношению к «своим поганым» на Руси мы не располагаем такими точными сведениями. Зато об участии в транзитной торговле пограничных федератов Руси известно больше, в то время как о таковой для «войск *дю*» данных мало. О черных клобуках как посредниках в торговле со странами Востока нам сообщают, в частности, внушительные клады восточных монет (Храпачевский 2013).

Большая вовлеченность «своих поганых», особенно из Киевской земли, во внутреннюю политику древнерусских княжеств – хорошо известный факт. Особенно активной была их роль в борьбе за великокняжеский стол в середине XII в. В ряде случаев фактически именно позиция черных клобуков решала вопрос о победе того или иного претендента на киевское княжение. В этом аспекте проявляется отличие от ситуации с «войсками *дю*»: они практически никогда не могли так влиять на внутреннюю политику Китая. Более того, власти двух империй проводили специальную политику недопущения их вмешательств. Дело в том, что и Ляо, и Цзинь были не китайскими династиями, которые правили многонаселенными землями Китая с оседлым ки-

тайским населением, а правящая элита имела кочевое происхождение. Поэтому родственные им кочевые племена приграничья всегда имели шанс на успех своего вмешательства на стороне войска какого-либо из претендентов на престол. В «Цзинь ши» так говорится об этом:

И вплоть до его [государства Цзинь] гибели, то, что [войска], о которых некогда было сказано „[командиры] с единой волей и [солдаты] с равными силами”, а теперь „Верные и почтительные” и прочие [подобные] войска сеяли раздоры внутри [страны] и люди всякого рода-племени из войск дю накликали беды из-за границ – это делало невозможным опираться на их мощь в этом [в сохранении власти в Китае] (Цзинь ши. С. 992).

Почти 80 лет властям Цзинь удавалась эта политика и к моменту возвышения монголов Чингиз-хана был только один случай их серьезного вмешательства: так называемый «мятеж Ай-вана», когда князь крови Ай-ван в 1195 г. привлек «войска дю» к попытке занять императорский престол. В сочинении Ли Синь-чуаня и в «Да Цзинь гочжи» сохранены сведения об этом их участии. Согласно им к борьбе с теми «войсками дю», что выступили на стороне Ай-вана, власти Цзинь привлекли как другую часть «войск дю» и монголов Темучжина, который в ходе этой войны накопил такие силы и средства, что позволили ему объявить себя Чингиз-ханом и позже сокрушить всю империю Цзинь.

Литература

大金國志/«Да Цзинь гочжи (История государства [династии] Великая Цзинь)». Пекин, 2011.

李心傳, 建炎以來朝野雜記/ Ли Синь-чуань «Цзянь-янь илай чао-е цзацзи (Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь)», Пекин, 2010.

遼史/«Ляо ши (История Ляо)». Пекин, 2013.

Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв., М., 2015.

Храпачевский Р.П. «Черные клобуки в первой половине XIII в.: опыт комплексного изучения источников» // ДРВМ. 2013. № 3 (53).

金史/«Цзинь ши (История Цзинь)». Пекин, 2005.

**ВИЗАНТИЯ В КРЫМУ И НА ТАМАНИ
(КОНЕЦ XI – НАЧАЛО XIII в.) ПО ДАННЫМ
НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ПАМЯТНИКОВ
ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ**

В историографии территории Крымского и Таманского полуостровов с конца XI в. (после возвращения в империю Матархитмутаракани) и до 1204 г. (захват Константинополя крестоносцами) традиционно рассматриваются как органичные части Византии (Степаненко 2018. С. 713–716). Однако данные письменных источников, на которых основаны эти выводы, немногочисленны и отрывочны.

Мануил Ставороман между 1098 и 1103 гг. сообщает об утверждении власти Алексея I Комнина на берегах Киммерийского Боспора: «Αἴμιον καὶ Ἰστρου ἄνωθεν ἀπὸ τῶν Γετικῶν ὀρίων εἰς τὸν Εὐξείνιον διακεῖται καὶ ἀφορίζεται καὶ ὅσα παρὰ τὸν Κιμμέριον βόσπορον» (Gautier 1965. P. 190).

Из письма Феофилакта Охридского (лето 1103 г.) известно, что *дука* Трапезунда Григорий Таронит отразил набеги мелитинского султана Данишменда-гази, который собирал дань, помимо прочего, «τὸν Πόντον ἐλληνίδας πόλεις ἐντὸς Τανάιδος ποταμοῦ καὶ λίμνης Μαιώτιδος» («с греческих городов около Понта между рекой Танаис и Меотидским озером») (Theophylacti Achridensis. P. 426–427). Как сообщает Евстафий Солунский, именно из этих мест полвека спустя в Константинополь доставляли соленую рыбу и икру (Eustathii Thessalonicensis. P. 80).

В середине XII в. Никифор Васиlaki в инвективе против своего противника Вагоя пишет, что отец последнего служил в суде (?) в краях «боспорских варваров» (Βοσπορίους βαρβάρους) возле «влажной Меотиды» (ἡ ψυχρὰ Μαιώτις) (Nicephori Basilacae. P. 100). Писатель того же времени Иоанн Цец в «Ямбических стихах» упоминает «землю матрахов» (προσφυεῖς γῆ βατράχων) (Ioannis Tzetzae. P. 515).

В 1153 г. ритор Михаил в речи к Мануилу I Комнину утверждает, что войска императора могут оказаться «к северу от Ме-

отийского озера» (Regel 1892. P. 152). В соборном постановлении 1166 г. император Мануил помимо прочего, назван «зихийским и хазарским» (ζηκικὸς, χαζαρικὸς) (Mango 1963. P. 324).

В хрисовуле генуэзцам от октября 1169 г. Мануил разрешил им торговлю по всей территории империи, кроме «Росии и Матрахи» (Ρωσίας καὶ τῶν Ματράχων) (Jus Graeco-Romanum. P. 496). В апреле 1192 г. это пожалование было подтверждено Исааком II Ангелом (Miklosich, Müller 1865. P. 35). Следует отметить, что изданию этих актов предшествовали визиты в столицу церковного иерарха Матрахи, который отмечен на соборах 10 марта 1169 г. (Ivris Graeco-Romani. P. 282) и сентября 1191 г. (Ανάλεκτα. Σ. 364–365).

Константин Пигонит, адресат Михаила Хониата, до 1182 г. собирал подати «поблизости от гипербореев», «на той стороне пролива», и часто «посещал климаты Понта» («...καὶ μᾶλλον γε νῦν ὅτε τοῖς Ὑπερβορέοις ἀνδράσι καὶ ἀνεράστοις ἀγχιθυρεῖς καὶ τῶν πάλαι какоξείνων Ποντικῶν ἐπιχωριάζεις τοῖς κλίμασιν...») (Michaelis Choniatae. P. 6), т.е. он осуществлял свою деятельность на азиатском Боспоре (Каждан 1963).

Приведенные известия органично дополняют находки византийских печатей на Тамани, в Керчи, Судаке и Херсоне, а также редкие находки на остальной территории Крыма. К сфрагистическим свидетельствам византийской власти в регионе следует отнести три типа моливдовулов Олега-Михаила, который в 80–90-е годы XI в. был представителем византийской администрации на территории, включавшей Матраху, Зихию и часть Крыма (Чхаидзе 2018. С. 722–723, рис. 1). Также следует указать на наличие печатей византийских чиновников центральной администрации рубежа XI–XII вв. в Херсоне, Судаке и на Тамани. Помимо этого, выявлены многочисленные печати представителей знатных имперских родов, появление которых может являться показателем смены в империи *стратиотского* ополчения частными *этериями*. Интерес высших слоев Византийской империи к этим территориям мог быть обусловлен и тем, что адресанты подвешивали печати к документам, которые отправляли в свои частные владения. Отметим, что в XII в. система государственного управления в Византии претерпевает серьезную реформу: продолжает существовать

некая бюрократическая форма, но, по-видимому, уже не традиционного централизованного управления, а больше ориентированная на имперский нобилитет (Алексеев 2019. С. 416). Это отражено и в находках печатей XII в., происходящих из Крыма и Тамани.

Хронологический анализ комплекса печатей конца XI – XIII в. разделен по пунктам их выявления, это позволяет обнаружить связи между находками и ответить на вопрос, кто и когда посылал корреспонденцию. К сожалению, за редким исключением (когда из источников известен владелец) узкое датирование печатей пока еще не возможно, поэтому нами предлагаются во многом условные хронологические ориентиры.

Рубеж XI–XII вв.:

Тамань (13 печатей): Михаил Дука, *севаст*; Михаил Кастамонит, *дука*; Евфимий Лампрос; Феодор Мацарис; Георгий Палеолог, *протоновелиссим*; Евгений Соломон, *ипат*; Стефан, *кир*; частные печати – Константина, Мануила, Петра, Стефана; Никифор, митрополит Иераполя; Монастырь Христа Всевидящего в Константинополе;

Керчь (2): Михаил Псилиан; Константин, *севастофор*;

Судак (8): Георгий Кедрин, *вестарх*; Григорий Куркуас, *дука*; Феодор Мацарис; Иоанн Номопидат; Иоанн, *спафарий*; Никита, *магистр*; частная печать Михаила; частная печать Николая (2 экз.);

Херсонес (8): Константин Ксир, *севаст*; Михаил Синадин, *севаст*; Михаил Цит, *новелиссим*; Николай Калопсих *экзактор*; Георгий Кедрин, *вестарх*; Михаил Дрим; Константин Аргиромит (2 экз.);

Остальная территория Крыма (4): Иоанн Комнин, сын *севастократора*; Мария Комнина, а также две анонимные, с метрическими надписями.

XII в.:

Тамань (3): Евфросиния, *севастократисса*, невестка императора – супруга Алексея III Ангела (после сентября 1185 – 8 апреля 1195 гг.); Николай Агиостефанит; Михаил Касиан.

Керчь (1): Иоанн Ангел, сын деспота Константина и порфиродной Феодоры (Комниной);

Судак (2): Константин Коскина; Феодул, монах;

Херсонес (6): Феодор Агиостефанит; Алексей Врана Комнин; Константин Маврокатакалон; Феогност Тессараконтапих; Иоанник, великий эконоом;

Остальная территория Крыма (2): Иоанн Контостефан Комнин (ок. 1162, 1166); частная печать Георгия.

XIII в.:

Херсонес (2): Николай, митрополит Амастриды (2 экз.);
Остальная территория Крыма (2): печать императора Андроника II (III?) Палеолога; частная печать Алексея Манаси.

Таким образом, можно констатировать, что все известные нам (хоть и немногочисленные) категории источников не позволяют усомниться в наличии центральной византийской власти в провинциальных Крыму и на Тамани вплоть до 1204 г. (Чхаидзе 2019. С. 175–177). С 1204 г. и до монгольского нашествия Крым и, вероятно, Тамань контролировались Трапезундом (Степаненко 2019. С. 464–467).

Литература

- Алексеевко Н.А.* Государственный аппарат Византии в XII в.: империя «почтенных» нобилей по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2019. Т. 24. С. 407–422.
- Каждан А.П.* Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93–101.
- Степаненко В.П.* Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII в.) // МАИЭТ. 2018. Т. 23. С. 713–720.
- Степаненко В.П.* Поствизантийский Крым в XIII в. // МАИЭТ. 2019. Т. 24. С. 464–469.
- Чхаидзе В.Н.* Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Т. 23. С. 721–730.
- Чхаидзе В.Н.* Византийская власть на Тамани и в Крыму в конце XI – начале XIII в. // Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Тезисы докл. XXII-й всерос. сессии византинистов РФ. Екатеринбург, 2019. С. 175–177.
- Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐκδιδόμενα ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Ἐν Περτρούπολει, 1894. Τόμος δεύτερος.
- Eustathii Thessalonicensis* De emendanda vita monachica / Rec. germanice vertit indicibusque instruxit K. Metzler. B., 2006. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 45).
- Gautier P.* Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos // REB. 1965. № 23. P. 168–204.
- Ioannis Tzetzae* Historiarum variarum Chiliades. Graece. Textum ad fidem duorum codicum Monacensium recognovit, brevi adnotatione et indicibus instruxit Theophilus Kiesslingius. Lipsiae, 1776.
- Ivris Graeco-Romani tam canonici quam civilis. Tomi duo. Iohannis Levnclavii... nunc primum editi... Tomus primus. Francofvrti, 1596.

- Jus Graeco-Romanum. Novellae Constitutiones / Ed. C.E. Zachariae von Lingenthal, D.J.U. Dominus in Grosskmehlen. Lipsiae, 1857. Pars 3.
- Mango C. The Conciliar Edict of 1166 // DOP. 1963. Vol. 17. P. 316–330.
- Michaelis Choniatae Epistulae / Recensuit F. Kolovou. B., 2001 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 41).
- Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta. Vienne, 1865. T. 3.
- Regel W. Fontes rerum byzantinorum. Petropoli, 1892. Fasc. 1.
- Nicephori Basilacae Orationes et epistolae / Rec. A. Garzya. Lipsiae, 1984. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Theophylacti Achridensis Epistulae / Rec., gallice vertit, notisque instruxit P. Gautier. Thessalonicae, 1986. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 16/2).

Е.А. Шинаков

ДАНИЯ И РУСЬ: СРАВНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ «РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Сравнение процессов формирования «раннего государства» на Руси и в Дании в раннесредневековый период на базе археологических материалов и в свете политической антропологии представляется исключительно актуальным. Следует обратить внимание, что в датской историографии политико-антропологическая терминология применяется редко (см. об исключениях: Olsen 1988. P. 18–19; Roach 2013–2014. P. 44–45). Между тем, процесс формирования раннего государства в Дании (Randsborg 1980; Lund 1981) и на Руси (Шинаков 2009) происходил достаточно синхронно. Различия в этих двух регионах касаются динамики и «скорости» трансформаций двух политических систем, а также многочисленных нюансов, обусловленных конкретно-историческими условиями и обстоятельствами.

В Дании начало «периода перемен» в политической организации увязывается с ослаблением (после 890 г.), а затем и прекращением около середины X в. потока восточного серебра (Randsborg 1980. P. 153; Kaland 1998. P. 263). При этом важен характер влияния этого явления на политогенез: «После кол-

лапса арабской торговли серебром... датские короли были вынуждены искать иные методы, чтобы платить своему окружению и вооруженным силам» (Roach 2014. P. 43). Вторым фактором развития ранней государственности стала необходимость в ведении оборонительных войн и создании систем пограничной обороны (Thurston 1997. P. 239–240; Roesdahl 2008. P. 662). Оборонительные системы на юге Дании сооружались и реконструировались неоднократно: «датский вал» существовал с VIII по X вв. (Andersen, Madsen, Voss 1976. Fig. 80–83; Lund 1981. P. 28; Лебедев 1985. С. 89; Olsen 1988. P. 13–14; Roach 2014. P. 36). В Дании «королевские крепости» служили для обороны, накопления запасов оружия и продовольствия (Randsborg 1980. P. 96). Кроме того, они были выставленными на показ монументами и символами королевской власти (Sawyer 1989. P. 55; Roesdahl 2008. P. 662). Если сопоставить эти явления с датой германской агрессии в Данию в 934 г., вызвавшей укрепление городов Оденсе и Риббе (Randsborg 2008. P. 14–15), то представляется допустимым считать, что «раннегосударственные тенденции» стали проявляться уже при конунге Горме Старом (ум. ок. 940 г.), сделавшем столицей Еллинг и захороненном там с женой Тюррой в самом большом и роскошном кургане Дании. В этой связи уместно вспомнить, что именно Горма Г.С. Лебедев называл первым датским «конунгом-реформатором», при котором начала меняться система получения доходов (Лебедев 1985. С. 96). «Пиком» процесса трансформации политической системы в Дании считается вторая половина правления Харальда Синезубого, а завершение этих процессов относят ко времени «империи» Свейна Вилобородого и Кнута Великого (ср.: Roach 2014. P. 45–46), т.е. к первой трети XI в.

Хронологически процесс формирования раннего государства на Руси полностью совпадает с тем же процессом Дании, он происходит с 30-х годов X в. до первой трети XI в. Для Руси, как и для Дании, важнейшим толчком к трансформации политической системы также стал кризис поставок арабского серебра (Hodges 2013. P. 182). На Руси (прежде всего, в южных регионах) сокращение поставок серебра «читается» в период конца

50-х – конца 70-х годов X в. (Шинаков 2017. С. 200). Монетный кризис на Руси перерос в военно-политический и поставил конгломерат сложных вожеств во главе с «росами» на грань распада, о чем свидетельствует и комплексный анализ разных категорий источников (Шинаков 2018). Как «викингские походы» конунга Свейна Вилобородого, так и первая, «восточная», часть походов князя Святослава Игоревича были вызваны одинаковыми причинами – «серебряным голодом». Проблемы в организации обороны на Руси были наиболее острыми в период между 993 и 1000 гг., если не считать отдельных эпизодов 968 и 1036 гг. Процесс создания оборонительной системы на Руси нашел полное археологическое отражение в строительстве пограничных крепостей и целых линий, связанных и с реконструкцией более ранних «Змиевых валов», проводившейся в несколько этапов с 986 по 1008 гг. (Моргунов 2009). На Руси также можно найти аналоги датских «дружинных лагерей». Княжеские крепости, такие, как Белгород, строились при князе Владимире, хоть и в некотором отдалении от степной границы, но именно для ее охраны. Из «претендентов» на звание «дружных лагерей» можно, пожалуй, назвать только Лепляво на среднем Днепре (Щавелев 2002. С. 259).

Литература

- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Моргунов Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси. М., 2009.
- Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009.
- Шинаков Е.А.* Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2017. С. 193–208.
- Шинаков Е.А.* Археологический комментарий к событиям середины X века в «Росии» // Археологическое наследие. Воронеж, 2018. №1. С. 51–58.
- Щавелев А.С.* Сага о йомсвикингах // Русский сборник. Сб. трудов, посв. 25-летию исторического факультета БГУ им. И.Г. Петровского. Брянск, 2002. С. 258–264.
- Andersen H.H., Madsen H.J., Voss O.* Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Højbjerg, 1976. Bd. XIII. Danevirke. Text. Plancher.

- Hodges R.* Dark Age Economics: The Origins of Towns and Trade, A.D. 600–1000 // *New Approaches in Archaeology*. L., 2013.
- Kaland S.* The Viking Period // *Archaeologia Baltica*. Vilnius; Bergen, 1998. T. 3: The Archaeology of Lithuania and Western Norway: Status and Perspectives.
- Lund N.* Viking Age Society in Denmark – Evidence and Theories // *Danish Medieval History: New Currents*. Copenhagen, 1981. P. 22–35.
- Olsen O.* Royal Power in Viking Age Denmark // *Syvende tværfaglige Vikingsymposium*. Odense, 1988. P. 7–20.
- Randsborg C.* The Viking Age in Denmark: The Formation of a State. N.Y., 1980.
- Roach S.* Viking Studies Dissertation // *Innervate*. Leading Undergraduate Work in English. Vol. 6. Nottingham, 2013–2014. P. 35–38.
- Roesdahl E.* The Emergence of Denmark and the Reign of Harald Bluetooth // *The Viking World*. Oxford, 2008. P. 652–664.
- Sawyer P.H.* Kings and Vikings: Scandinavians and Europe, 700–1100. L., 1989.
- Thurston T.* Historians, Prehistorians, and the Tyranny of the Historical Record: Danish State Formation through Documents and Archaeological Data // *The Journal of Archaeological Theory and Method*. 1997. No 4. P. 239–263.

П.В. Шувалов

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ КОННЫЕ ЛУЧНИКИ – СТЕПНОЕ ВЛИЯНИЕ ИЛИ ДОСТИЖЕНИЕ АНТИЧНОСТИ, НЕ ОЦЕНЕННОЕ ГЕРМАНЦАМИ?

Характерной особенностью армии восточноримской империи VI в. были отряды конных лучников (гиппотоксотов), зачастую решавших исход сражения (Syv anne 2004; Koehn 2018). Их главным оружием был чрезвычайно сильный лук, основной тактикой был фланговый охват с опорой на линейную кавалерию или пехотную фалангу и выход в тыл с применением отряда спецназа (гиперкерасты), а основой стратегии было представление, что преимущества дистанционного оружия должны быть соединены со скоростью конницы и внезапностью тщательно отработанного засадно-флангового маневра. Есть гипотеза, что гиппотоксоты использовали гуннский лук и соответствующую технику стрельбы и уже, возможно, начали использовать ранние стремена. Из этого следует вывод, что само появление гиппо-

токсотов стало прямым следствием серии побед гуннов в Европе в последней четверти IV – первой половине V в., наглядно продемонстрировавших все преимущества этого оружия и выявивших слабые стороны по большей части пехотных римских армий, традиционно полагававшихся на оружие ближнего боя. Однако ни гунны (Никонов 2002), ни постгуннские кочевники не использовали отряды конных лучников так, как это стали делать восточные римляне в VI в. Соответственно, встает вопрос, что сыграло большую роль в появлении гиппотоксотов: влияние степняков, персов или логика внутреннего развития античного военного дела? Для ответа на этот вопрос важно рассмотреть как специально технические стороны истории вооружения и экипировки, так и общие линии исторического процесса.

Способов хвата (удержания тетивы) известно множество, но в Евразии издревле господствуют два способа. Традиционно принятый в Европе и Средиземноморье хват (так наз. средиземноморский или «папиросный») отличается от хвата, распространенного в Азии и степной зоне Европы (так наз. монгольский, турецкий или кольцевой хват). Средиземноморский хват сочетается с положением стрелы слева от кибити, при монгольском же стрела находится справа и придерживается большим пальцем. Особняком стоит сасанидский хват, при котором указательный палец правой руки указывает на цель. Существует представление, что средиземноморский хват не способствует конной стрельбе, что подтверждается фактом полного отсутствия конных лучников в классической античности и западноевропейском Средневековье.

Стремена – для рассматриваемого периода сравнительно недавнее изобретение, полностью отсутствовавшее в классическом греко-римском мире. Считается, что стремена распространились с востока. На рубеже III и IV вв. некоторые высокопоставленные китайцы и монголоязычные мужуны из группы сяньби начинают использовать левосторонние подножки, превращающиеся к 322 г. в парные стремена. В середине V в. происходит передвижение некоторых групп кочевников на запад. В частности, между 461 и 464 гг. в Европе Приск Панийский узнает о продвижении туда с востока огуров, сарагуров и оногуров, несомненно, бывших носителями ротацизирующего тюркского (телеского)

языка, на котором название стремени должно было звучать как **irāñä*, сохранившееся в чувашском. Эти огурские племена уходили от наседавших на них с востока савиров, бывших, возможно, в прямом родстве с монголоязычными сяньби, у которых стремя могло обозначаться как *dörüge* («кольцевидный предмет»). Их, в свою очередь, теснили авары. Поскольку большинство из этих народов относились к сяньбийской группе, нет ничего удивительного в предположении, что именно с ними мужунское кольцевидное изобретение *dörüge* / **jüřengü* попало в Европу. Можно предположить, что, благодаря миграции огуров в 60-х годов V в. на запад, какая-то ранняя кольцевидная форма стремени под именем **jüřengü* должна была проникнуть вплоть до Нижнего Дуная, где после 475 г. латинские и греческие авторы отмечают присутствие сначала болгар, а затем и утургуров, разделившихся к 488 г. на кутригуров и на утигуров. Все эти народы принадлежали, скорее всего, к той же группе огурских народов, что и пришедшие в 461–464 гг. оногуры с сарагурами, что могло способствовать быстрому распространению среди них кольцевидного стремени **jüřengü*. На достаточно раннем этапе распространения *dörüge* / **jüřengü*-стремени на запад должно было произойти его заимствование у огурских кочевников византийской армией. Заимствовано было стремя с подножием в его слаборазвитой неэлитарной форме (с совсем отсутствующей пластиной), сильно отличающейся от типичного аварского стремени общетюркского облика. Интересно, что при этом, однако, не произошло заимствования византийцами ни термина *dörüge* / **jüřengü*, ни его значения («кольцо»), а вместо них возник собственный латинский термин *scala* с изначальным значением «лестница, ступенька», распространившийся в армии. Скорее всего, византийцы видели стремя у какой-то группы кочевников (например, у огуров), но не имели с ними постоянного общения, в процессе которого они смогли бы усвоить тюркско-монгольское название стремени. Не исключено, что конкретно такой вариант стремени был изобретен в мастерских восточно-римской армии по словесному описанию огурских образцов.

Лангобарды, служившие в восточно-римской армии при завоевании Италии Нарзесом, должны были усвоить стремя у византийцев. Однако, поскольку использовавшееся византийцами

для обозначения стремени слово *scala* было полностью омонимично лангобардскому обозначению чаши, оно для обозначения стремени у них не прижилось. Поэтому лангобарды должны были перевести латинское *scala* («ступенька») как *staffa* («шаг, ступень»). Когда же лангобарды вступили в активные контакты с аварами, принесшими с востока в 557 г. более развитую форму тюркских стремьян, лангобарды заимствовали аварский тип стремени. Тюрки-Ашина не только распространили сами стремени, но также и развили соответствующие военные технологии, позволившие получить им от этого изначально излишнего китайского нововведения максимальную пользу в военном деле (Азбелев 2014. С. 312–319). От авар и лангобардов развитое стремя распространилось в Западной Европе, знакомой до этого лишь с какими-то формами ранних стремьян.

Восточноримская армия заимствовала от гуннов новый тип лука и «монгольскую» технику стрельбы, а под влиянием раннетюркских кочевников стала использовать стремя. Все это позволило, наконец, в VI в. сделать основой стратегии кавалерийский дистанционный бой, этот технологический шаг называл еще со времен реформ Галлиена.

Литература

- Азбелев П.П.* Еще раз о ранних стремьянах // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 297–322.
- Никоноров В.П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2002. Т. 1 (26). С. 223–323.
- Koehn C.* Justinian und die Armee des frühen Byzanz. В.; Boston, 2018.
- Syvänne I.* The Age of Hippotoxotai: Art of War in Roman Military Revival and Disaster (491–636). Tampere, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбабин Александр Ильич – д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Алексеев Николай Александрович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та археологии Крыма РАН, Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne)

Артамонов Юрий Александрович – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Арутюнова-Фиданян Вианда Артуровна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Ауров Олег Валентинович – канд. ист. наук, доц., вед. науч. сотр. Лаборатории антиковедения ШАГИ ИОН РАНХиГС

Булычева Елена Владимировна – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории РГГУ

Введенский Антон Михайлович – магистр культурной антропологии, науч. сотр. Ин-та истории СПбГУ

Вершинина Юлия Евгеньевна – аспирант Центра междисциплинарных антропологических и социокультурных исследований Нижегородского Госуд. ун-та им. Н.И. Лобачевского

Вин Юрий Яковлевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Виноградов Андрей Юрьевич – канд. ист. наук, доц. НИУ ВШЭ

Гимон Тимофей Валентинович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Гиппиус Алексей Алексеевич – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, проф., вед. науч. сотр. Лаборатории лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ, гл. науч. сотр. Института славяноведения РАН

Денисов Сергей Александрович – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. Ин-та археологии РАН

Джаксон Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Дробышев Максим Игоревич – мл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Дробышева Мария Михайловна – преп. ГАУГН

- Дружинина Инга Александровна* – канд. ист. наук, науч. сотр. группы археологии Кавказа Ин-та археологии РАН
- Евдокимова Александра Алексеевна* – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та языкознания РАН
- Ермолова Ирина Евгеньевна* – канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории Историко-архивного ин-та РГГУ
- Земляков Михаил Вячеславович* – канд. ист. наук, ст. преп. Школы исторических наук НИУ ВШЭ
- Иваненко Александр Владимирович* – канд. филол. наук, науч. сотр. Отдела истории украинского языка и ономастики Ин-та украинского языка НАН Украины (Киев, Украина)
- Калинина Татьяна Михайловна* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Капитанов Сергей Михайлович* – чл.-корр. РАН, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Короленков Антон Викторович* – канд. ист. наук, доц. ГАУГН
- Котышев Дмитрий Михайлович* – канд. ист. наук, доц., педагог доп. образования МБОУ «Лицей № 13» (Троицк, Челябинская обл.)
- Кочергин Сергей Сергеевич* – соискатель каф. истории и археологии Тульского госуд. педаг. ун-та имени Л.Н. Тостого
- Кузнецов Андрей Александрович* – д-р ист. наук, доц., проф. каф. культуры и психологии предпринимательства Ин-та экономики и предпринимательства Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского
- Кузьмин Андрей Валентинович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории древнерусской культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС
- Лаушкин Алексей Владимирович* – канд. ист. наук, доц. Исторического ф-та МГУ
- Литовских Елена Владимировна* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Лукин Павел Владимирович* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, вед. науч. сотр. ШАГИ ИОН РАНХиГС
- Мельникова Елена Александровна* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

- Мехмадиев Евгений Александрович* – канд. ист. наук, ст. преп. каф. истории Средних веков СПбГУ
- Мингазов Шамиль Рафхатович* – адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
- Миролюбов Иван Андреевич* – канд. ист. наук, сотр. Московского госуд. объединенного музея-заповедника
- Мишин Дмитрий Евгеньевич* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН
- Могаричев Юрий Миронович* – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского респ. ин-та постдипломного пед. образования (Симферополь)
- Петрухин Владимир Яковлевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН, проф. НИУ ВШЭ
- Подосинов Александр Васильевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, зав. кафедрой древних языков исторического ф-та МГУ
- Рашковский Борис Евгеньевич* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Роменский Александр Александрович* – канд. ист. наук, науч. сотр. Госуд. историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
- Ставиский Вадим Изяславович* – канд. ист. наук, независимый исследователь (Киев, Украина)
- Стефанович Петр Сергеевич* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, проф. НИУ ВШЭ
- Столярова Любовь Викторовна* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Суриков Игорь Евгеньевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Сухино-Хоменко Денис Владимирович* – PhD-студент Гётеборгского ун-та (Швеция)
- Темчин Сергей Юрьевич* – д-р ист. наук (PhD), проф., гл. науч. сотр., зав. сектором изучения письменного наследия Ин-та литовского языка Академии наук Литвы (Вильнюс, Литва), член Академии св. Амвросия Медиоланского по классу славистики (Милан, Италия)
- Тимохин Дмитрий Михайлович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН

- Тишин Владимир Владимирович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)
- Флёров Валерий Сергеевич* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Отдела средневековой археологии Ин-та археологии РАН
- Хайрединова Эльзара Айдеровна* – канд. ист. наук, зав. Отделом средневековой археологии Ин-та археологии Крыма РАН (Симферополь)
- Храпачевский Роман Петрович* – директор Центра по изучению военной и общей истории (Москва)
- Чхаидзе Виктор Николаевич* – канд. ист. наук, науч. сотр. Отдела средневековой археологии Ин-та археологии РАН
- Шинаков Евгений Александрович* – д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Брянского госуд. ун-та им. И.Г. Петровского, зав. Научно-образовательным Центром Археолого-этнологических исследований
- Шувалов Петр Валерьевич* – канд. ист. наук, доц. кафедры общего языкознания СПбГУ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВДАЭ – Волго-Донская археологическая экспедиция
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.
- ГАУГН – Гос. академический ун-т гуманитарных наук
- ГВЛ – Галицко-Волынская летопись
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
- ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. – Древнейшие государства на территории СССР). М.
- ДР – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 1: Античные источники / Сост. А.В. Подосинов.
- ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
- КЛ – Киевская летопись
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАСК – Материалы по истории и археологии Северного Кавказа.
- МГУ – Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- НИУ ВШЭ – Научно-исследовательский ун-т «Высшая школа экономики»
- Н1 – Новгородская I летопись
- Н1мл. – Новгородская I летопись младшего извода
- ОИДР – Московское императорское общество истории и древностей Российских
- ПВЛ – 1) «Повесть временных лет»
2) Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей:
 Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
 Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
 Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).
 Т. 41: Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
- ПЭ – Православная энциклопедия. М.
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук
 РГАДА – Российский гос. архив древних актов (Москва)
 РГГУ – Российский гос. гуманитар. ун-т (Москва)
 РИБ – Российская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6.
 СА – Советская археология. М.
 СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 11 т. / Под. ред. Р.И. Аванесова. М., 1988–. Т. 1–.
 СЛ – Суздальская летопись
 СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.
 СПбГУ – Санкт-Петербургский гос. ун-т
 ССЯ – Словарь старославянского языка. Praha, 1997. Т. 4.
 ШАГИ ИОН РАНХиГС – Школа актуальных гуманитар. исслед. Ин-та общественных наук Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ
- Ágrip – Ágrip af Noregskonunga sögum / Bjarni Einarsson gaf út. Reykjavík, 1984 (Íslenzk fornrit; 29).
 BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
 BZ – Byzantinische Zeitschrift. Leipzig; München; B., 1892–
 DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.), 1941–
 EE – (Estoria de Espanna) Primera Crónica General de España / Ed. por R. Menedez Pidal con un estudio acutalizador de D. Catalán. 2 vols. Madrid, 1977. (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).
 Fask – Fagrskinna – Nóregs konunga tal / Bjarni Einarsson gaf út. Reykjavík, 1984. (Íslenzk fornrit; 29).
 Flat – Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1868. B. 3.
 Hkr – Snorri Sturluson. Heimskringla 3 / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951. (Íslenzk fornrit, 28).
 HT (N) – Historisk tidsskrift (Norge)
 HT (D) – Historisk tidsskrift (Denmark)
 IA – Íslandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888.

- IG – Inscriptiones Graecae. Vol. 2–3. B., 1924.
- HE – *Venerabilis Baedae Historia ecclesiastica gentis Anglorum*
 Knýtl – Knýtlinga saga // Sögur Danakonunga / C. af Petersens og E. Olson.
 København, 1919–1925. (Skrifter udgivet af Samfund til udgivelse af
 gammel nordisk litteratur; B. 46).
- MGHkr – Magnús saga góða // *Snorri Sturluson*. Heimskringla 3 / Bjarni
 Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951 (Íslensk fornrit; 28).
- MGH – Monumenta Germaniae historica
- MGH. SS RM – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum
 Merovingicarum
- MHWB – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Neumünster, 2004.
- Msk – Morkinskinna / Finnur Jónsson gaf út. København, 1932. (Skrifter
 udgivet af Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur; B. 53).
- ODB – The Oxford Dictionary of Byzantium. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. 1–3.
- PG – Patrologia Graeca. P., 1866. T. 155.
- REA – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft:
 Neue Bearbeitung, G. Wissowa; W. Kroll; K. Mittelhaus; K. Ziegler,
 Stuttgart, 1893–1980.
- REB – Revue des études byzantines. P., 1897–
- S – The Electronic Sawyer: Online catalogue of Anglo-Saxon charters //
 <<https://esawyer.lib.cam.ac.uk/about/index.html>>
- SBS – Studies in Byzantine Sigillography. Washington (D.C.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Айбабин А.И.</i> Возникновение городов на Внутренней гряде Крымских гор	5
<i>Алексеевко Н.А.</i> Византийская бюрократическая практика взаимодействия центра и провинций по данным сфрагистических архивов из Преслава и Крыма	8
<i>Артамонов Ю.А.</i> Вопросы хронологии интронизации архиепископов в Древней Руси	13
<i>Артюнова-Фиданян В.А.</i> Условия и механизмы сближения разных цивилизаций. Армения и Византия	20
<i>Ауров О.В.</i> Испанцы и французы в кастильской и леонской хронистике XIII в. (на примере описаний битвы при Лас-Навас-де-Толоса)	24
<i>Булычева Е.В.</i> Доходы от аренды священных земель в Аттике и Феспиях в конце IV – III в. до н.э. (по данным эпиграфики)	28
<i>Введенский А.М.</i> Древнерусские волхвы и волхование в домонгольский период	33
<i>Вершинина Ю.Е.</i> Концепт <i>familia</i> в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного и ее переводе на древнеанглийский язык	37
<i>Вин Ю.Я.</i> Региональные и локальные аспекты изучения византийских практиков как социокультурного явления	42
<i>Виноградов А.Ю.</i> Освящения храмов в письменной традиции Византии и Руси (сер. IX – первая половина XIII в.)	45
<i>Гимон Т.В.</i> Развитие письменных практик в первые сто лет после христианизации: англо-саксонские королевства и Русь	50
<i>Гиппиус А.А., Дробышева М.М.</i> «Руга» в граффито № 9 Софии Киевской	58
<i>Денисов С.А.</i> Определение границ землевладений в государстве Тевтонского ордена во второй половине XIII в.	65
<i>Джаксон Т.Н.</i> Битва на пустоши Люрсковсхеде (1043 г.) в германской, датской и исландской традиции	67
<i>Дробышев М.И.</i> Хронологические указания в «Стратегиконе» Катакалона Кекавмена (1075–1078 гг.) и в «Алексиаде» Анны Комниной (около 1144 г.)	73

<i>Дружинина И.А.</i> Социально-политическое развитие Северо-Западного Кавказа в VIII – начале XIII в.	75
<i>Евдокимова А.А.</i> Формулы в византийских погребальных надписях в провинциях Палестина и Финикия. Сравнительный анализ (по данным РНГ)	80
<i>Ермолова И.Е.</i> Оформление власти и дипломатические практики римлян и варваров во второй половине IV – первой половине V в.	86
<i>Земляков М.В.</i> Договоры о разделе королевств Меровингов и Каролингов второй половины VI – первой половины IX в.: сходства и отличия	91
<i>Иваненко А.В.</i> Еще раз о <i>скифах-абиях</i>	97
<i>Калинина Т.М.</i> Одна античная параллель к описанию седьмого климата трех арабских авторов	102
<i>Каишанов С.М., Столярова Л.В.</i> К вопросу о ранней канцелярской практике во Франкском государстве и на Руси: Механизм составления и выдачи актов	107
<i>Короленков А.В.</i> Отказ от тиранической власти Солона и Суллы	115
<i>Котышев Д.М.</i> Инвеститура киевских князей XI–XII вв.	121
<i>Кочергин С.С.</i> «Сарматские жрицы» и ближневосточные аналогии	126
<i>Кузнецов А.А.</i> Биографическо-династические параллели князей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси	131
<i>Кузьмин А.В.</i> Взаимодействие правителя Галича и бояр в Понизье в 1241 г.	136
<i>Лаушкин А.В.</i> «Възвращение с побѣдою»: домонгольские княжеские церемонии в свете возможных параллелей	142
<i>Литовских Е.В.</i> «В те времена Исландия была покрыта лесами от моря до гор»	143
<i>Лукин П.В.</i> «Весь Новгород» и венецианская коммуна: пути становления республиканской терминологии	148
<i>Мельникова Е.А.</i> Связи Свеаланда и Готланда с Восточной Европой в эпоху викингов	152
<i>Мехамадиев Е.А.</i> Арабоязычные историки IX в. ал-Баладзури и ал-Йакуби об армянских и западно-кавказских владениях Византии в VII в.: к вопросу о военных походах императора Юстиниана II в 687–689 гг.	157

Мингазов Ш.Р. Следы взаимовлияния европейской и азиатской социокультурных моделей: болгары в Италии (VI–VIII вв.)	162
Миролюбов И.А. «Наш господин» и «народ Римский»: зрелища в начале IV века	166
Мишин Д.Е. Обычай мести за убийство в доисламской Аравии	170
Могаричев Ю.М. Крым или Нижний Дунай: к проблеме локализации некоторых позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей	173
Петрухин В.Я. К типологии процессов урбанизации в Восточной Европе: каменные крепости и земляные городища	177
Подосинов А.В. «Лукановские» средневековые карты и их предполагаемая основа в «Фарсалии» Лукана: к вопросу об античных истоках средневековой картографии	182
Рашковский Б.Е. «Игумен русской земли», андалузский факих и раввин из Регенсбурга в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Паломничество как социокультурная практика в XII в.	189
Роменский А.А. Религиозная полемика на Руси и в государствах Великой степи: литературный топос или следование традиции?	194
Ставиский В.И. О смысловой нагрузке ритуала «поклонения кусту»	198
Стефанович П.С. Шиллинги на Руси, или «шутки» летописцев	203
Суриков И.Е. Некоторые древнегреческие социокультурные институты в сопоставлении с их индоевропейскими прототипами	207
Sukhino-Khomenko D.V. Debates on the Norwegian ‘Civil Wars’ and their Role in the Scandinavian Politogenesis: a Comparative Perspective	212
Темчин С.Ю. Фольклорные истоки «предсмертной» фразы киевского князя Владимира Святославича в «Повести временных лет»	217
Тимохин Д.М. Сравнение дипломатических действий Хорезма и державы Чингиз-хана по арабо-персидским источникам	223
Тишин В.В. К генезису двукрылой системы у кочевников евразийских степей: каганаты древних тюрков и огузотуркменская традиция	227

Флёров В.С. Сравнение сведений Петроны Каматира о Саркеле с археологическими данными о ниже-донских крепостях Хазарского каганата	223
Хайрединова Э.А. Византийские амулеты в повседневной жизни крымских готов	238
Храпачевский Р.П. Кочевые федераты империй Ляо и Цзинь: опыт сравнения с синхронными им «своими погаными» на границах Руси	242
Чхаидзе В.Н. Византия в Крыму и на Тамани (конец XI – начало XIII в.) по данным нарративных источников и памятников византийской сфрагистики	247
Шинаков Е.А. Дания и Русь: сравнение некоторых особенностей формирования «ранней государственности» по археологическим данным	251
Шувалов П.В. Ранневизантийские конные лучники – степное влияние или достижение античности, не оцененное германцами?	245
Сведения об авторах	258
Список принятых сокращений	262

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто

Выпуск XXXII

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 11.03.2020 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 16,75 п.л. Тираж 300 экз.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, 119334, Ленинский пр-т 32а